

**ЛЮДИ
ТРУДОВОЙ
ДОБЛЕСТИ**

**Наш коллектив первым в стране стал
работать по методу бригадного подря-
да. Сегодня бригадный подряд шагнул
далеко за пределы строительства.**

Н. А. ЗЛОБИН

РАЗВЕДЧИКИ

Н.А. ЗЛОБИН

РАЗВЕДЧИКИ

Москва
«Советская Россия»
1986

ЛЮДИ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ

P2

3-68

Литературная запись
Нatalьи Пентюховой

Художник Е. Пермяков

Злобин Н. А.

3-68 **Разведчики**.— М.: Сов. Россия, 1986.— 240 с.,
1 л. портр., 16 л. ил.— (Люди трудовой доблести).

Автобиографическая повесть дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии, знатного строителя Николая Анатольевича Злобина.

Автор рассказывает о своём деревенском детстве на Тамбовщине, о богатой биографии строителя, возводившего дома Ленинграда, Томска, Волгограда, а с 1958 года обосновавшегося в Москве. Злобин с товарищами поднимает этажи Зеленограда — сначала каменщиком, потом бригадиром комплексной бригады управления «Зеленоградстрой».

Особое внимание в книге уделено истории возникновения, развития и распространения подрядного метода.

Оцифровано для портала «Педагогический музей А.С. Макаренко»
Makarenko-museum.ru

Распределение текста и нумерация страниц текстовой части соответствует бумажному изданию (с точностью до пары слов на границе страниц), что даёт возможность ссылок на бумажное издание.

3 $\frac{0802010204-101}{M105(03)86}$ КБ - 61 - 3 - 1985

P2

© Издательство «Советская Россия», 1986 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он уходил всё дальше и дальше. Чёрная дорога сворачивала налево и убегала за пригорок, ещё минута — и отца уже не будет видно.

Жуткая тоска сжала мне сердце, я в отчаянии крикнул:

— Папа! Папа, вернись!

Я хотел броситься за ним, но мать крепко держала меня за руку. Вырваться я не мог.

— Пусти, да пусти же,— в отчаянии крикнул я ей, поднял голову и посмотрел на мать.

Лицо у неё было каменное, застывшее, она прижимала к себе мою младшую сестру Валентину, ей ещё не было и годика, и тоже смотрела, как уходит от нас отец. Людмила, моя вторая сестра, ей уже шёл третий год, крепко держала мать за подол.

Я сделал последнее усилие, извернулся и вырвался из крепкой руки матери. Побежал изо всех сил по пыльной, нагретой солнцем дороге... Но разве догонишь отца! Он уже скрылся за пригорком.

— Папа! Папа! Стой! — Мне трудно так быстро бежать и кричать, и всё же я кричу, и плачу, и бегу, бегу.

За поворотом отца не видно, он ушёл далеко, пропал за домами. Я схожу с дороги, сажусь на пыльную, придорожную траву и горько плачу.

Я знаю, что отец ушёл навсегда. Так он сказал матери, и все мы это слышали. Конечно, сестрёнки мои ничего не поняли, малы были, а я понял. Мне было тогда уже пять лет.

Помню, как бабушка, мелко крестясь, увещевала отца:

— Да одумайся, Толя, побойся бога, у тебя ж малые детишки. Как Меланья одна, без тебя, прокормит их? Ты только подумай, не гневи богато!

Отец молчал.

Тогда бабушка оборачивается к матери:

— А ты, доченька, не гордись, бросаю перед ним на колени, муж же он тебе, проси его! Детушек малых пожалейте, о них подумайте!

Я смотрел на мать, и мне страстно хотелось, чтобы она бросилась на колени и уговорила, умолила отца остаться.

Но мать, прямая и строгая, стояла под иконами и молча смотрела на отца. А он медленно собирал какие-то вещи в небольшой деревянный чемодан. Наконец мать сказала, и голос у неё был какой-то чужой, хриплый:

— Коли решил — уходи! Не тяни, не надрывай мне сердце.

И бабушке, не поворачиваясь к ней, кинула:

— Куда ему, учителю, жить с простой колхозницей. Детей сделал — и в сторону! Пусть уходит — с богом. Всё переговорили, больше говорить не о чем.

Мой отец, Анатолий Иванович, был учителем первых четырёх классов,— как потом мне рассказывали, он очень гордился этим.

Видя, что мать не собирается уговаривать отца, я, заливаясь слезами, бросился к нему, обхватил за ноги и завопил:

— Папка, не уходи!

Мать с силой оторвала меня от отца.

Шёл 1936 год. Конечно, многое из моего детства перезабылось, но воспоминания о том, как уходил от нас отец, как тяжело и горько мне было, до сих пор живут в моей душе.

Мне кажется, что в неблагополучных семьях дети взрослеют скорее. Мне и моим товарищам очень рано пришлось работать и помогать своим родителям, и у нас

отлично уживалось детское, ребячье и какое-то взрослое понимание многих житейских вопросов.

Наше село Дельное находится в бывшем Ламском районе Тамбовской области. Село большое, его длинные прямые улицы за один раз не пробежишь. Детей было много, и жили мы в основном на улице, но за всю мою жизнь в Дельном я ни разу не слышал о каком-либо хулиганстве. Конечно, мы играли и баловались, но это были ребячьи проступки, за которые, однако, нам сильно попадало.

Моя мать, Меланья Павловна, работала в колхозе дояркой. Дома её почти не бывало. Чуть свет уходила она на дойку, потом среди дня дойка, а там вечерняя, потом коров почистить надо, корма раздать. Она и на поле ходила работать. Ведь нас было пять душ, всех надо было накормить, одеть, а работала она одна. Бабушка хозяйничала дома. Была она маленькой, старенькой, но очень подвижной и делала по дому всё быстро, ловко. Нас, детей, она очень любила, но, рассердившись, щедро раздавала шлепки. Нам было не больно, но мы хныкали, особенно сёстры, а бабушка быстро отходила. Посадит нас на печку или на лавку, даст ржаных пирогов с картошкой, иной раз и сказку расскажет.

Я очень любил слушать её сказки — говорила она не торопясь, растягивая слова и так выразительно, что мне представлялось, будто вижу я наяву страшную, с седыми лохмами, бабу-ягу, ловкого царевича и Елену Прекрасную. Мне так было интересно, что даже не тянуло на улицу, всё бы бабушку слушал и слушал.

Мать была строже бабушки. Бывало, с вечера накажет мне:

— С утра иди полоть картошку. Чтобы к моему приходу прополол всё у сарая. Смотри мне, а то выпорю.

...Время шло. Наступил июнь 1941 года. Началась Великая Отечественная война.

Из села ушли на фронт все молодые и здоровые мужчины.

Прибывали похоронки. Уже много изб посетило невосполнимое горе.

Как-то мать говорит мне:

— Мал ты ростом, вроде щупленький, а всё же сила в тебе есть.

— Есть,— отвечаю я и смотрю на мать, что она скажет, к чему клонит.

— И лет не так уж мало, двенадцатый пошёл,— продолжала она.

— А чего ты говоришь? — встрепенулась бабушка.— Чего?

— Помогать уж мог бы,— как-то раздумчиво говорит мать,— ведь пять душ прокормить — лёгкое ли дело? И семье помочь, и колхозу... Людей-то мало, мужиков раз-два, да и обчёлся.

Она помолчала, потом, глядя на бабушку, снова заговорила:

— Навоза-то, навоза сколько скопилось. Я вчера мужикам помогала убирать, а мужики-то одно только слово, что мужики, старьё одно маломощное. А что Кольке бы не помочь? Опять же трудодни пойдут, неплохо бы.

Бабушка молчала. Мать мне:

— Пойдёшь, что ли, работать?

— Пойду.

И пошёл. И работал, выгребал навоз, убирал фермы, помогал матери чистить коров. И как-то не особенно-то и уставал. Нароботаешься, и вроде настроение поднимется от сознания своей нужности. Мать скажет:

— Ну ладно, Колька, наработался, колхозное тебе спасибо. Беги домой-то.

А я домой только на минуту. Прибегу и кричу бабушке:

— Есть давай скорее!

Та ворчит, да не зло, а как-то вроде в шутку, ласково:

— Ну колхозничек прибег, всё бросай, ему прислуживай.

Ешь, ненаглядный ты сокол мой, ешь, не робей!

Я ел с аппетитом, быстро и, дожёвывая последний кусок, уже бежал к товарищам.

Постепенно все мои товарищи тоже начали трудиться в колхозе. Не хватало рук, и всех подростков привлекли к работе.

То, что с нас, ещё совсем мальчишек, требовали настоящей, большой работы, никого не удивляло, все считали, что это так и надо, ведь шла жестокая война. Всё это понимали и мы и к своей работе относились серьёзно, но подчас детство брало своё, и бывали у нас разные происшествия.

Война окончилась победой. Но эта победа далась нам не легко. Фашисты сильно разрушили многие наши города и сёла. Нужно было всё восстанавливать, возрождать. Нужно было щедро помогать тем областям, которые пострадали от фашистской оккупации.

У нас в селе многие мужчины не вернулись домой — погибли. Многие пришли калеками. Кому повезло — вернулись здоровыми, но их было немного.

Жизнь шла тяжёлая. На трудодни выдавали мало, продуктов от урожая до урожая хватало в обрез, даже при большой экономии. Был у нас огород, но полностью обеспечить нашу большую семью он не мог, хотя и обрабатывали мы его очень старательно. Работала на нём вся семья. Сёстры мои уже подросли. Людмиле было 14, Валентине 11 лет, девчата были старательные, трудолюбивые, со светлыми густыми волосами, с яркими большими глазами. Людмила уже посматривала на парней, хотелось ей принарядиться, но с одеждой у нас было очень плохо. И я думал о том, как бы лучше приодеться. Мне и моим товарищам исполнилось по 15—16 лет, мы уже интересовались девчатами, хотя и скрывали это.

Как я уже говорил, семья наша жила тяжело. Да и вообще

в те послевоенные годы в деревне жилось трудно.

Приезжали к нам в Дельное разные вербовщики, кто на стройку звал, кто на завод, кто куда — в общем, шёл оргнабор, И многие парни у нас завербовывались.

В 1949 году приехал к нам вербовщик из Ленинграда, звал он в какой-то «трест», а там, мол, «вас уже распределяют кого куда».

Ботинки мои совсем развалились, ходил я в старых резиновых сапогах, одежда самая убогая, и сёстры одеты — хуже некуда.

Я говорю матери:

— Мам, а ежели мне завербоваться в Ленинград? Помогать буду. Деньги, может, и товары какие пришлю.

Мать долго молчала, лицо её стало холодным, строгим. Но вот оно дрогнуло, и мне показалось, что сейчас она заплачет, но не заплакала, а как-то глухо сказала:

— Что ж, сынок, попытай счастья.

И я завербовался.

...Через несколько дней я уехал и стал грузчиком транспортной конторы города Ленинграда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ленинград окутан ледяным туманом. Промозгло. Стужа пробирает до костей. Не бывает здесь таких ясных, бодрящих морозов, какие стоят у нас на Тамбовщине.

Я сильно мёрз в своей одежке — старом изношенном ватнике, рваных резиновых сапогах и заплатанных шерстяных деревенских носках.

Мы возили лес. Грузчикам нужны силы, крепкие мускулы, а какие были у меня силы? Ростом я не велик, худой, сразу видно — малосильный.

Помню, как первый раз пришёл я в общежитие. Грузчики недавно только пришли с работы. Сидели за грубым старым столом и ужинали, пили чай. Кипяток наливали из большого медного чайника, обшарпанного и облезлого. Ели хлеб с салом, и была колбаса, которую я, пожалуй, видел только до войны.

Робко вошёл я в комнату, встал у двери, поздоровался. Несколько секунд на меня молча смотрели, потом один здоровый парень, с могучими плечами, лет этак 25, присвистнул и сказал:

И где таких вербуют? Ты хоть чайник наш поднять-то сможешь?

Осилью,— тихо ответил я.

Тут все рассмеялись, но смех остановил другой, постарше, мужчина крупный, видать, большой силы;

Да погоди ты, Николай, чего парня-то смущаешь. Значит, тебя в нашу бригаду прислали? — обратился он ко мне.

— Видать, так,— отвечаю я и чувствую себя довольно неловко среди этих крупных и сильных грузчиков.

— Так ты не робей,— продолжал старшой,— у нас народ добрый, хороший, только пошутить любят. Вон, у окна, койка свободная, как раз для тебя. Располагайся — и к нам, ужинать.

Я положил свой небольшой деревянный сундучок около железной кровати и, стесняясь идти к столу, присел на краешек койки.

Николай тут же:

— Да ты не робей, давай к столу. Давай, давай.

Который уже день стоял суровый мороз. Я сильно мёрз в своём поношенном дырявом ватнике.

Утром Николай полез в свой объёмистый сундучок и вытащил телогрейку. Осмотрел её и протянул мне:

— На, Никола, надень.

— Да мне не надо! — застеснялся было я.

— Надень, тебе говорят,— повторил Николай и положил телогрейку на мою койку.

Я надел телогрейку и сразу почувствовал, как хорошо и уютно в ней.

Работал в паре с Николаем. До чего ж он крепок — плечи широкие, руки сильные, весь кряжистый, как дуб. Говорит мне:

— Ты, Никола, бери бревно с той стороны, где оно потоньше, а я — где толще. Всё тебе полегче будет.

Брёвна огромные, тяжёлые, мне действительно очень трудно, и я с благодарностью чувствую, как Николай старается взять на себя основную тяжесть.

В обеденный перерыв ели молча, все сильно устали. Покончив с едой, отдыхали, сидя на широких брёвнах, дремали. А я думал о своих новых товарищах. Не брат, не сват я им, а относятся ко мне как к родному. Жалеют. Оберегают. Стараются помочь.

Жизнь бросала меня во многие города, я встречался со многими людьми, но всегда помнил Матвея, Николая...

Как-то, после получки, когда ложились мы спать, подсел ко мне на койку дядя Матвей. Лицо его было серьёзное, я бы даже сказал, строгое. Он нагнулся ко мне и негромко спросил:

— Получил получку? Та-ак. Получил. Сам раздет, разут, а получки в штаны зашиваешь? Только не ври: почему одежонку не купил, куда деньги девал? Ведь получка-то не первая.

Голос его был строгим, вроде враждебным, и сразу мне стало как-то холодно, тоскливо, и я упавшим голосом ответил:

— В деревню отослал — матери. Сёстры там. Тяжело живут.

Лицо дяди Матвея моментально изменилось, оно стало мягким, ласковым, глаза засветились теплом, и тяжёлой, грубой рукой он нежно погладил меня по плечу, совсем тихо, мягко сказал:

— Правильно, Коля, сделал, родительнице в первую голову помогать надо. Как отец родной говорю — правильно.

И вдруг он крепко прижал меня к себе, и было столько тепла и в его словах, и в глазах, и в его крепком мужском объятии, что волнующая горячая волна захлестнула меня.

Когда я получил благодарственное письмо от матери, то показал его дяде Матвею. А тот взял да и прочёл вслух всей нашей бригаде. Мать писала: «Дорогой Николай, наш незабвенный сынок, получили мы твои деньги. И хотя много чего нам надо, но решили мы на них починить нашу избу. Совсем разваливается. А как ты там? Купи себе сапоги, а потом уже шли нам деньги. Нужда у нас в них большая...»

Николай сказал:

— А мы думали — куда ты деньги деваешь? Ведь одет — хуже некуда. А ты, вот видишь, для матери копил. Всё, что ли, отослал?

— На еду оставил, а так всё,— ответил я.

— Видишь, какое дело,— подумав, продолжал Николай,— оно, конечно, ватник твой на рыбьем меху каши просит, а изба-то важнее. Точно я тебе говорю — важнее.

...В 1951 году я был мобилизован в армию. Отслужил три с половиной года в артиллерии, В 1954 году демобилизовался, будучи в должности старшины батареи и в звании сержанта.

Встал передо мной вопрос: а что дальше? Куда податься? И я решил поехать в Москву. Жили там три моих дяди: Фома, Андрей, Иван. Думал, что помогут они мне устроиться.

Дядья встретили меня по-родственному, но объяснили, что остаться в Москве трудно, но можно устроиться — пойти или в милиционеры, или в пожарные.

Решил идти в пожарные. Меня приняли на курсы, на них было много молодёжи из армии.

Через три месяца, по окончании курсов, стали мы пожарниками. Жили в общежитии — нас было двадцать восемь человек в одной большой комнате.

Жизнь пошла опять армейская. Ещё на курсах подружился я с Виктором Филипповым, парнем из деревни Терновки.

Мы с ним быстро подружились и ходили всюду вместе, работали в одном подразделении.

Порядок у нас был такой: сутки отработали, двое отдыхаем. Когда дежурили — были мы как военные, а двое суток, пожалуйста, гражданские.

Но вскоре произошёл случай, который заставил меня задуматься о моей работе.

На пожары мы выезжали часто, но особых, трагических происшествий не было. А тут как-то загорелся один из сараев на Абельмановской улице. В сарае были сложены дрова, а в стороночке, в углу, стояла старая железная кровать с соломенным тюфячком. Сын хозяина этого сарая, парень лет 20—25, напился вдрызг и пьяным заперся в сарае,

завалился на кровать, закурил. Вскоре он заснул и уронил зажжённую папиросу на пол. Вспыхнул пожар. Когда мы примчались, сарай пылал как факел, народ метался около него, кричал, волновался.

Мы тут же взломали дверь и вытащили парня. Но он уже весь обгорел — пожар его не разбудил, он задохнулся в дыму. Родители бросились к сыну, плачут навзрыд, а я смотрю на обгоревшего человека, и плохо мне, тошнота к горлу подступает.

Вернулись мы к себе в пожарную часть, а мне чуть не дурно. Виктор начал меня ругать, потом жалеть и снова ругать, а я себе места не находил, перед глазами как наяву — обгоревший человек. И тошнота, тошнота мучила. Так недели две промучился, начну есть — не могу, тошнит.

Тут я и задумался — могу ли я быть пожарником? Видать, это не по мне.

Шёл 1956 год. И вот однажды Виктор говорит мне:

— Какой ты пожарник, парня обгоревшего увидел и почитай недели две как мертвец ходил. Не пожарник ты! Лучше едем на стройку в Сибирь или на Крайний Север. Молодёжь зовут же туда. Вот по комсомольской путёвке и поедем. Интересно! Места новые увидим, строителями станем.

— А кем работать будем? — спрашиваю я Виктора.

— Кем хочешь! Можно плотником, можно каменщиком, да выбирай что хочешь!

— Поди, каменщиком лучше, дома строить будем.

— Каменщиком так каменщиком, по мне всё равно, — отвечает Виктор.

И вот по комсомольской путёвке мы отправились в город Томск. С нами вместе поехало ещё трое молодых пожарников.

Окончили мы трёхмесячные курсы каменщиков. Учились прилежно. Был у нас инструктор Иван Васильев — большой мастер кладки, под его руководством мы проходили практику на строительстве жилого дома.

Умение приходило не сразу. Мы с Виктором увлеклись работой. Нам очень понравилась выбранная профессия.

Сколько радости приносила нам ровно, прекрасно сложенная стена, с какой гордостью смотрели мы, как поднимались, этаж за этажом, как вырастали дома — высокие, красивые, с множеством квартир для людей, или школа с просторными, светлыми классами. Эту радость, эту гордость, по-моему, ни с чем нельзя сравнить.

Ведь строителя, познавшего всю красоту нашего труда, ни за что не оторвёшь от этой профессии. Мы, строители, по-особенному любим и свой труд, и людей, и природу, которую видим с высоты построенных этажей.

Как я уже говорил, кладка нам далась не сразу. Мы работали с Виктором на пару. Полсмены я подавал Виктору кирпич, а он укладывал. Смотрю на Виктора — у него на лбу волосы слиплись от пота, лицо красное, спина согнулась, вижу, как он старается изо всех сил, и прекрасно понимаю его состояние духа. Вторую половину смены Виктор работает у меня подсобником, а я каменщиком.

Вначале к нам часто подходил инструктор, он зорко следил за тем, как мы стоим, как берём кирпич, держим мастерок, как срезаем им раствор со шва. Частенько он отстранял нас и начинал работать сам, уча нас правильной кладке.

А сегодня он подошёл к нам только утром, видимо, уже надеясь на нас. Но когда появился второй раз, то просто ахнул:

— Ну и молодцы, поставили дом — назад передом. По морям, по волнам — не видите? Разве ряд ровный? Окосели — нет?

Мы стояли растерянные, расстроенные и только теперь видели, что ряд наш волнистый, действительно «по морям, по волнам».

А раствор уже схватил кирпич, и инструктор с трудом начал срывать его, мы помогали ему — и вот вся кладка, так старательно уложенная нами, разобрана и разбросана!

— Начинайте снова,— сердито командует инструктор.

Он долго стоял около нас, то и дело поправляя то меня, то Виктора. Потом ушёл, но вскоре вернулся и опять внимательно следил за нашей работой.

Под конец работы у меня уже так болели руки, что мне было трудно поднять кирпич и казалось, что он весит не пять килограммов, а все пятьдесят.

Вечером мы возвращались в общежитие расстроенными и посрамлёнными. Я сел на койку, положил руки на колени и не пошёл даже ужинать — сдвинуться было трудно. Виктор принёс мне кашу и кусок хлеба, хмуро сказал:

— Чего раскис, скажи пожалуйста? Кирпич инструктор развалил, разбросал на подмостях, чай, и сам не сразу мастером стал. Я ещё лучше его класть буду.

— Руки болят,— ответил я ему.

— Ру-уки? Да ты посмотри, какие у меня на ладонях водяные пузыри, а я ведь молчу. Неженка какой нашёлся!

Я смотрел на ладони Виктора — они красные, вздувшиеся, у пальцев большие белые мозоли. Виктор сильнее меня и ростом намного выше, у него мускулы на руках здоровые. И вообще он намного крепче меня. Но и он здорово устаёт.

Все ложатся спать. Гасим свет. Но я не могу уснуть. Ломит руки, болит спина. Ворочаюсь на кровати, начинаю мысленно считать, чтобы уснуть, но сон не идёт. И вдруг слышу, Виктор шепчет:

— А ты о руках не думай. Что-нибудь хорошее вспомни. Так и думай об этом хорошем. Скоро уснёшь.

Постепенно пришло к нам мастерство, и вскоре из нас, учеников, создали бригаду каменщиков. Бригадиром у нас стал наш инструктор.

Дали каждому участок длиной в девять метров. Были у нас уже и свои подсобные рабочие, которые подносили нам кирпич и раствор. Наши «захватки» с Виктором были рядом. Работали мы старательно, с азартом. Виктор не раз говорил мне:

— Вот погоди, я ещё буду первым каменщиком.

Я смеялся и отвечал:

— А я тебя обгоню,

— Ты? — Виктор с минуту критически смотрит на меня и уверенно: — Нет, не догонишь. Я сильнее тебя и ловчее.

— Обгоню, увидишь! — Я уже не смеюсь, говорю серьёзно, и Виктор понимает, что я по-настоящему хочу его обогнать.

Так и зародилось у нас доброе соревнование.

Вскоре произошло одно событие, которое заставило нас с Виктором задуматься о вещах, мимо которых мы проходили всё это время, не придавая им особого значения.

Нередко бывало, что к нам на стройку не подвозили вовремя кирпич и работа стояла. Это не те 15—20 минут, когда мы, рабочие, ждали, чтобы кран поднял к нам на леса раствор, а вот ежели кирпича нет, то жди — день или полдня пропадёт даром, а бывало, и два-три дня. Вот тогда рабочие ругались, кричали на прораба, тот изворачивался, как мог, но задержка, как правило, зависела не от него.

Обычно дело кончалось тем, что каменщики делали ту работу, которую пока, на данном этапе, было делать бессмысленно, потому что завтра всё, что они сделали сегодня, сами же и разорят. Но прораб им запишет эту работу, простоя не будет, и рабочие получат деньги.

Мы с Виктором посмеивались над этой свистопляской, иной раз и сами включались в неё, не придавая ей особого значения.

Но была на стройке одна подсобница, которая высмеивала эту «игру» и никогда не участвовала в ней. Сядет, бывало, на груды кирпича, смотрит, как каменщики суетятся, проворачивают ненужную работу, и спокойно так, со смешком:

— А ну, Степан, поддай, вот так, ещё разок, в кармане у тебя рублёвка ещё не зашевелилась? Нет? Плохо стараешься, ай-ай-ай!

Или:

— Гаврюшка, скажи, сколько копеек незаработанных заработал? Двадцать? Мало. А ты вверх ногами встань, может, прораб тебе пятёрку выпишет.

— Вот стерва! — кричит Гаврила, парень грубый, нахальный. — Святой представляется, а сама хуже ведьмы.

Около Гаврюшки тут же вырастает Фёдор. Это один из лучших каменщиков — большой мастер кладки. Молодой ещё, года двадцать три — двадцать четыре, а среди каменщиков один из первых. Здоровый, высокий, с сильными плечами, и руки как железные, крепко стоит на земле, как влитой. С ним шутки плохи.

Нахмутив широкие чёрные брови, он наступает на Гаврюшку.

— Ты что, подлец, сказал? — хрипит Фёдор, — А ну повтори!

— Да я что, да я ничего! — отступает от него Гаврюшка. — Чего пристаёшь!

— А то, что извинись перед Клавкой. Слышишь?

— Ну и извинюсь, скажи, пожалуйста, важность какая, — уступает испуганный Гаврюшка. — Слышь, Клавка, беру слова обратно.

— Слышу, — отвечает Клава, — по мне хоть и не бери, важная птица какая, так, червяк какой-то.

Гаврюшка извинился, и Фёдор отпускает его. Фёдор ухаживает за Клавой. Все знают, влюблён в неё по уши. Да он этого и не скрывает. Обхаживает её открыто, упрямо.

Когда мы пришли на стройку, первое доброе слово, которое услышали на лесах, было от Клавы. Мы с ней скоро подружились. Виктор был смелее меня, бойчее, она это сразу заметила, поэтому больше уделяла внимания мне, чем Виктору.

Мне нравились её простота, сердечность, нравились её шутки. И вообще она мне нравилась.

Клава была всего-навсего подсобницей, но мы с Виктором

скоро поняли, сколь высок её авторитет среди рабочих. Даже пожилые, опытные каменщики и те уважали Клаву. Если на каком-нибудь собрании или летучке она брала слово, её слушали со вниманием, считались с её высказываниями.

Но произошла у нас тяжёлая история.

Пришёл к нам корреспондент из газеты. Поручили ему написать статью о нашей стройке. А тут как раз не подвезли кирпич. Работы нет. Простаивай — и всё тут.

Ну, конечно, строители стали изображать ударный труд — торопятся, делают работу, которую завтра же порушат. А Клава, как всегда, забралась на груды всякого хлама, грызёт семечки, посмеивается.

К ней подходит прораб, шепчет:

— Не подводи, Клавка. Займись чем-нибудь.

А она громко, чтоб все слышали:

— А какую ты работёнку мне дашь, коли кирпичей нету и нужного дела нету. А? Чего придумашь?

Гаврюшка, он был рядом, шипит;

— Молчи, стерва!

Слышит это Фёдор, брови сжал, желваки на щёках так и заходили. Он к Клаве:

— Клава, замолчи. Хоть сегодня помолчи. Прошу тебя, Клава!

— А зачем мне молчать? Прикажешь спектакль играть? Ваше враньё покрывать? А я не хочу. Понял? Не хочу. Да мне за вас всех стыдно. Обманщики вы все. Вы разве работу делаете? За что вам платить будут? За обман? Прораб всё запишет, обманные рублики получите.

Ну, конечно, корреспондент услышал это и сыплет вопрос за вопросом. Прорабу деваться некуда, пришлось ему кое-что и рассказать.

А Клава говорит гостю:

— Вы пропесочьте тех, из-за кого работа у нас стоит, из-за кого нам то кирпич, то раствор не подвезут, и нас заодно проработайте — за обман.

— Конечно,— отвечает корреспондент,— тут надо во всём разобраться и каждому воздать должное.

Ушёл корреспондент. Замолкли все. На лесах тишина, только ветер завывает. Погода плохая, всё небо тяжёлые тучи заволокли, дождь мелкий, противный, то перестает, то опять идёт, и ветер северный, холодный пронизывает насквозь.

Первый молчание нарушил прораб, качает он головой и с досадой говорит Клаве:

— И что ты за человек? Ведь для вас же стараюсь. Для вас! А ты всех нас осрамила. Эх, ты!

Клава смеётся, ей хоть бы что:

— Это я вас осрамила? Шутник вы! Сами себя же срамите! Я никогда в вашем вранье руки не марала. А вы меня срамите.

— А ты не задирайся,— говорит Фёдор,— не задирайся! Тебе по мягкому месту надавать надо. Да покрепче.

— Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала,— резко отвечает ему Клава.— Совесть-то где твоя, чего зряшные деньги получаешь, дурака валяешь, эх ты, тоже!

— Это я-то зряшные деньги получаю? — медленно, с гневом переспросил Фёдор.

Глаза его налились злостью, лицо побледнело, и он сделал шаг к Клаве.

— Ты, твоей персоной лживые деньги получаешь, вор ты! — смело глядя на него, ответила Клава.— Вор!

— Я вор? — закричал Фёдор.— Вор?

И он с размаху ударил Клаву по лицу. Та ахнула... Мы все затаили дыхание, не знали, что сказать, что сделать?

А Клава схватилась за щёку и было бросилась бежать, да остановилась и с силой Фёдору:

— Эх ты, продал свою любовь за рублики!

И тут сорвалась с места и побежала с лесов, да так быстро, что того гляди свалится вниз. И когда почти добежала до первого этажа, Фёдор ринулся за ней.

Больше на стройку Клава не пришла. Уволилась. Уехала. А куда — никто не знал. Лишь через несколько лет совершенно случайно я встретился с ней. Но об этом расскажу дальше.

Впервые мы задумались с Виктором о приписках прораба.

— Клава-то права,— говорю я.

— А разве мы виноваты, что работы нет? — отвечает Виктор.— Почему это мы без заработка должны оставаться? Ты скажи, почему? Да потому, что порядка нет. А раз порядка нет — вот за это и плати нам.

— Так пусть платит тот, из-за кого кирпич нам не привезли, а при чём тут государство? — не соглашаюсь я с ним.

— Вот государство пусть и разбирает, по чьей вине мы простаиваем,— сердится Виктор. — Что, мы с тобой, что ли, можем в этом разобраться? Да и кто нас слушает?

— А всё же Клава права,— настаиваю я.

Мы с Виктором стали заправскими каменщиками. Теперь и заводили углы, и ставили маяки, и выкладывали арки. Всё умели. Вот это ощущение мастерства делало нас по-настоящему счастливыми.

...Жили мы в общежитии, в 15—20 километрах от города Томска. Работали много, и заработки были у нас неплохие. Я каждый месяц отсылал матери часть своей зарплаты, и она была очень довольна. Письма она писала мне редко, не любила писать. Но в тех, что писала, было много ласковых слов. Я удивлялся им, потому что раньше мать мало мне их говорила. Вообще-то она у нас не любила много говорить, больше молчала. И на ласки была скупа. Редко-редко когда погладит меня по голове или поцелует в макушку.

А тут, читая её письма, я лучше начал понимать свою мать. Сдержанной она была, но какое горячее, любящее

сердце пряталось за этой сдержанностью. И сколько у неё в душе было нерастроченной ласки и любви!

Деньги у нас с Виктором были, и мы изредка ездили в Томск — купить что-нибудь себе из одежды, сходить в кино. Мы с ним очень сдружились, были как родные братья, даже деньги были общие, лежали в одном чемодане. Вместе решали, кому что купить, и вместе покупали. Словом, были мы с ним неразлучны.

Но вот однажды он меня очень удивил. Сидели мы как-то после работы в общежитии у себя на койках, кое-что из вещей чинили, и вдруг Виктор говорит:

— Николай, едем в Сталинград.

Я от удивления чуть не подскочил на месте.

— Да зачем в Сталинград? — спрашиваю его.

— Работать. Каменщиками. Знаешь, какое там строительство идёт? Грандиозное. И город посмотрим.

Помолчал он, потом уже другим голосом, потише, говорит:

— Наша деревня Терновка от Сталинграда недалеко. Хорошее место, красивое.

И вот с того вечера начал он меня каждый день уговаривать уехать в Сталинград. А мне не хотелось. Нравилось мне работать в бригаде Сивкова, все люди здесь были хорошие, и дело ладилось. Но всё же Виктор убедил меня.

Когда брали расчёт, нас долго уговаривали не увольняться. И Дмитрий Петрович уговаривал. Но мы уже решили и передумать не стали.

...Город строился. Куда ни помотришь, всюду высоко в небо смотрели башни подъёмных кранов, все здания в лесах, и всюду встречались нам строители — брезентовые куртки в мелу, извести. Сюда съехались люди со всей нашей страны — москвичи, ленинградцы, свердловчане, куйбышевцы.

На работу нас приняли тут же — строителей не хватало. Попали мы на строительство школы, в бригаду Зозули.

И опять нам повезло — бригада была сильная, состояла она из отличных специалистов, в основном это были люди 35—40 лет, уже давно работающие в строительстве. Кроме нас, в бригаде молодых больше не было, и нас опекали все рабочие.

И хотя работа у нас была интересная, но Виктор всё-таки заскучал.

Проработали мы с ним месяцев восемь, и вдруг он говорит:

— Николай, поедем в Воронеж.

— Что-о-о? — удивился я. — Да чем тебе здесь плохо?

— Не плохо. Бригада хорошая. И город ничего, а Воронеж лучше. Слово-то какое звучное — Во-ро-неж! — мечтательно говорит мой друг. — Пока молодые, надо всё посмотреть, всё увидеть. А что на одном месте сидеть? Этак прокиснешь. Едем в Воронеж? Я вчера глянул в газету, что висит у нас у входа в общежитие, и читаю: «В Воронеже сдан в эксплуатацию»... Я и не посмотрел, что там сдано в эксплуатацию, меня поразило слово «Воронеж»! Едем!

И как я его ни отговаривал, он твердил только одно:

— Воронеж!

А Воронеж нас встретил не очень гостеприимно. Нам удалось устроиться только грузчиками на мелькомбинате. Началась тяжёлая для меня жизнь.

Мы сгружали с автомашин в элеватор тяжелейшие мешки с зерном. Виктор был гораздо сильнее и крепче меня, но даже ему было тяжело. А я чуть к земле не пригнулся под тяжестью этих мешков. Старался не отставать от других, выбивался из сил и чувствовал себя самым несчастным человеком на свете.

Я вспоминал нашу стройплощадку, леса, кладку стен, вспоминал то чувство радости, которое испытывал, когда смотрел на выложенный мною угол и сознавал, что работа сделана хорошо, как бы вновь слышал довольные голоса Сивкова и Зозули, принимавших мою работу.

А тут? Я надрывался и, как бы ни старался, не мог встать вровень с любым из грузчиков, работавших рядом со мной. Да и грузчики, глядя на меня, уговаривали оставить эту работу.

— Мы видим,— говорили они,— как ты стараешься, но эта работа не по тебе. Надорвёшься — не тебе таскать мешки по шестьдесят килограммов. Погубишь себя. Уходи, пока не поздно.

И я решил уйти с этой работы, поехать в Москву, к своим дядьям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вот и Москва. Шумные, широкие улицы. Важно плывут троллейбусы, подняв кверху свои усы, бегут переполненные автобусы, несутся автомашины. И люди, люди, люди. Целые потоки людей.

Шумно!

Родня меня встретила хорошо. Радушно.

Отдохнул я дня два, и стали мы решать, где мне работать.

— Хочу только на стройку,— решительно сказал я.— Теперь мне эта профессия на всю жизнь.

Так и решили: устраиваться мне на стройку. Каменщиком. Мы узнали, что в Химках идёт оргнабор рабочих на строительство мебельного комбината на станции Сходня. Я поспешил туда. Приезжаю в отдел кадров. Женщина средних лет, с симпатичным и приветливым лицом тут же спросила, какая у меня профессия.

— Каменщик,— отвечаю и вижу, как лицо её делается ещё приветливее.

— Каменщики нам очень нужны,— говорит она и берёт мои документы. И тут лицо её делается совсем другим, голос строгим:

— Да ты, милый мой, уж где только не побывал: и в Томске, и в Сталинграде, и в Воронеже, видать, хороший летун. Нам таких не надо.

Я было растерялся от таких слов, но так мне хотелось устроиться, что у меня как-то само вырвалось очень искренно и горячо:

— Никуда я больше не поеду. Не уйду со стройки. Слово даю.

— Верь вам! Поди, всюду так клялся!

— Нет,— отвечаю,— нигде никаких клятв не давал,

— Разряд-то у тебя высокий,— раздумывая, говорит кадровичка и пытливо смотрит на меня,— да ты, наверно, капризный, и то тебе давай, и это, а у нас общежитие переполнено, не сможем мы сейчас тебе места в нём дать.

— А потом поселите?

— Когда потом? Месяцев через пять-шесть, не раньше.

— Так я у родни перебыюсь,— отвечаю.— И никуда со стройки не уйду. Слово даю.

Поверила ли она мне, или им до зарезу нужны были каменщики, не знаю, только на работу меня приняли.

Я помчался к своей сестре Людмиле, мечтая только об одном: договориться с ней о жилье. Года два тому назад она приехала в Москву к дяде Андрею, и тот устроил её подсобницей на стройку. Ей дали общежитие, и я думал, что смогу у неё ночевать.

С сёстрами у меня были самые близкие, родственные отношения. Людмилу я нашёл в бытовке. Она очень обрадовалась, что меня приняли на работу, и тут же дала согласие, чтобы я у неё ночевал. Была у неё крошечная комнатка в общежитии.

Меня охватило особое чувство, когда попал я снова в обычную для стройки обстановку, будто пришёл в родной дом.

Бригадир подошёл ко мне первым и, протягивая свою сильную загорелую руку, сказал:

— Будем знакомы. Хорошо, что к нам пришёл, каменщиков сильно не хватает. Как звать?

— Николаем.

— А я — Женя Кокорев.

Женя был ненамного старше меня, высокий, стройный, с открытым добрым лицом, он сразу понравился мне.

— Сейчас подсобника тебе дам, будешь наружную стену класть.

Он оглянулся и позвал невысокого юркого парнишку:

— Борис, поди сюда.

— Это я-то? — озорно скаля зубы, подскочил к нам Борис.

— Будешь у Николая подсобником, — сказал ему бригадир.

Борис, весело блестя чёрными глазами, быстро окинул меня взглядом и скороговоркой:

— Поставили дом — назад передом, крылечко — на печке, порог — под потолок.

— Шутник он у нас, — весело смеясь, сказал Женя, — а работает споро. Сколько тебе, Борис, лет-то?

— Мне? Неделя, как восемнадцать стукнуло. Я теперь уже взрослый. Все восемь часов работаю.

И вот мы поднимаемся на леса. Выше, выше...

Лёгкий ветерок принёс аромат леса, он раскинулся широкой лентой недалеко от стройки. Мебельный комбинат № 1, который возводили на станции Сходня, занимал несколько гектаров, строительство велось уже два года, возводились большие цеха, склады, подсобные помещения.

Наша бригада как раз и сооружала подсобное помещение. Строили мы из кирпича и железобетонных перекрытий. Механизмов было мало, не хватало башенных кранов, автокранов, бульдозеров, экскаваторов, и приходилось широко использовать ручной труд.

...Мы работали.

Я отвык от кладки кирпича и, конечно, потерял свою скорость и ловкость в работе. Медленно кладу кирпич за кирпичом, напряжённо следя за каждым своим движением. Кирпичи аккуратно ложатся на тёплый, мягкий раствор. Отбиваю молотком кирпичи, подгоняю их размеры, укладываю на раствор.

Я чувствую, что и мастерок держу не так ловко, как раньше, и медленнее, чем бывало, срезаю выдавленный

кирпичом раствор. Наплыв раствора, по старой привычке, аккуратно сбрасываю в ящик. Слышу, Борис комментирует:

— Аккуратный. А наши бросают куда попало.

Наконец я оставляю работу, отхожу немного от стены и смотрю на свою кладку. Вместе со мной смотрит и Борис, Ряд ровный, красивый, шов прямой. Борис снисходительно говорит:

— Ничего. Дело пойдёт. Кладка хорошая, только бригадир скорее работает, у него два подсобника, когда он кирпич кладёт.

— Ты сам откуда? — спросил я его.

— Откуда? Да из деревни. У нас в бригаде почитай все деревенские.

Мы начинаем работать. Ложится кирпич за кирпичом, кирпич за кирпичом. Я быстро устаю. Работа каменщика тяжёлая. За смену он должен уложить три кубометра кладки, а в каждом кубометре около четырёхсот кирпичей. Значит, за смену по норме тысячу двести штук, а один кирпич весит три килограмма восемьсот граммов. И выходит, я должен за смену перенести четыре тысячи триста килограммов, и не просто перенести, а искусно уложить на раствор, чтобы ряд был ровным, шов прямым. И тут нужны не только физическая сила, выносливость, терпение, но и большое мастерство. И чем выше мастерство, тем работать легче.

У меня устали руки, немеют пальцы, иной раз и не чувствуешь, взял ты кирпич или нет, ноет поясница, затекли ноги. А тут кончились раствор и кирпич, нужно привезти их на тачке к нашей «захватке».

Борис длинный, худой, сил, я думаю, у него немного, жалею я его и иду вместе с ним, сгружаю поддон с кирпичом в тележку и качу её по катальному ходу к себе. Борис негодует, вертится около меня и кричит:

— Нет, так не пойдёт! Я и «сам с усам», а то уйду от вас. Что я, маленький, тележку не увезу? Вон девки и те катят, будь здоров, а я за вами беги, как собачонка?

Тележку, гружённую кирпичом или раствором, катить тяжело, но их и впрямь лихо возили и девчата и парни.

В основном на стройке все были действительно из деревни. Мы росли в тяжёлые военные и послевоенные годы, так что жизнь заставила нас начать работать рано, с двенадцати-тринадцати лет. Эти же тяжёлые годы научили нас ответственно относиться к своей работе, мы втянулись в неё, и она не была для нас в тягость. Никто из нас даже не представлял себе жизнь без труда. И возить тяжело нагруженные тачки нам не казалось чем-то особенным. Я понял, что моя жалость к Борису обернулась для него обидой.

Больше я не подменял его, хотя видел, что моему юркому, быстрому, худощевому подсобнику не так-то легко возить эту злополучную тачку. Всю смену он бегал по доскам вверх-вниз, снова вверх и снова вниз, тарыхтя колесом тачки о железную полосу катальной доски.

...Время летит быстро. Кажется, только вчера пришёл я на стройку, а уже прошло полгода.

Место в общежитии я получил через три месяца.

Никогда не забуду, с какой безграничной радостью и гордостью занял я койку в своём общежитии. Был со мной маленький чемоданчик, куда вошло всё моё имущество. Я аккуратно поставил его под койку. Дали мне и тумбочку. Любовно осмотрел я её — новая, вместительная, внутри две широкие полки. А занять их мне в общем-то нечем. Достал зубную щётку, порошок и мыльницу и всё это положил в пустую тумбочку. Теперь всё было устроено, и я важно пошёл к столу пить чай.

В комнате жили ребята из нашей бригады. Ужинали мы в столовой, обычно брали сметану — она дешёвая и сытная.

А сейчас просто пили чай вприкуску с сахаром. Один Борис с аппетитом уплетал хлеб. Он любил поесть и ел немало, но всё равно был тощим.

— Иде твой жир? Жрать-то горазд! — не раз с удивлением говорил Тихон Свирина.

Я не любил Свирина. Это был здоровый парень с широким мясистым лицом и маленькими хитрыми глазками в белёсых ресницах.

Тихон — скряга, недаром в бригаде говорили, что у него и зимой снега не выпросишь, он трясся над каждой копейкой. Но есть он тоже любил и запросто съедал целую буханку чёрного хлеба. Каменщиком он был хорошим и к работе жаден, но только к той, за которую хорошо платили.

И сейчас, громко отхлёбывая чай из оловянной кружки, он подсмеивался над Борисом:

— Чисто глиста, и куды жратва твоя деваается? Уж не дырявый ли ты, парень? Смотри, а то зря деньги-то тратишь. Купи лучше пробку, ей-бо, пробку купи, заткнись ею, може, и пожиреешь. Пузо наверняка будет во-о-о, чисто брюхатая баба.

Но тут уже в разговор вмешался наш бригадир, Женя Кокорев. Он был добрым, справедливым человеком.

— Ты, Тихон, зря парнишку дразнишь. Зачем? Он работает, старается, никому никакого зла не делает. К чему над ним смеяться?

И когда Женя одёрнул Тихона, его разом все поддержали. Тем более что Бориса любили. Был он живым, быстрым, юрким, вечно шутил, смеялся, знал тысячу пословиц и поговорок. Борис был незлобивым, никогда ни на кого не обижался, а если над ним подсмеивались и шутили, он тут же парировал меткой шуткой, заставляя всех смеяться.

Борис всегда был без денег и очень легко это переносил. Почти всё, что он зарабатывал, отсылал в деревню.

А вечером Боря подсел ко мне на койку и тихо зашептал:

— Дядя Коля, каменщиком хочу стать.

— Ну?

— Выучишь?

— Выучу.

Борис стал первым моим учеником.

Незаметно подкралась осень. Начались частые дожди. Ветер срывал с деревьев оранжевые и красные листья и пригоршнями бросал на мокрую хмурую землю.

Но сегодня удивительное утро. Хотя и прохладно, но ярко светило солнце, небо чистое, хрустальное, ни ветерка, деревья замерли, и с них не падал лист.

По деревянным трапам мы забрались на свой этаж. И вдруг Борис радостно воскликнул.

— Красотища-то какая! Вы только гляньте!

Я смотрю, вниз, но не на строительную площадку, где по-прежнему царит хаос, и не на грязную дорогу, идущую к нам, а на лес, который опоясал стройку. Ярко-багряный и золотой, он сверкал на солнце, листва как бы горела, завораживая острой красотой.

Я обернулся к Борису, нежная улыбка застыла на его приоткрытых губах, лицо стало совсем детским, восторженным и ясным. Он тонко чувствовал красоту, и она всегда вызывала у него бурный восторг. Мы ещё постояли немного, и я говорю.

— Пора за работу.

Борис работал уже самостоятельно — каменщиком. Учеником он оказался очень способным, его тонкие руки были ловкими и сильными, глазомер прекрасным, он быстро наловчился класть кирпич, ряд у него получался ровный, шов прямой.

И вот теперь у него у самого была подсобником плотная, крепкая девчонка из подмосковной деревни.

Захватка его была рядом со мной, и он любил кричать мне:

— Дядя Коля, сколь уложил? Ишь, а я вас ещё не догнал.

Или:

— Дядя Коль, глянь, какая красавица у меня стена.

И, ежели я его хвалил, радовался, как ребёнок.

Борис поставил перед собой задачу — встать по мастерству вровень со мной. Я всячески поощрял его в этом, стремясь передать ему всё моё умение и знание.

Часа через два после начала работы, когда моя подсобница Даша побежала с тачкой за раствором, я подошёл к Борису.

Он сосредоточенно работал, быстро укладывая на вязкую «постель» кирпич за кирпичом, кельма так и мелькала в его ловких руках, стремительно росла стена. Красиво он трудился, я получал полное удовлетворение, смотря на него.

Мы выработали весь раствор. Перекур. Ждём, когда его подадут снизу. Тихон Свирич греется на солнышке, жмурится, довольный. Рядом с ним его дружок Антон Крошкин, тот дымит сигаретой и щурится на солнце.

Первым не выдерживает Борис.

— Какого чёрта раствор не даёте?! — кричит он вниз.

Ему никто не отвечает.

— Раство-о-ор! — кричу я вниз.

— Давай раствор! — вопит Борис.

Тихон открыл глаза, грубо выругался.

— И чего тебе надо! Сиди и отдыхай, не наша забота, что раствора нет.

Забегал Женя. Выяснил — раствор не подвезли и будет ли сегодня — неизвестно.

Тихон и Антон храпят — уснули. Я злюсь. Иду к Жене.

— Женя, давай другую работу. Что же сидеть сложа руки?

— А какую я дам тебе работу? — расстроено отвечает бригадир.

Он бежит к прорабу. Скоро является прораб.

— Ну чего, детки, шумите? — сердито говорит он.— Я, что ли, вам раствор не подвёз? С утра звоню — они, черти, обещают, а не везут,

До обеда загорали. Тихон и Антон выспались. Другие играли в домино. Борис читал. Увлекается художественной литературой. А Витька Ухов успел осушить шкалик и теперь весело орал песни. К вечеру привезли раствор, да не тот, что нужен нам, каменщикам, а тот, что идёт штукатурам.

Опять руготня. Только Тихон и Антон смеялись, а Витька вдруг заплакал.

— Гады! — пьяно кричал он. — Раствор сожрали, что теперь делать?!

На следующий день зарядил дождь. Мелкий, холодный. Противно, промозгло. Небо как в тумане. Подвезли кирпич и раствор. Старались наверстать упущенное, работали быстро. Аврал.

Тихон Свириин умел работать. Перегнал меня и Бориса. Во время обеденного перерыва Тихон молчал. Поел — уснул. Храпел на всю бытовку. Борис читал. А я думал о Тихоне. Прекрасный каменщик, загляденье смотреть, как он работает, а вот народ его не любит. Скверный человек. Грубый. Только о себе, о своей выгоде думает. И откуда только такие берутся?

Вскоре у нас в бригаде вспыхнул горячий спор, перешедший в яростную ссору. Всё вышло из-за так называемых выгодных и невыгодных работ. Обычно этот вопрос в бригадах является яблоком раздора.

У каменщиков выгодными считаются кладка, подмости, такелажные работы. На них можно хорошо заработать. Невыгодные — конопатка окон, устройство оснований под полы и ряд других мелких и трудоёмких, но малооплачиваемых работ.

Обычно строители стремятся хоть как-нибудь отделаться от них, а в нашей бригаде почти всегда отлынивали Тихон и Антон.

А тут как-то получилось, что Тихон должен был идти на конопатку окон. Он довольно грубо сказал Жене:

— Эй, бригадир, послушай, я этой дребеденью заниматься не буду. Слышишь или оглох?

Подошёл Женя и, как обычно деликатно — он очень вежливый человек,— сказал:

— Вы уж, Тихон, не обижайтесь, что поделаешь, все не любят этой работы, а вы ещё ни разу не выполняли её.

— Ты мне финтифлюшки не разводи,— отрезал его Свирин,— не занимался и заниматься не буду.

— Народ на вас обижается,— начал было уговаривать его Женя.

— А пусть обижается, мне плевать на народ...

И тут вдруг подала голос моя подсобница, Даша:

— Чего чванишься? Раздулся иной, как пузырь водяной, да и лопнул. Даёт тебе бригадир работу, вот и выполняй, нечего выпендриваться! Нашёлся тут...

Тихона взорвало: «какая-то подсобница» ему, лучшему каменщику, ещё выговаривает! И он взревел:

— А ты молчи, мне ещё всякие указывать будут!

Даша в долгу не осталась и крепким словцом обругала Тихона, за Тихона заступился Антон, за Дашу — другие строители, и началась ожесточённая ссора.

Женя вертелся вокруг нас, пытался прекратить перепалку, но всё было тщетно, своими уговорами он только подливал масло в огонь.

А тут вдруг Борис растолкал рабочих и крикнул звонким чистым голосом:

— Да перестаньте вы, не стыдно так орать? Я буду конопатить окна, я! Поняли? И идите вы все к чёрту.

Рабочие стихли было, но кто-то спросил:

— А почему ты, а не он?

— А ты его не знаешь? — с презрительной усмешкой ответил Борис.— Все знаете, как он рассуждает: «Сперва ты меня повези, а потом я на тебе поеду»,— так что нам из-за такого совесть терять? Друг другу горло перегрызть? Да иди он к чёрту!

Борис махнул рукой и решительно направился к окнам,

чтобы конопатить их. Рабочие ещё потоптались, поворчали и разошлись по своим рабочим местам. Борис терпеть не мог ссор и всяких дрызг, да к тому же он любил нашего доброго и милого Женю, который никогда никого не обидел и не умел сказать решительного слова.

Всю неделю работали нормально, а к концу месяца, как нарочно, привезли никуда не годный кирпич. Возьмешь его в руки, а он рассыпается. Мы, каменщики, ругались на чём свет стоит. Женя бегал среди нас, кирпич осмотрел, старался нас успокоить, сбегал за мастером, за прорабом. Все решили, что кирпич для кладки негоден. До вечера простояли без дела.

Тихон и Антон ушли. Подрядились где-то поблизости от стройки сложить сарай. Они мастера на все руки — и каменщики, и плотники. Женя уговаривал их не уходить. Мол, это непорядок — среди дня стройку покидать. Тихон разорался на него:

— Непорядок? А порядок, что такой кирпич привезли? А порядок, что работы нет? Ты дай мне работу, я и не уйду. Дай! Молчишь? Ну и молчи, а нам не мешай.

И ушли.

Женя очень добрый человек. Эта чрезмерная доброта ему часто мешает. Он прекрасный работник, мастерски разбирается во всех чертежах, сам первоклассный каменщик, работу любит, стройка для него родной дом, а вот приструнить лентяя, пьяницу, хапугу он не может. И Тихон с Антоном, и Виктор Ухов, и некоторые другие этим пользовались. Набедокурят, а потом плачутся перед Женей, и тот покрывает их.

К вечеру привезли хороший кирпич, мы все работали, а Тихон и Антон так и не вернулись в этот день на стройку. Шабашничали.

Итоги месяца были плачевными. Из-за частых простоев получилась у нас выработка в день по 14 рублей (старыми деньгами). Ну тут все и набросились на прораба. Громче всех кричал Тихон:

— Это же грабёж среди бела дня! По твоей прорабской вине торчали без дела, а теперь ты в кусты? Не-ет, ежели так платить будешь, все уйдём. На кой чёрт у тебя работать!

Антон наступал на Женю:

— Какой ты бригадир, коли наши интересы защитить не можешь?! Нет, ты скажи, какой же это ты бригадир, а?

Женя жался, что-то пытался говорить, ему было стыдно выпрашивать для бригады незаработанные деньги, но и перед бригадой было неловко, и он что-то невнятное говорил, и краснел, и руками то и дело стирал с лица пот.

Я попытался было вступить за Женю, но меня быстро от него оттёрли, а потом уже от него все отошли и осадили прораба.

— Мы в предыдущие месяцы зарабатывали по двадцать рублей, вот ты так и плати нам,— кричал Тихон.

Тихон кричал, не жалея глотки, его некоторые поддерживали, стоял невероятный шум. Прораб заткнул уши и мотал головой. Антон поднял руку:

— Да ладно орать-то. Прораб что-нибудь намажет!

Он подошёл к прорабу и дёрнул его за рукав. Тот отнял руки от ушей. Все смолкли. Антон миролюбиво сказал:

— Ну так как будем, прораб?

— Что же мне вам писать? — начал сдаваться прораб.

— А очень просто,— тут же нашёлся Тихон,— пиши — копали землю.

— Опять копка земли,— сердито отозвался прораб,— тот месяц «копали» и опять то же.

— А ты сам придумай, помозгуй,— ворчит Антон,— сам помозгуй и пиши.

Так и сочинили, написали, и получили мы по 18 рублей. Неловко было и особенно стыдно, когда Борис, морщась, сказал:

— Враньё, и все знают, и все молчат. Дядя Коля, ведь начальство знает?

- Ну, знает.
- Я бы их разогнал.
- Хорошо бы сделал.

...Женя ушёл в отпуск, и меня оставил на это время бригадиром. Не очень-то мне хотелось его заменять, хлопотно быть бригадиром. Да он очень просил, я не сумел ему отказать.

Как бригадирствовать? Опять будут шабашничать, пьянствовать, простаивать, а в конце месяца требовать у прораба приписок?

- Нет, так не будет,— твёрдо решил я.

Вечером, перед самым концом смены, пошёл я к прорабу и говорю ему:

— Ежели завтра материал вовремя не подвезут, какую работу дать народу?

Он глаза вытаращил:

- А откуда ты знаешь, что не подвезут?

— Так я же говорю «если»...

— Ах, «если» — если бы во рту росли бы грибы, то был бы не рот, а огород.

А я опять своё:

- Запасной график работ надо составить.

— Ишь ты быстрый какой, а что твои ребята могут?

— Да всё. Свирин и Крошкин отличные плотники, мы с Борисом тоже можем плотничать, Иванов и Васильев штукатурировать могут, сами говорили,— и я начал рассказывать о всех восемнадцати рабочих.

Прораб посерьёзnel. Стал думать, что-то на бумаге писать, и вот мы составили запасной график работы бригады.

И будто я в воду глядел. На следующий день после обеда нам не подвезли ни кирпича, ни раствора.

Свирин и Крошкин навестили лыжи — собрались уйти, опять у них была работа на стороне. Но я остановил их, говорю всем:

- У нас есть запасной график работы, послушайте,

кто что должен делать. Свирину и Крошкину даю плотницкую работу.

Злоба засверкала в маленьких глазах Тихона, и он заорал:

— Я каменщиком нанимался, а не плотником, на кой чёрт мне твоя работа?!

Крошкин вторил ему:

— Тоже мне выдумал, бригадир на час! Чего выпендриваешься?!

Витька Ухов, видимо, собрался в пивную и орал во всё горло:

— Эксплуататор ты, вот кто! Какую-то работу ещё выдумал, А мне плевать! Я пошёл.

Но многие меня поддержали. Иванов и Сидоров набросились на Тихона.

— Шабашник ты! — кричали они.— Бригаду всю подводишь!

А я спокойно, да строго говорю:

— Работа всем дана и работайте. Кто уйдёт — запишу как прогул. При расчёте не сетуйте, меня не ругайте.

Никто не ушёл. Работали по запасному графику. Только Ухов не выдержал, сбежал минут на пятнадцать. Вернулся уже под хмельком, старался проскользнуть мимо меня так, чтобы я его не увидел. После смены я с ним поговорил по душам. Сказал твёрдо, что больше под хмельком к работе допускать его не буду.

— Знаешь правила безопасности? — спрашиваю его.— Ну то-то. Свалишься с лесов — отвечай за тебя! Калекой станешь — кого винить будешь? Меня! Вот то-то и оно. Сказал — не допущу, так и будет. Учти.

Выпивал Виктор Ухов, но был он парень незлобивый, можно было всегда с ним договориться. Молодой был, бесшабашный. В руках его надо было держать. А вот Свирина и Крошкина я не любил. Это были уже крепко сложившиеся люди, жадные и злые. Но на всю жизнь запомнил

я слова грузчика Николая из бригады Матвея: «Человек есть человек, и к нему всегда относиться надо по-человечески».

И я старался сдерживать свои чувства и быть справедливым к ним. Да и вообще я всегда считал, что та бригада, в которой есть любимчики и нелюбимчики, не может быть дружной и работа в ней не будет клеиться. Вот я и стремился быть со всеми ровным и справедливым.

В бригаде теперь был заведён твёрдый порядок — никаких простоев. Хотя иной раз это и было трудно организовать. И всё же, несмотря на трудности, мы с прорабом всегда готовили запасной график.

В общем, во всём я требовал порядка. И, конечно, не избежал столкновения с Тихоном Свириным.

У нас ведь как было? Рабочий не чувствовал себя хозяином стройки. Он ни за что не отвечал — ни за сроки, ни за качество, ни за культуру производства. Отвечали прораб, мастер, начальник участка. Они несли ответственность за всех нас. Сломали мы технику — отвечает прораб, разбили стёкла — опять же он отвечает, «утекли» материалы — прораб в ответе, плохо выполнили работу — мастера теребят.

Специализированная бригада, построив коробку и уйдя с данной стройплощадки, уже ни за что не отвечала. Пришёл плотник, ему раму вставлять, а оконный проём криво выложен — что делать? Каменщики уже ушли, и с них спроса никакого. Плотник ругается, а какой из этого толк? За плохую работу каменщика расплачивается плотник. Вот так дело и шло у нас на стройке.

В такой организации труда заключалось большое зло. Ну где прорабу проследить за каждым рабочим: хорошо ли он работает или плохо, не разбил ли чего, не поломал, не унёс ли с собой горсть гвоздей? Не могут за всем уследить прораб, мастер, начальник участка. У них есть своя работа. Да хоть двадцать начальников поставь, коли сам рабочий не будет чувствовать свою личную ответственность,

настоящего порядка не будет. В этом я был твёрдо убеждён.

Я не раз видел, как Тихон уносил с собой белила, краску, гвозди, говорил об этом с Женей, а он только рукой отмахивался.

Как-то смотрю, а Тихон оконный простенок криво выложил. Это Тихон-то, один из лучших у нас каменщиков, отличный мастер! Видать, поторопился да спустя рукава работал, вот кое-как и сработал. Я к нему подошёл и говорю, что делать так не полагается, нужно простенок переложить.

— Что-о? — вытаращил на меня глаза Тихон.— Это для чего же я буду переключивать? Сложил, и говори спасибо. Не желаю переключивать и не буду!

«Что ж,— думаю я,— один в поле не воин. Нужно, чтобы меня поддержала вся бригада. Не поддержит — не бригадир я и руководить бригадой не должен. Только опираясь на бригаду, можно добиться того, чего хочешь».

Кончилась смена. Я задержал всю бригаду, привёл её к злополучному оконному простенку, что сложил Тихон.

— Проведём, товарищи,— говорю я,— небольшое собрание и будем говорить о качестве работы и наших зарплатах.

Все притихли.

— А теперь посмотрите на этот простенок, его сложил наш лучший каменщик Тихон Свирин.

Поднялся хохот. Смеялись все, даже Антон Крошкин, друг и приятель Тихона.

Маленькие глазки в белёсых ресницах налились злостью, бычья шея Тихона стала багровой, а лицо лиловым, он хотел что-то сказать, да махнул рукой, отвернулся.

А я спокойно продолжил (спокойно, конечно, только с виду, сердце у меня здорово колотилось):

— Такую работу засчитывать не будем, и оплате она не подлежит.

Тут Тихон не выдержал, выкрикнул, выдохнул:

— Ещё что скажешь?

— Я всё сказал, а вы, товарищи, что скажете? — обратился я к бригаде, и душа у меня замерла. Думаю — поддержат ли?

Поддержали!

Бригада осудила работу Тихона. Старый каменщик Семёнов сказал резко:

— Таких бракоделов — гнать. Одно дело.

Так и постановили: бракованную работу не засчитывать и заставлять переделывать.

Теперь я стал строго следить за качеством работы, и товарищи это сразу приняли — ни разу больше по этому поводу не было недоразумений. И вот что меня поразило: Тихон стал относиться ко мне с уважением, не грубил, не спорил, слушался с первого слова.

Кончился месяц. Мы получили по 20 рублей за день.

Виктор Ухов полез меня целовать. Я еле его отстранил. Тихон тоже подошёл, посмотрел на меня, будто первый раз видит, и говорит:

— А ты, того, бригадир неплохой. Смотрюся — и ростом вроде не велик, и орать не горазд, а работу сварганил. Ишь ты — по двадцати рублёв.

В общем, все остались очень довольными. Вскоре из отпуска пришёл Женя Кокорев. Приехал с курорта пополневшим, загоревшим, весёлым. И тут вдруг Тихон Свирин говорит, и не грубо, а серьёзно, уважительно:

— Ты, Женя, не обижайся, что я тебе скажу. Парень ты хороший, добрый, только бригадиром пусть останется у нас Николай Злобин. У него это получается лучше, чем у тебя. Смотри — и на площадке у нас чисто, порядок, заставил он нас всё прибрать, да и материал не так сваливаем, а всё по порядку, как полагается, и простое у нас нет, и по двадцати рублёв мы получили. Понимаешь? Вот то-то и оно. По двадцати рублёв.

И тут все ребята его поддержали. А мне неудобно

перед Женей. Чувствую, всё лицо моё, как пожаром, охватило. Я к ребятам:

— Да что вы, это я только месяц так смог, а дальше не справлюсь. Я вон чертежи плохо разбираю, а Женя специалист. Любой чертёж поймёт.

А Женя возражает мне:

— Нельзя бригаде перечить, ты работай бригадиром, а я буду твоим помощником, и чертежи вместе будем разбирать, а там, гляди, и сам научишься их читать.

Я опять отказываться: неудобно перед Женей, как это так — на месяц уехал, и его уже побоку. Но ребята настаивают, и Женя стоит на своём — мол, работай бригадиром, и всё тут.

В общем, стал я работать бригадиром. И Женя действительно мне здорово помогал. Это он научил меня по-настоящему разбираться в любых чертежах.

В 1960 году меня послали учиться на четырёхмесячные курсы бригадиров. Учёба проходила на строительстве в Черёмушках. И в этом же году произошли большие перемены в моей личной жизни.

У нас на стройке была одна бытовка на двадцать человек, конечно, это тесно и неудобно. И всегда здесь было грязно — ведь сколько принесут строители на ногах пыли и грязи. Да ещё хранили мы здесь свой инструмент — ломы, гаечные приспособления, кувалды, да вообще всё. На работу мы ездили в спецовках, так как не решались в такой грязной бытовке держать свои костюмы.

Бывало, в обеденный перерыв постелим на столы газеты, вроде клеёнки или скатерти, и едим. Потом остатки от еды ребята сгребут в сторонку и на столах забивают «козла», играют в домино.

Работал у нас один каменщик — Пётр Смыслов, жил в нашей комнате. Был Пётр грязнулей, неделями голову не причёсывал — поплюёт на ладони, пригладит свои вихры — и всё. Костюм

у него был весь в пятнах, пыльный, мятый. Как-то Борис говорит ему:

— Эх, ты, одна нога обута, другая разута, а если бы третья была, не знаю, как бы пошла.

Мы все, конечно, расхохотались, так эта пословица подходила к нашему Петру. С тех пор его и звали «Одна нога обута, другая разута» — это прозвище так к нему пристало, что даже он сам откликнулся на неё.

Разорвалась у него однажды куртка — рукав почти оторвался, он никак не мог пришить его. И вот как-то в бытовке Борис говорит мне:

— Глянь-ка, вон добрая душа нашлась. Сама всегда аккуратная и на нерях, видать, глядеть не может.

Смотрю — действительно одна из наших бетонщиц, Тамара, сидит и с серьёзным видом пришивает рукав к куртке Петра. А тот в одной рубашке азартно забивает «козла».

Борис смотрит на Тамару и шепчет:

— Самая аккуратная у нас. И в бытовке, поди, одна только убирается.

Я смотрю на Тамару: среднего роста, красивая, даже в спецовке стройная. Лицо весёлое, глаза большие, карие, в пушистых ресницах, красивые, размашистые, чёрные брови, густые каштановые волосы, высокий белый лоб.

«Как это я её прежде не замечал?» — удивился я.

В общем, через несколько дней я позвал её в кино. Тамара как-то игриво посмотрела на меня и со смешком спросила:

— Что, ухаживать будешь?

— Буду.

— А умеешь?

— Постараюсь.

— Ну постарайся.

Вечером после работы я надел новую рубашку и свой единственный хороший костюм. У товарища взял одеколон, надушился, купил конфеты и сунул их к себе в карман.

Тамара тоже приоделась. Шёлковая кофточка красиво оттеняла её чуть бледное лицо и каштановые волосы. Корсаж юбки плотно обтягивал тонкую девичью талию. Была она весёлой и вела себя очень просто, а я стеснялся. Всё рассуждал сам с собой: что она думала, когда спрашивала, буду ли я за ней ухаживать?

Когда мы шли в кино, я её даже под руку не взял. Шут её знает, может, и не позволит. Поведения она строгого. Последнее время я незаметно следил за ней и видел — не позволяет она парням никаких вольностей, ведёт себя с достоинством.

Когда в кинозале сели на свои места, я протянул Тамаре конфетку. А та рассмеялась и спрашивает;

- Ты одну принёс или много?
- Триста граммов.
- Так вынимай все, мы их быстро съедим.

Отобрала она у меня конфеты, стала сама есть и меня угощать, да так это всё было просто и весело.

Вот с этого вечера мы стали с ней встречаться. Ходили в кино, театр и просто гуляли по посёлку.

Я объяснился Тамаре в любви, и она дала согласие выйти за меня замуж. Не хотелось мне откладывать женитьбу, копить деньги на свадьбу — боялся потерять Тамару. Мы договорились с ней в первый же выходной день поехать на Сходню и зарегистрироваться.

Я не жил, а витал в облаках, был до предела счастлив, и мне ужасно хотелось сделать моей невесте сногшибательный подарок — такой, чтобы был достоин её.

Я зашёл за Тамарой в её общежитие и преподнёс ей красивый букет. Как же просияло её милое лицо, какая нежная улыбка появилась на её губах, с какой любовью посмотрела она на меня! Я был на седьмом небе.

Вот и станция Сходня. Ещё десять минут, и мы входим в загс. Пожилкой женщине с безразличным холодным лицом я объявил, что мы хотим зарегистрироваться.

— Пишите заявление,— сухо заявила она,— придёте через три недели.

— Что-о?! — воскликнул я.— Как это через три недели?

Она подняла на меня свои бесцветные, невыразительные глаза и ещё суше, с оттенком возмущения ответила:

— Вы что, молодой человек, не знаете правила регистрации браков?

— Не знаю.

— Очень плохо! А ещё жених,— фыркнула она.— Ждать три недели.

Я не мог ждать. Мне хотелось тут же, сейчас же зарегистрироваться, и я вдруг понёс, что по комсомольской путёвке завтра уезжаю на работу далеко в Сибирь, что моя невеста не может сейчас поехать вместе со мной, что мы обязательно, обязательно должны зарегистрироваться, иначе она не сможет выехать ко мне. Я говорил так взволнованно, что в глазах у женщины появилось что-то вроде живого огонька, и она спросила Тамару:

— Вы действительно иначе не сможете выехать к нему?

Тамара было смешалась, но вовремя спохватилась и робко ответила:

— Правда.

— Хорошо,—г отрезала женщина,— я вас регистрирую.

И зарегистрировала!

Получив бумажку, я тут же, при этой женщине схватил Тамару в объятия и расцеловал её.

— Спокойнее, молодой человек,— сказала регистраторша, а потом откашлялась и другим, вроде даже мягким голосом произнесла: — Поздравляю вас и желаю счастья в далёкой Сибири.

Заняли мы денег, накупили разной снеди и поехали в общежитие к Тамаре.

Жило их четверо в одной комнате. Жили дружно, и жене хотелось отпраздновать со своими подружками нашу свадьбу.

Посидели мы хорошо, песни попели, и пришло время уходить. А куда?

— Что ж,— говорю я,— пойду к себе в общежитие, завтра утром зайду за тобой, Тамара.

А одна из девчат и говорит:

— Зина уехала на четыре дня, вы и поживите пока у нас. Что уходить-то?

— Правда? — воскликнула Тамара.— Вы, девчата, не против? Коль, тогда не уходи. Поживём пока здесь.

Так мы и остались в Тамарином общежитии. Но жили мы там недолго. Скоро приехала Зина. Она была недовольна, что мы живём в их комнате. Первое время ничего не говорила, только хмурилась. А потом, когда я куда-то вышел, она сказала Тамаре:

— Пожили, и хватит. Стесняете вы нас. Пусть больше Николай здесь не ночует.

Прихожу я и вижу — жена плачет. Я спрашиваю её: что случилось?

— Жить нам с тобой, Коленька, негде, стесняем мы девчат.

— Не плачь,— утешаю я Тамару,— пойдём в наше общежитие, ребята потеснятся, пустят.

Сначала я пошёл один и переговорил с товарищами — те сразу согласились. Поставили мы койку для нас в угол, отгородили простынёй. Кто-то из ребят поставил нам туда тумбочку. Смотрим, как хорошо вышло.

— Отдельная квартира,— говорит Борис,— со всеми удобствами и мягкой мебелью. Живите, лучше некуда!

Я пошёл за Тамарой, взяли мы её вещи, распрощались с девчатами и пошли в наше, мужское общежитие.

Ребята нас уже ждали. На стол в виде скатерти постелили два полотенца. Борис уже успел сбегать в ближайшую булочную и купил угощение.

Как только мы вошли в комнату, ребята запели какой-то весёлый марш, все встали и отдали нам честь.

Тамаре очень понравился наш уголок.

— Ой, как хорошо! — весело кричала она, размещая свои вещи.

Тут же она надела праздничную кофточку, заставила меня надеть костюм, и у нас в комнате началось торжество.

Комната наша преобразилась. Стало чисто и уютно. Раньше уборщица утром сотрёт пыль, подметёт пол — и всё. Уходила до следующего утра. А у нас по всем углам, на подоконниках, стульях, столе разбросаны вещи. В общем, была холостяцкая комната, неудобная и грязная.

Когда Тамара поселилась у нас, уборщица перестала даже делать то небольшое, что делала прежде,— мол, живёт у вас женщина, да ещё незаконно живёт, вот пусть и убирает.

Теперь комнату нашу было не узнать. По настоянию Тамары мы купили весёленькую клеёнку на стол, сама она на свои деньги приобрела две симпатичные вазочки для цветов. И у нас в комнате появились цветы. Живые, душистые, красивые. Тамара старалась, чтобы они всегда были у нас.

У каждого из нас под кроватями появились картонные коробки, где мы до прачечной складывали грязное бельё. На стены повесили два эстампа — это купили мы с Тamarой.

Из весёленького ситца сшила она на окна занавески. Появился у нас и половичок у двери, теперь все мы, прежде чем пройти в комнату, должны были тщательно вытереть ноги.

18 сентября 1960 года у нас родился сын, которого мы назвали Виктором.

В конце 1964 года я получил квартиру в деревне Андреевка, которая находилась недалеко от стройки.

Впервые в жизни мы с Тамарой заимели свою отдельную квартиру. Была она чудесной — тридцать два квадратных метра, кухня метров шесть, все удобства. В общем, чудо!

И как только мы получили отдельную квартиру, я написал

письмо матери, чтобы она приезжала к нам жить — навсегда. Даже теперь, когда прошли уже годы с того дня, как она приехала к нам, я сохранил в душе то радостное чувство, которое охватило меня тогда.

Я встретил её на вокзале. Она бросилась ко мне, уткнулась лицом мне в грудь и заплакала. Я никогда, даже в самые тяжёлые для неё годы, не видел, чтобы она плакала. А потом мать подняла лицо, и оно было таким ясным и счастливым, каким я тоже никогда у неё не видел.

Мы жили дружно, и нам всем казалось, что на земле нет людей счастливее нас.

...В 1963 году я учился на курсах монтажников-высотников. Вместе со мной учились многие рабочие из нашего треста. Мы поехали в Черёмушки смотреть, как строят крупноблочные дома. И вот после смены направился было я домой, как вдруг слышу, кто-то меня окликает. Обернулся, смотрю — Клава.

Она бросилась ко мне и обняла, будто родного.

— Идём к нам. Я здесь недалеко живу. Муж у меня, Евграф Иванович. Золотой человек. Да ты что стесняешься? Ведь старые друзья мы с тобой. Идём, идём.

И я пошёл. Клава мне всегда нравилась. Душа у неё хорошая, добрая. И честная она, даже во всех мелочах честная. Кристальная душа. Дорогой Клава рассказала о себе.

— Оскорбил меня тогда Фёдор,— начала она,— а я ведь влюблена была в него. Оттого и в бригаде оставалась, а так бы ушла в штукатуру. Оскорбил он меня, при всех осрамил, и такая меня обида взяла — по щеке ударил. Чувствую — не смогу простить ему, и тошно мне стало, сил нет. Ну под горячую-то руку расчёт взяла и прямой дорогой к тётке Аграфене в Жаворонки, что под Москвой. Нежданно-негаданно, как снег на голову нагрнула к ней. Ну тётка устроила меня на строительство вашего мебельного комбината на станции Сходня.

— Да что ты говоришь! — поразился я.— Значит, в одном месте работаем, а ни разу не столкнулись.

— Да погоди ты, дослушай. Стала я работать опять подсобницей у одного каменщика на строительстве основного здания. Каменщик ас настоящий, по две тысячи кирпичей укладывал за смену. За ним только поспевай. А тут начал его сманивать один прораб из Черёмушек. Приехал он как-то к нам на стройку Петра уговаривать да тут и приметил меня. Тары-бары, о том о сём, оглянуться не успела, уже в кино с ним сижу, конфетами он меня угощает. Ну начали мы с ним гулять. Вижу, Евграф Иванович человек самостоятельный, крепкий, из себя красивый, высокий, худощавый такой, волосы тёмные, пышные, и глаза приметные, чёрные, большие. В общем, понравился он мне. Через полгода мы и поженились. Петра не уговорил, а меня увёл. Вот теперь и живу не тужу. Муж — лучше некуда. Работаю я теперь штукатуром, а Евграф Иванович — прорабом. Ты сам знаешь, что такое прораб на стройке — за всё отвечает. Я говорю ему: плюнь, уйди ты с этой проклятущей работы — так не хочет. Стройку любит, свою работу уважает.

Тут вдруг Клава прервала свой рассказ да так лукаво смотрит на меня:

— А угадай, кого я здесь на стройке встретила? Фёдора Кротова, собственной персоной заявился. Переехал в Москву, работает на стройке. Стал он ко мне ходить, я ещё тогда замужем не была. Так уж ухаживал красиво — цветы преподносил, конфеты, в кино, театры водил. А сам приоденется — рубашка белоснежная, костюм дорогой, синий, очень ему шёл. Все наши девчата от него в восторге были. Ещё бы! Сам знаешь, какой Фёдор — высокий, статный, красивый. Ну я, конечно, и не устояла, вроде опять влюбилась в него. Почему же, думаю, мне за него замуж не идти? И решили мы с ним к моей тётке в Жаворонки съездить, представить его, сказать ей, что, мол, я замуж за него иду. А накануне, как к тётке ехать, пошли с ним

в кино. Картина была какая-то смешная, выходим из кино весёлые.

Вдруг к Фёдору бросилась какая-то девочка лет восьми, беленькая, худенькая, плачет и говорит:

— Папа, идём домой! Папочка, не бросай нас! Иди домой!

У Фёдора от злости лицо перекошилось, он шипит как змея:

— Да не ори ты, дура, народ же здесь. Тебя мать, что ли, послала?

— Нет, мамочка не знает, Я тайком от неё!

— Убирайся вон! — гневно говорит Фёдор и с силой отталкивает девочку — она упала и угодила в большую лужу. Фёдор как ни в чём не бывало говорит мне: — Одна тут баба за мной гоняется, врать не буду, как-то тут возился с ней. Ну сама знаешь, мужское дело. А теперь она дочку свою посылает за мной шпионить. Завлечь, стерва, опять хочет. — И, оборачиваясь к девочке, грозно приказывает: — Убирайся вон! Какой я тебе папочка! И чтоб больше мне на глаза не попадалась!

Девочка вскочила, платьице её намокло, к худеньким коленкам прилипло, лицо всё грязное, в слезах, она меня за платье схватила и просит:

— Тётенька, не уводите его! Он папа мой, он хочет меня и Петечку бросить, и мамочку...

И показалось мне, что сердце у меня остановилось и нет мне воздуха, задыхаюсь. Вырвала я руку у Фёдора и говорю девочке:

— Веди своего отца домой, он и даром мне не нужен!

И вдруг, сама не знаю почему, спрашиваю:

— А живёте вы где?

Она мне и сказала. А Фёдор меня за плечи взял да так ласково, умоляюще:

— Не уходи, постой, я всё тебе расскажу, одну правду, не дочь она мне...

А мне аж дурно, так плохо, что хоть падай,— вырвалась

я из рук Фёдора и бегом к себе. Всю ночь проплакала, сердце так и разрывалось.

На следующий вечер Фёдор пришёл, только я его слушать не стала. Выгнала. А потом меня сомнение взяло: вдруг и впрямь не его это дочь и ловит его в сети какая-то интриганка, а я от своего счастья отказываюсь. Да что же я делаю?! Надо проверить, узнать!

И вот на следующий день ушла я с работы немного пораньше и отправилась по адресу, который сказала мне девочка. Иду к ним, а у самой сердце замирает, и так мне хочется, чтобы всё это было неправдой, чтобы не было у Фёдора семьи и был бы он передо мной чист.

Дверь мне открыла женщина лет тридцати, небольшого роста, худенькая, беленькая, неприметная была бы, ежели бы не глаза — огромные, карие, красивые.

— Вам кого? — спросила она, и голос у неё приятный, мягкий.

А я сразу:

— Вы Фёдора Матвеева жена?

Глаза её потухли, потускнели, и она как-то съёжилась и тихо:

— Жена.

— Он со мной гуляет, вот я и хочу выяснить, есть у него семья или так, одно баловство с вашей стороны.

Женщина задумалась, потом как-то тоскливо сказала:

— Что ж, проходите. Посмотрите. Может, что и решите... Только детей-то жалко. Им расти, отца им нужно.

Сели мы на продырявленный диванчик, и я спрашиваю её:

— Звать-то вас как?

— Валец, Валентиной.

Валентина раскрывает альбом и показывает мне фотографии, а фотографии-то уж не соврут! И вижу я Фёдора, совсем молодого, поди, лет двадцати,— ну и хорош же он был! А рядом с ним Валентина, ничего себе, тогда, пожалуй, тоже красива была.

А потом вижу Петечку голенького месяцев шести, потом в годик, в два, в три. А лет шести с отцом снят — так одно лицо. До чего мальчишка на Фёдора похож! И Ксюшу видела во всех возрастах. А потом они все вместе во главе с Фёдором весело глядели на меня с карточки.

Тут, слышим, сам пришёл, вошёл в комнату и замер. А я ему:

— Что же ты раньше меня не познакомил со своей семьёй-то? С детишками своими, с жёнущкой своей? А? Стеснялся? Ишь робкий какой!

Говорю, а у самой сердце кровью обливается.

Валентина с дивана встала и тихо, не зло, а как-то даже мягко:

— Уйду я. Вы сами тут одни разбирайтесь.

Смотрю я на Фёдора, качаю головой и говорю:

— Ох и подлец же ты! Ну и подлец!

Фёдор ко мне, да оттолкнула я его, а он говорит:

— Ты выслушай меня. Выслушай. Женился-то я девятнадцати лет. Что понимал? Жизни не знал. Как дурак втюрился в эту святошу. Хороша была, ничего не скажу. Весёлая, добрая, только вроде не от мира сего. Готова всем своё отдать. Никогда пальцем никого не тронула. Для всех сестра милосердная. А меня от этой сестры милосердной тошнит. На волю потянуло. Сбежал, ну сбежал! Свободы хотел, погулять ещё хотелось. Дочке, Ксеньке, не помогал, что правда, то правда. Денег жалел. Скрывался. Да ты прости! Теперь, ей-богу, платить буду и Ксеньке, и Петьке. Слово даю. Только не гони ты меня!

Он говорит, а меня всю трясёт.

— Ну и подлец же ты! Ну и подлец!

Тут, видно, злость взяла Фёдора, схватил он меня за руку и кричит:

— Гуляла со мной, подлецом, целовалась и ещё гулять будешь и целовать будешь! Никуда не денешься!

И с силой меня к себе прижал, бросился было целовать, но я его оттолкнула, да изо всех сил, а ты знаешь.

руки у меня мужицкие, силы в них будь здоров, так вот изо всех сил и отхлестала его по щекам.

Ох, и тяжело же я переживала эту подлость! Не подойди Ксюша тогда к нам, замуж бы за такого подлеца вышла бы! Вот жизнь себе бы исковеркала.

Шло время, вроде полегче мне стало, вдруг Валентина ко мне является:

— Ксюшенька больна. Тяжело болеет. Выживет ли — не знаю. Завтра в больницу увожу. Просит она меня вас привести. Уж так просит, а зачем — не говорит. Вот к вам и пришла...

Пошли мы к Матвеевым. Ох, Ксюшу тогда узнать нельзя было: личико маленькое, всё в огне, глаза закрыты, от длинных густых ресниц тени на щеках, носик заострился, тоненькие прозрачные руки поверх одеяла безжизненно лежат.

Не сразу открыла она глаза, с трудом повернула ко мне голову, долго, пристально на меня глядела и потом прерывающимся шёпотом сказала:

— Папу маме верните... и Петечке... Папу...

Сказала и отвернулась, больше глаз не открыла.

Вышла я от неё — и реветь. Спрашиваю, где Фёдор.

— Не знаю,— отвечает Валентина,— да я и не ищу...

Больше месяца Ксюша пролежала в больнице, я её часто навещала. Поправилась она. Вот теперь я с ней дружу.

Мы подошли к дому Клавы. Это была «башня» новой постройки. Двухкомнатная квартира их была со вкусом убрана. Уютно. Красиво. Всё выглядело нестандартно, сдобрено ловкими руками и тонким вкусом Клавы. Цветы, вышитые дорожки на столах, картины на стенах, полки с книгами. Книг много. Клава с явным удовольствием показывала мне квартиру; ей было приятно, что мне нравится у них.

Скоре пришёл Евграф Иванович. И то, как он встретился с Клавой, и как отнёсся ко мне, её гостю,— всё говорило об их глубокой дружбе и любви.

Мы сидели за столом и ужинали, Евграф Иванович мне понравился. Умное строгое лицо, высокая суховатая фигура, сильные руки, голос решительный, волевой. «Подходящий прораб,— думал я, глядя на него.— Видать, рабочие у него не побалуются, в руках держит».

Мы разговорились и, конечно, о строительстве. Евграф Иванович Смелов имел определённые твёрдые убеждения.

— Организация строительства у нас неправильная,— твёрдо говорил он,— в этом и причина, что многие объекты строятся годами, обходятся дорого, материалов уходит больше, чем надо.

Я слушал его с интересом, всё время представляя нашу собственную стройку.

— Вот вы мне скажите, ваши рабочие за что-нибудь отвечают? Нет? Вот то-то и оно. А мы, прорабы? Отвечать отвечаем, а за что отвечаем? Кирпич не привезли, а кто виноват? Кирпичный завод? Звоним туда, что тебе отвечают? Глину не привезли. Ищут виновного, выясняется: машин не дали, а машин не дали, потому что запчастей не дали, и поехало, и поехало, и никто ни за что не отвечает.

Наше строительство снабжает восемнадцать заводов. Они нашему начальству подчиняются? Нет. И им нет никакого дела, выполняем мы план или нет, взяли мы ударное обязательство или нет. Вот, предположим, всё же мы добились санкций, и такой-то завод штрафуют, так штраф-то платят из казённого, государственного кармана!

Долго мы беседовали, и беседа была всем нам очень интересна. Так завязалось наше знакомство и переросло оно в крепкую дружбу. А этот первый разговор очень помог мне, когда встал вопрос о бригадном подряде. Но разговор об этом пойдёт дальше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мы строили крупноблочные двенадцатиэтажные дома у станции Крюково. Было организовано СУ-111, и входило оно в трест «Зеленоградстрой». В Крюкове Московской области создавался новый город Зеленоград.

В 1963—1964 годах я окончил курсы монтажников-высотников и теперь возглавлял бригаду, которая строила крупноблочные дома. В нашей бригаде многие без отрыва от производства окончили курсы повышения квалификации и стали монтажниками. Нас было двадцать восемь человек — монтажники, электросварщики, такелажники, бетонщики.

Трудились мы все дружно, был у нас острый интерес к работе на этих новых для нас крупноблочных домах, к профессии монтажника-высотника. Увлекало это дело даже таких, как Тихон Свирин, Антон Крошкин и Виктор Ухов.

Конечно, с ними мне было нелегко. Ухов пил. Как только мы его ни прорабатывали, какие только «честные слова» ни давал он — ничего не помогало. Правда, на работе он теперь всегда был трезвым, но и этого мне удалось добиться не сразу. Пришлось раз шесть удалять его со стройки, когда являлся он «под мухой».

Однако же после смены он шёл в магазин, который находится от нас недалеко, и распивал там бутылку водки «на троих»! У них даже была своя постоянная «троица» — рабочие нашего же треста.

Тихон и Антон продолжали шабашничать, но теперь не

в рабочее время, потому что простоев у нас не было. Шабашничали в выходные дни, иной раз и после работы. Оба были отменного здоровья и отменной силы. После смены они могли бы отлично отработать ещё смену. Любили кое-что прихватить с собой со стройки, поэтому за ними нужен был глаз да глаз. Если я ловил их с поличным, они не ругались. Тихон неестественно смеялся и всегда говорил одно и то же:

— Глазастый ты, поди, глаза у тебя и на макушке есть. А я что? Так, малость какую-то. Могу и не брать. Уж очень ты строг!

В начале 60-х годов к нам в бригаду пришёл Александр Фёдорович Дроздов. Мы его звали просто Саша. Это был высокий, худощавый парень, жилистый и крепкий. Было ему тогда года двадцать два — двадцать четыре. Саша любил нашу работу и всегда всё делал с охотой, без всякой халтуры, чётко, качественно. Был он прямой и честный. Один недостаток был у него — уж очень вспыльчив. Всякие неполадки просто приводили его в ярость. Не привезут нам вовремя необходимые детали, Саша кипит, нервничает, кричит.

Я подойду, спокойно скажу:

— Саша, брось, всё равно этим не поможешь.

Он смотрит на меня яростными глазами и кричит:

— Ты сам же утром чуть телефон не оборвал, выколачивал материал, а теперь: «Саша, брось!» Да как это вы всё терпите!

Остынет немного и пойдёт работать и работает за четверых.

У Саши была феноменальная память, он был очень смекалистый, так что монтажное дело быстро усвоил и на первых порах многим помогал. Очень скоро он стал моим заместителем — я работал в первой смене, он во второй.

В этот период, когда мы осваивали новое дело, новую профессию, мне очень помогал не только Саша Дроздов, но и Юрий Игнатьевич Лебедев.

Юра наделён большими способностями. У него отличная память, умение всё схватывать на лету, он очень понятливый, к тому же у него золотые руки умельца. Кроме того, он обаятельный человек, очень скромный, отзывчивый. Пришёл к нам из армии, и ещё долго держалась у него военная выправка, а точность военной дисциплины осталась на всю жизнь.

Он небольшого роста, худощавый, ребята вечно подсмеиваются над его худобой, шутят незлобиво:

— У нашего Юрика живот прирос к спине.

Так вот, работает у нас Юра такелажником-строповщиком. А эта должность требует точного знания всех деталей, из которых собирают дом. А этих деталей около двухсот, а то и более.

Сверху монтажник кричит Юре:

— Дай мне сто второй блок!

Если Юра ошибётся, зацепит краном другую деталь и она поднимется на этаж к монтажнику, тот тут же отошлёт её назад. Деталь поползёт вниз, а монтажник будет простаивать, опять дожидаться сто второго блока.

Такелажнику работать сложнее, чем монтажнику, у того есть чертёж, а у такелажника — нет. Он должен знать наизусть все детали — какая деталь как называется, где лежит, что за чем идёт.

Если такелажник всё это знает слабо, настоящего, быстрого темпа не будет. И дело будет стоять, и монтажник нервничать. Ритм работы будет нарушен. Недаром у нас такелажников называют дирижёрами. Дирижирует он стройкой.

Юра прекрасно всё это понимал и первое время до работы и после работы изучал чертежи, какие детали идут друг за другом, их названия.

Когда приходили машины с деталями — с навесными панелями, стеновыми блоками, перегородками, перекрытиями, другим материалом,— мы вместе с ним сами их разгружали на площадку и оба самым внимательным образом

осматривали их, изучали и складывали строго по указанному порядку.

Довольно скоро Юра изучил все детали, их названия, назначение и больше никогда не ошибался, подавал именно то, что у него просили. Такая чёткая работа Лебедева очень нравилась монтажникам, и они не просто уважали Юру, а любили его по-настоящему.

Юра и Саша Дроздов очень разные по характеру люди — один спокойный, выдержанный, другой горячий, вспыльчивый. Но оба одинаково кристально честные, ненавидящие всякую халтуру, шабашничество. Оба чётко, с увлечением работают, оба любят стройку, свою работу, оба крепко спаяны с коллективом, с мнением которого они всегда считаются.

И вот эти разные по характеру люди очень быстро сдружились. Примыкал к ним и Борис, он был младше их, но держался на равных. Эти дружные ребята были моей крепкой опорой в тот новый и трудный период, который начался в нашей работе.

Дело в том, что наша бригада довольно скоро завоевала почётное звание бригады коммунистического труда. В тресте «Зеленоградстрой» она была в числе передовых. Мы строили корпус, предназначенный для одной из лабораторий научно-исследовательского института.

Это было особое, ответственное время. Шёл 1970, юбилейный ленинский год — год столетия со дня рождения Владимира Ильича.

Наш народ готовился к XXIV съезду КПСС, разрабатывался план девятой пятилетки. Понятно, что перед нами, строителями, стояли большие задачи. И вот в это время меня и вызвали к начальнику управления СУ-111 Владимиру Григорьевичу Локшину.

Секретарша сразу провела меня к Владимиру Григорьевичу. Лицо у него было серьёзное, озабоченное, и заговорил

он не торопясь, подбирая слова и всё время глядя мне в глаза.

— Вот что, Николай Анатольевич,— начал он,— речь идёт об очень серьёзном деле, об эксперименте. Мы хотим тебя привлечь к нему. Николай Анатольевич, мы идём навстречу XXIV съезду партии,— продолжал он,— и мы должны самым серьёзным образом думать над изысканием новых резервов в своём строительстве. Мы думаем, ищем, рассчитываем. И вот вместе с начальником «Зелёноградстроя» Сергеем Тимофеевичем Дементьевым мы пришли к мысли провести эксперимент с бригадным подрядом. Если он удастся, мы решим основную, важнейшую задачу — намного повысим производительность труда, сэкономим материалы и средства. Это основное. Но важно и другое — мы считаем, что бригадный подряд поможет нам сдать в срок, в сентябре, корпус № 915. Вы знаете, в чём тут дело? Нет? У нас большие затруднения с этим четырнадцатизэтажным корпусом. Ежели мы не сдадим его в сентябре, то летит план последнего года восьмой пятилетки. Это же по всем статьям недопустимо! И вот мы хотим организовать работу так, чтобы каждый рабочий почувствовал себя полным хозяином своего объекта.

— Хорошо бы! так,— ответил я.

— Мы с Сергеем Тимофеевичем сделали такой подсчёт — строительство корпуса № 915 стоит 475 тысяч рублей. Так вот передать эту сумму самой бригаде...

— 475 тысяч рублей?! — удивился я.

— Постой, не перебивай. Слушай... Мы предполагаем заключить договор между управлением и бригадой. Администрация по этому договору будет обязана завезти бригаде вовремя материал — в комплекте, необходимого количества и качества, а также предоставить необходимые механизмы и транспорт. Само собой разумеется, что вовремя будет представлена вся необходимая документация, сетевой или линейный график производства работ, увязанный с графиком поставки и завоза материалов, конструкций

и так далее. Бригада же обязуется в определённый срок сдать готовый объект, в данном случае корпус № 915, «под ключ». Причём бригада будет полным хозяином стройки. Стоимость дома целиком передаётся самой бригаде за вычетом той части сметы, на расходование которой бригада никак не может влиять,— это отчисления на содержание аппарата, на научно-исследовательскую работу, отчисления профсоюза, по соцстраху — эту часть сметы оставим за строительным управлением. Таким образом, бригада будет полностью распоряжаться 408 тысячами рублей. Итак, она подписывает трудовое соглашение, получает простой наряд, без всяких прогрессивок. На деньги из этой суммы вы получите через наше управление материалы, механизмы, наймёте субподрядчиков — отделочников, электриков, сантехников и т. д. — и примётесь за работу. Зарплату будут получать прямую, без доплат. Бригада будет экономить на всём, то есть относиться ко всему истинно по-хозяйски, ибо за вычетом затрат на оплату своей работы, субподрядчиков, материалов и механизмов у вас обязательно должна остаться определённая сумма (как результат экономии, хозяйского отношения к делу), половину этой сэкономленной суммы вы оставите себе. Сверх этого ещё должна выйти премия за сдачу объекта досрочно. Если бригада сократит сроки строительства дома на два-три месяца, то сэкономит 25—30 тысяч рублей. И из этой сверхплановой прибыли при сдаче дома на «хорошо» 30—40 процентов пойдёт на премирование рабочих дополнительно к зарплате по аккордным нарядам. Окончательный расчёт с бригадой будет производиться после завершения всех работ по всему циклу, после сдачи дома «под ключ». Таким образом, бригада становится заинтересованной в конечном итоге, а не в тех результатах, которые подсчитываются в конце каждого месяца.

Тут я встревожился и переспрашиваю:

— Значит, бригада, перейдя на бригадный подряд, будет получать во время строительства лишь чистую зарплату,

по нарядам, без прогрессивок и каких-либо других доплат. Так я понял?

— Так,— подтверждает Локшин.

— Конечно, я всё понимаю,— отвечаю я ему,— план нужно выполнить и кирпичный корпус № 915 сдать в сентябре, но вы все на окладе, а мои ребята — сдельщики. Они разбегутся, если плохо заработают.

— Нет, Николай Анатольевич, вы взвесьте как следует и поймите, что в конечном счёте ваши ребята останутся в выигрыше. По существующему ныне хозрасчёту бригады получают премии только за сохранность и экономию строительных материалов. Получают они по десять-пятнадцать рублей в год. Скажи, кто всерьёз воспринимает эту премию?

— Никто,— не задумываясь ответил я.

— Является ли эта премия каким-нибудь стимулом? — продолжал Локшин. — Нет, не является. А я вам уже говорил, что при нашем эксперименте, если вы сумеете сократить сроки сдачи корпуса на два-три месяца — а вы должны суметь, мы всё подсчитали,— вы тогда сократите расходы на строительство на 25—30 тысяч рублей. Так вот 30—40 процентов из этой сверхплановой прибыли пойдёт вашей бригаде на премирование дополнительно к зарплате по аккордному наряду. А это значит, каждый из вас получит более двухсот рублей. Ощутимо?

— Ещё бы! Конечно, ощутимо,— отвечаю я.— Но тут вот ведь какое дело. Сдадим мы дом, скажем, на два месяца раньше срока, а как дело дойдёт до премии, в Стройбанке скажут: «Противозаконно, сметой не предусмотрено, вы ведь не переведены на новую систему планирования и стимулирования, как, например, домостроительный комбинат». И всё. Никакой премии. Верно я говорю?

— Отношения со Стройбанком урегулируем мы сами. Заключать договор с бригадой начнём только после договорённости с банком.

Я усомнился, что они договорятся, и задал новый вопрос:

— А если сдачу корпуса задержат субподрядчики, мы в ответе?

— Вы. И только вы. Вы же сами будете нанимать отделочников, электриков, сантехников. Когда вы заказываете себе туфли, вы требуете с ателье хорошую работу? Плохую не возьмёте, так? Ну вот видите. И тут так же — вы хозяева, вы нанимаете субподрядчиков, следите за их работой и принимаете её от них. А если, они плохо её выполнили, вы требуете переделать её. Вы полные хозяева и как хозяева за всё отвечаете. Разбили стёкла — мы вам дадим другие, но за них вы платите из своего собственного кармана. Зато если вы не разбили ни одного стекла, тот процент, что отводится по закону на бой, идёт вам. Перерасходовали материал — платите вы, сэкономили материал — получаете прибыль. Понятно?

— Понятно-то понятно,— отвечаю я,— но решиться один я не могу. Должен с бригадой посоветоваться.

— Правильно. Советуйтесь. Но я хотел бы, чтобы вы сами всё продумали до конца, прежде чем начнёте разговор с бригадой. Причём учтите, если решите перейти на строительство корпуса № 915, то из своей бригады сможете взять не более пятнадцати — девятнадцати человек, остальные останутся достраивать лабораторию. А вы будете работать с той бригадой, которая строит сейчас этот злополучный корпус № 915.

Я вышел от Локшина полный сомнений. В раздумье остановился посередине дороги. Идти в бригаду? Вроде бы надо всё обдумать, а потом уже с бригадой говорить, хорошо бы прийти с уже готовым для себя решением.

«В этом эксперименте что-то есть,— продолжал думать я,— это не просто придумали на один раз — вытащить корпус № 915, и всё,— нет, здесь дело серьёзнее, глубже».

Чем дольше я думал, тем эксперимент открывался передо

мною всё новыми и новыми своими сторонами. И всё же только после нескольких встреч с Локшиным и Дементьевым понял я всё значение этой новой формы организации труда для повышения производительности, экономии материалов и средств, а также для воспитания человека.

Наконец, я окончательно пришёл к выводу о необходимости согласиться на эксперимент. Но только при согласии бригады, без единого желания всех дело не пойдёт.

Повернул обратно и быстро зашагал к нашему объекту — зданию лаборатории. Около бытовки, когда собрались все наши товарищи, я подробно рассказал о встрече с Локшиным. Кончил говорить, смотрю, все молчат, сидят, думают. Потом посыпались вопросы, а потом заговорил Тихон:

— Коли есть дураки, пуцай идут на 915-й, а мне и здесь хорошо. Это чтобы за каждое стекло у меня вычитывали — спасибочко, этак я и без штанов останусь. И премия — только обман один. Да рази будут субподрядчики — сантехники, маляры да электрики — ради меня стараться? А я за них отвечай! Больно мне надо! Никуда я не пойду, здесь останусь.

— И я с ума не сошёл перейти на 915-й,— вторил ему Антон,— в срок его не выстроишь, ей-ей, не выстроишь. Шутите, кирпичный четырнадцатизэтажный дом по индивидуальному проекту за пять месяцев — да на кой чёрт мне это? И деньги большую только потому и обещают, что не выплатят. Пусть сами эксперимент свой испытывают. А мы не дураки.

И опять тишина, никто ничего не говорит. И я молчу, ничего не говорю. Так помолчали несколько минут, и тут Борис громко да как-то весело заявил:

— Тяжело тому жить, кто от работы бежит, а была бы охота, наладится всякая работа, бери умом, а не горбом,— так дед мой говорил, и отец поговаривал, и я скажу — в новую бригаду пойду, пиши меня, Николай Анатольевич,

— За длинным рублём погонишься — копейку потеряешь.

— Смотри, парень, не скоро ли решил? — говорит Тихон и прищуривает свои маленькие, в белёсых ресницах глаза.

— И я с вами, Николай Анатольевич,— говорит Саша Дроздов. Он даже вышел вперёд, высокий, худощавый.

— Ишь, смелый какой,— усмехнулся Антон.

— А смелым покоряются моря,— кричит Борис.— Идти вперёд, всегда идти вперёд — вот наш девиз, И мы пойдём, а ты, Антон, кисни и протухай. Чёрт с тобой.

На работу в новую бригаду записалось девятнадцать человек.

Наша бригада стала комплексной. Мы начали выполнять все общестроительные работы, кроме субподрядных. Мы работаем на строительстве четырнадцатизэтажного кирпичного корпуса № 915.

В нашей бригаде сорок семь строительных рабочих: десять каменщиков, семь монтажников, два бетонщика, семь плотников, четыре такелажника, четыре штукатура, десять подсобников, два электросварщика, один жестянщик, кроме того, в бригаде работало три машиниста башенного крана.

Из старой моей бригады коммунистического труда пришло всего девятнадцать человек, а двадцать восемь человек — из бригады, которая и начинала строительство этого корпуса.

Встретили они нас довольно спокойно. Кто-то из них, когда я впервые пришёл, сказал:

— Злобина мы знаем. Принимаем.

И вскоре я почувствовал, что бригада действительно приняла меня и моих девятнадцать товарищей.

Работа на стройке шла ни шатко ни валко. Особенного энтузиазма не было. Состав был пёстрый: и молодые, недавно пришедшие из армии, и старые, и среднего возраста. Некоторые давно уже работали строителями и имели высокий

разряд, владели двумя-тремя специальностями, а другие не имели ещё большого опыта.

Очень скоро и безболезненно мы «вросли» в эту бригаду, и никакого разделения на «ваших» и «наших» не было.

Я уже знал, что есть у нас в бригаде пьяницы и самый заядлый из них Василий Бодров, в бригаде его звали просто Васькой. Были и шабашники — Семён Малышкин, Харитон Углов, Тарас Ничепуренко.

В первые же дни Харитон Углов мне заявил:

— Ты, бригадир, не очень-то шуруй, а то и без бригады останешься.

— А ты меня не пугай,— отвечаю я ему спокойно,— кто уйдёт, а кто и останется. С теми и работать буду.

Вопрос дисциплины я сразу поставил жёстко: никаких опаздываний, ухода с работы, пьянства. В первую же неделю дважды отстранял выпившего Василия Бодрова от работы. Василий не обижался, уходил в бытовку и там спал.

Тяжелее было с шабашниками, особенно с Харитоном Угловым. Работал он неряшливо, раствор клал небрежно, толстым слоем, ряды подчас были неровными, за смену укладывал всего 400—600 кирпичей, зато имел лужёное горло. Стоило ему сделать замечание, как он начинал кричать на всю стройку, делал вид обиженного и уходил с работы. Все знали — уходил он шабашничать, работать на сторону. Тарас и Семён старались улизнуть раньше окончания смены — тоже работали на стороне. Когда я на следующее утро при всей бригаде делал им замечание, они отмалчивались, смотрели в сторону, будто это их не касается. Каменщиками они были неплохими, и мне хотелось пробудить их сознание, совесть, сделать стройку их родным делом.

Вскоре перед бригадой был поставлен вопрос о введении эксперимента. Пришли к нам на собрание начальник СУ-111 Владимир Григорьевич Локшин и несколько инженерно-технических работников. Локшин развернул перед

нами полную картину работы по бригадному подряду. Он очень подробно, не торопясь, повторяя, акцентируя на более важных местах, рассказал о сути эксперимента.

Владимир Григорьевич говорил долго, останавливаясь на мельчайших деталях эксперимента. Когда он кончил говорить, стояла по-прежнему тишина. Вдруг её нарушил громкий голос Корзина, он даже не сказал, а как-то выкрикнул:

— Э, обманут, не заплатят, погорим мы, братцы!

И это было как взрыв — все заговорили разом, возбуждённо, громко. Наконец, снова установили тишину. Слово взял Харитон Углов:

— За одно битое стекло с каждого по месячной зарплате скостят, поверьте мне!

Махнул он рукой, мотнул растрёпанной головой и выкрикнул:

— Не пойдёт это!

А тут Кириллов Николай Иванович, прекрасный плотник, примерный семьянин, человек всеми уважаемый, пробасил:

— При этой системе мы без штанов останемся,

Я почувствовал, что надо мне поговорить с бригадой наедине, наклонился к Локшину и тихо сказал ему:

— Владимир Григорьевич, оставьте нас одних, мы ещё посоветуемся, а потом соберёмся снова.

Локшин серьёзно посмотрел на меня, немного подумал и сказал:

— Наверно, так лучше. Вы, надеюсь, сумеете им доказать.

— Постараюсь.

Гости каши ушли, и вдруг опять установилась гробовая тишина, все выжидательно смотрели на меня.

— Я уговаривать вас не буду,— тихо сказал я.— Нам всем работать, нам всем и решать. Но наравне со всеми я скажу своё мнение: мы можем в пять-шесть дней сложить этаж. Можем, ежели, конечно, все захотят, ежели всё нам

дадут вовремя. Ведь подумайте сами — никакого чуда мы не должны совершить, и никто от нас его не ждёт. Просто мы получим нормальные условия работы — без задержек и простоев нам будут всё поставлять, причём хорошего качества и в комплекте, нас ничто не будет задерживать, и мы сможем без простоев и без авралов спокойно работать и за смену укладывать по 1600—2000 кирпичей. Прикиньте сами, подумайте.

Опять все молчат, и вдруг раздался звонкий голос одного из молодых каменщиков:

— Даже в семь дней этаж не сложим.

Никто не стал с ним спорить, никто не говорил ни «да», ни «нет».

— Сложим за пять-шесть дней,— уверенно и твёрдо повторил я.— Работе ничто мешать не будет, да и выдумка у нас есть. Рацпредложения. Я вот тут немного подумал и решил: чтобы ускорить работу, будем подавать звеньям каменщиков за один подъём поддоны в виде бутерброда: по краям облицовочный кирпич — «на натуру», а посередине — красный — «для начинки». Подсобниц расставим так, чтобы каменщик брал кирпич в руки не глядя. Дело говорю.

Слово взял Афонин:

— И хочется, и колется, и мама не велит? — со смешком начал он.— Так, что ли? Меня вы знаете — хитрить не буду. Дело стоящее. Ей-ей! Вон Гагарин в космос не побоялся полететь, первым был, а вы подряда испугались. Ведь мы первыми будем (он сделал ударение на слове первыми), кто дорогу бригадному подряду откроет. Первыми — не забудьте.

Только Афонин кончил говорить, как выскочил Борис.

— Почему не испробовать? Ведь работать нам будет легко, когда всё у нас будет под рукой, никаких задержек. Работай себе и работай... Николай Анатольевич говорит, что в пять-шесть дней можно сложить этаж, наверно, так. Он зря не скажет. И сами мы можем подсчитать. Я придумал:

коли буду всем обеспечен, я за смену уложу 1600—2000 кирпичей. Смогу. И все почти из вас смогут. И рацпредложения будут. Придумаем обязательно что-нибудь. Интересно работать будет. Весело!

Обсуждали мы долго, но так ни к чему и не пришли. Ни «нет», ни «да» строители не сказали, Колебались. Думали.

Я сообщил об этом Локшину. Через несколько дней позвонили на стройку из управления, предупредили, что вечером к нам приедут начальник «Зеленоградстроя» С. Т. Дементьев, начальник управления СУ-111 В. Г. Локшин и начальник отдела труда и зарплаты Э. М. Слуцкий.

После работы началось собрание. Выступил Дементьев.

Это было необычное выступление. Сергей Тимофеевич ничего не упрощал, он говорил о самых серьёзных и сложных вещах, не сомневаясь, что мы всё поймём. И мы всё поняли. Он сумел показать всю глубину и важность эксперимента не только для нашего управления, но и для строительства во всей нашей стране. Он говорил о том, что, поручая бригаде этот эксперимент, нам оказывают огромное доверие. Сергей Тимофеевич показал, как в новом методе тесно переплетаются государственные интересы с личными интересами строителей.

Он не уговаривал нас. Говорил дельно, даже сухо, но за этой сухостью слышалась твёрдая уверенность в своей правоте. И в той обстановке его деловой тон производил на всех особое впечатление. У слушателей стали иные лица, не было никакой хитринки — э, мол, меня не обманешь!— нет, сидели люди, которые думали о серьёзнейших вещах, имеющих общегосударственное значение. Уж здесь, на этом собрании, начался тот процесс, который в период всего эксперимента формировал у людей особое отношение к своему труду.

Дементьев остановился, секунду помолчал и, обращаясь ко всем нам, спросил:

— Всё ли я перечислил, что бы вы хотели получить от администрации? Всё ли?

— Только чтобы всё выполнили, чтобы не было это одними обещаниями,— сказал Семенов, чуть выдвинувшись из толпы.— Чтоб сказано — и сделано.

— Для этого мы и заключим договор,— ответил Сергей Тимофеевич,— но, может быть, вы ещё что-либо хотите от администрации? Всё? Добавлений нет? Теперь послушайте, что же вы обязаны будете делать по договору. Бригада должна взять обязательство: по переданным рабочим чертежам возвести объект в соответствии с нормами и техническими условиями в сроки, предусмотренные договором, и сдать его в эксплуатацию Государственной комиссии, а затем органам эксплуатации «под ключ». В договор включается стоимость работ по смете всех субподрядных работ, которые обеспечивают завершение объекта и сдачу его в эксплуатацию. Понимаете, это будет первый случай в строительстве, когда бригада будет влиять на указанные статьи сметы. На всём протяжении времени строительства дома № 915 вы будете получать зарплату только по калькуляции, в зависимости от технической готовности дома. Все виды премий — за ввод объекта в срок или досрочно, по аккордно-премиальной системе, за качество работ, за экономию и сохранность материалов — начисляются после сдачи дома госкомиссии в эксплуатацию.

Сумма премии определяется следующим образом: после завершения всех видов работ бухгалтерия нашего управления выведет фактическую себестоимость строительства дома № 915 и сравнит с расчётной по договору. Разницу составит образованная бригадой экономия. От этой суммы при отличном и хорошем качестве работ вам выплатят до тридцати — сорока процентов премии, при удовлетворительном — всего лишь десять процентов. Конечно, вы, товарищи, будете стремиться к наилучшим конечным результатам, так как будете материально заинтересованы в создании максимальной экономии, от которой получите премию. Наконец-то коллектив рабочих бригады

начнёт участвовать в распределении экономии, полученной в результате его труда.

Вы понимаете,— с ударением, как-то особенно серьёзно заговорил Дементьев,— расширится сфера деятельности бригады, ликвидируется обезличка, усилятся меры ответственности сторон. Бригадир уже начнёт влиять на другие ступени руководства стройки — на управление комплектации и материально-технического обеспечения, управление механизации, аппарат управления и так далее,— усиливает воздействие на всех участников строительства, включая субподрядчиков,— ведь бригадир будет принимать от них объём и качество работ, визируя форму № 2. Бригадир станет подлинным организатором производства и труда, ответственным руководителем, авторитетным воспитателем рабочих. Так что, товарищи, бригада станет стабильной ячейкой, для которой строго очерчены функции управления, а принятые обязательства будут закреплены договором.

Дементьев говорил долго, но интерес к его выступлению не падал, а наоборот, всё возрастал. Когда он кончил, посыпалась масса вопросов. Он отвечал на них охотно и подробно.

Собрание длилось часа четыре, и наконец бригада решила начать эксперимент.

Уходя, Дементьев сказал Локшину и мне:

— Теперь дело за нами.

Он как-то оценивающе посмотрел на меня и сказал:

— Вот что, Николай Анатольевич, идём-ка вместе с нами в ЦК партии к заведующему строительным отделом.

В ЦК КПСС нас поддержали.

На следующий день состоялось совещание, на котором присутствовали первый заместитель министра финансов СССР, председатель Стройбанка СССР, председатель Госстроя СССР и другие товарищи. Вопрос наш довольно скоро был решён. Решили провести эксперимент силами нашей бригады на строительстве корпуса № 915.

...И вот, наконец, мы обсуждаем в бригаде наш договор с управлением. Каждый пункт обговаривался обстоятельно. Возражений в общем-то не было, но торопиться рабочие не хотели — дело серьёзное и ответственное.

При подписании договора мы особо отметили и даже подчеркнули то место, где говорилось о том, что СУ-111 выделяет в распоряжение бригады необходимые механизмы, обеспечивает доставку материалов и деталей для строительства корпуса № 915 в соответствии со сроками, указанными в графике, и по заказам-заявкам, подписанным бригадиром. А Локшин, со своей стороны, обратил особо наше внимание на тот раздел договора, в котором говорилось, что бригада ответственна не только за сооружение и сдачу в эксплуатацию дома, но и за взаимодействие со смежниками — сантехниками, газовщиками, электриками.

По обычным нормам дом № 915 должен сооружаться 235 рабочих дней. При разработке графика и проекта организации производства мы срок строительства сократили на 81 день, что и занесли в договор.

Договор мы подписали в апреле 1970 года.

Итак, мы приступили к работе по новым условиям, только не было с нами Бориса Щеглова. Он стал сам бригадиром. Послали его в какую-то слабую бригаду. И он сумел сплотить эту бригаду, воспитать, всех пьяниц и шабашников приструнил. Похудел — видать, не так легко было ему справиться с этой разболтанной бригадой. Первое время частенько ко мне прибегал, советовался. А теперь уж окреп. Прекрасным бригадиром стал. Я о нём сильно скучал.

В воскресенье к нам в гости пришли Евграф Иванович и Клава.

Тамара и Клава давно уже сдружились, и сейчас Клава, всегда такая энергичная и подвижная, рьяно начала помогать жене накрывать на стол. А мы с Евграфом Ивановичем

сели на диван, и я стал рассказывать о наших новостях,

— Отлично! Отлично! — всё повторял Евграф Иванович, слушая меня.— Это настоящее дело,— тут же откликнулся он, как только я кончил рассказывать.— И я тебе предскажу,— продолжал он,— бригадный подряд зашагает по всей стране, вот увидишь. Он уже назрел. Нужно же ломать старый шаблон. Но не так-то бригадному подряду будет легко шагать, потребуется перестройка всего руководства строительством, верно я говорю?

— Верно, безусловно верно,— ответил я.

— Сам понимаешь, Николай Анатольевич,— продолжал Смелов,— при нынешней системе в строительстве не все бригады будут обеспечены материалами вовремя, а стало быть, будут и простои. То же и с технической документацией. Да и сумеют ли спланировать так, чтобы ты заранее знал свой объект? А при авралах всё так же будут бригаду перебрасывать с одного объекта на другой, А подряд заставит зашевелиться чиновников, встряхнёт их, хорошим же, честным работником поможет. Большая сила заложена в эксперименте.

— Правильно! — подтверждаю я.— У бригадного подряда, по-моему, два сильных крыла. Первое — рабочая инициатива. Она будет развязана. Верно? Второе крыло — глубокий технико-экономический расчёт, основательная организационная подготовка. Так?

— Так, но не забудь ещё о заводах-поставщиках. Не знаю как, но ясно одно — надо крепко связать в один узел стройку с заводами-поставщиками.

Из кухни пришли женщины и заявили, что мы не мешкая должны сесть за стол.

Настроение у всех отличное, и беседа наша, уже общая, шла оживлённо и интересно.

И тут Клава говорит:

— А ведь мы пришли по делу. И очень серьёзному, и неотложному, и смешному, и трагическому.

— Ого, какое же это дело? — заинтересовался я.

— Это касается Валентины и её детей. Только послушайте, что натворил Петька. Его одноклассник начал расхваливать своего отца: и такой он важный, и такой ответственный, и дача у них, и машина, и то, и другое. Ну Петька его и поддел чем-то, тот рассердился и брякнул: «А ты ещё что разговариваешь? Отец тебя бросил, больно ты ему нужен. Ну и молчи!» Петька здоровый и сильный, не чета тому холёному. Ведь уже двенадцать исполнилось. Так вот повалил он его и надавал как следует, нос разбил. Конечно, в школу явился его отец и поднял невероятный шум. Директор школы, не разобравшись во всём этом деле, заявил Петьке: «Пока не придёт ко мне твой отец, в школу не ходи». Вот Петька в школу и не ходит. Заявил матери: «Сказано, чтоб отец в школу пришёл, а без него не являться, вот я и не являюсь»... Валентина боится идти к Фёдору. Мне, по правде сказать, тоже идти неохота. Да Фёдор меня и не слушает. Тебя скорее слушает. Так вот, пойдём к нему, а? Петьку жалко. Ему, видать, хочется тому паршивцу сыночку показать, что и у него, Петьки, есть отец, который о нём заботится.

Назавтра после работы мы пошли к Фёдору. Дверь нам открыла молодая, располневшая женщина, красивая, только лицо её было всё разрисовано, волосы выкрашены в красный, кричащий цвет. Одета она была в атласный дорогой халат, длинный, до полу. В ушах золотые тяжёлые серьги, пальцы все в золотых кольцах, на шее золотая цепочка с кулоном.

Она свысока посмотрела на нас и недовольным тоном спросила:

— Вам кого надо?

— Фёдора Максимовича Матвеева,— отвечаю.

— А по какому это делу? — настороженно спросила она, подозрительно глядя на Клаву.

— Кто там, Даша? — послышался грубоватый голос Фёдора, и он появился в дверях.

Клава спряталась за мою спину, и Фёдор увидел только меня.

— О, кто пришёл! Сколько лет, сколько зим! Каким ветром занесло тебя ко мне? Или в бригаду ко мне захотел? Ну, проходи, а ты, Даша, быстрее всё на стол, и чтоб графинчик.

— Без тебя знаю, что на стол ставят,— довольно нелюбезно оборвала его жена и отправилась на кухню.

Вот тут Фёдор увидел Клаву.

— А ты чего? — сердито спросил он.

— Она со мной,— ответил я, и мы вошли в квартиру.

— Ноги оботрите,— загораживая собой вход в комнату, буркнул Фёдор,— у нас полы-то лаковые, сами циклевали. Вона блестят, а сами в тапки влезайте, любые одевайте, у нас этого барахла много.

Когда вся эта процедура была закончена, Фёдор торжественно провёл нас в «залу».

— Здесь мы не пьём чай и не закусываем. Зала,— пояснял нам Фёдор.— А на диван садитесь. Новый. Сам пылесосу. Чехол не одеваем, красоту всю закроет. И кресла и стулья мягкие — видите, без чехлов, а то какая глазам радость? Приду с работы, в залу пройду, на тебя так и смотрит вся эта красота — ты вроде сразу и отдохнул. На душе праздник — смотришь ты на эту мебель, и она на тебя смотрит. И вот видишь, какая горка? И всё хрусталь, и не наш, а чехословацкий. Всё, как у людей.

Но вдруг он опомнился, и лицо его сразу стало настороженным и недоброжелательным.

— А вы что пришли-то?— спросил он.

— По делу мы, — отвечаю.

— Это по какому же делу?

— Петя, сын твой, набедокурил, вот отца и вызывают в школу.

В это время послышался голос Дарьи:

— Федя, на стол накрыто, зови гостей.

— Да погоди ты, дура! — зло отозвался он.— Дело тут какое-то.

Дарья Ивановна сразу вошла, лицо встревоженное.

— Какое ещё дело?

Мы рассказали, и Дарья сразу в голос, грубо, резко:

— Элементы платим, чего ещё надо? Зачем это ему в школу идти? Срамиться?! Нечего ему там делать! Долг он свой исправно выполняет — никогда денег не задерживает, бухгалтерия высылает, мало, что ли, шестьдесят-семьдесят рублей в месяц отваливают... Ещё в школу ходи из-за какого-то хулигана. Да что это ещё такое?!

Фёдор молчал, хмурился. И тут я ему рассказал о себе, как на всю жизнь обидел меня мой отец. Взрослым стал, уже сам отец, а обида в душе жива, не зарастает.

— Жалобно рассказываешь, эк как умеешь, да меня словами не возьмёшь.

Он грубо засмеялся, но я видел: глаза у него забегали, и густые брови нахмурились. Тут и Клава стала его увещевать, рассказывать, каким Пётр стал и как похож он на отца.

— Ладно. Пойду,— не глядя на нас, буркнул Фёдор.— Я там быстро порядок наведу. Завтра занят, а в среду во вторую смену работаю, так утром в школу пойду и Петьку с собой приведу.

К столу он нас не позвал, стоял, широко расставив сильные ноги, и хмурился.

— Буржуй, мещанин,— ругалась Клава, когда мы шли от Фёдора,— Ну что у него осталось от рабочего человека? Да ничего! Вся жизнь в лаковом полу, хрустале да золоте. Тьфу, противно как! Думает, долг у отца перед детьми — только деньги платить. Всё измеряет рублями! Буржуй! Подлец!

Мы зашли к Валентине. Петька был дома. Сидел, что-то мастерил из пустых спичечных коробок.

— Петя, в среду утром отец зайдёт за тобой, в школу пойдёте,— сказала Клава.

Петька вскочил со стула:

— Отец придёт? К нам? Сюда? Вот здорово! Я папке всё расскажу, всё! Уж он меня поймёт!

Через несколько дней вечером, после работы, пришла к нам Валентина,. Лицо у неё было довольным, тихим, спокойным,

— Уж и не знаю, как вас благодарить,— говорила она, и глаза её преданно и как-то приниженно смотрели на меня,— Фёдор пришёл рано утром,— продолжала она,— мы ещё все дома были. Ксения так и бросилась к отцу. Ну вы его знаете, он её, конечно, отстранил от себя. А с Петенькой стоят они друг против друга, как одна фотокарточка, только тот большой, а этот маленький. Тут Фёдор вроде смягчился и только и сказал: «Ну!» Потрепал его по плечу, и пошли в школу.

А в школе, что ж, разговор короткий был. Директор всё рассказал, а Фёдор и выдал ему: «А чего тот сопля не в свои дела вмешивается? И какое ему дело, живу я с детьми или не живу? И надо было его вздрючить! А вы чего только на одного валите? Потому, что папаша у того больно важный? Ну ладно, я сам тому отцу писульку на работу отошлю, в партком: мол, какого паршивца он воспитывает, ещё дачей да машиной похваляется. Уж я напишу! Пусть разбирают, что рабочий им пишет. А сыну за то, что в школе дерётся, я тоже воздам». Да при директоре и учителях дал Петьке хорошую оплеуху. А тот даже и не охнул, только и говорит: «А ты, папа, со мной около класса постой». — «Это зачем?» — удивился Фёдор. «Да чтоб ребята тебя видели»,— отвечает Пётр. «Около класса, так около класса»... А я уж с ними не пошла, на работу торопилась. А вечером Петечка всё хвастался, что к нему отец приходил и весь класс его видел. Вот как... А я уж так вам благодарна, так благодарна, что уговорили вы Фёдора прийти к нам и в школу явиться. Петя теперь в класс ходит и уроки учит.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уже около месяца наша бригада работает по-новому — опробывает бригадный подряд. Мы вроде как разведчики, идём по непроторённой дороге. Мы все, без исключения, чувствуем свою громадную ответственность: ведь оказались хозяевами 408 тысяч рублей, и от нас зависело, как скоро поднимется 915-й корпус в четырнадцать этажей! И ещё мы понимали, что от нас зависит — утвердится сейчас бригадный подряд или нет.

Я и мои помощники — звеньевые Николай Афонин, Михаил Семенов, Саша Дроздов, Василий Непийвода да и многие другие рабочие — поверили в бригадный подряд, увидели его возможности и были глубоко убеждены, что рано или поздно он утвердится в строительстве. А вот как быстро утвердится, зависело сейчас от нас — докажем ли мы своей работой его преимущества или нет?

Мы очень быстро поняли, что успех бригадного подряда зависит от многих факторов. Дело здесь не только в том, что нам вовремя будут поставлять материалы. Конечно, это важнейшее условие, без которого не может быть бригадного подряда. Но не только это. Здесь должны сработать многие рычаги, как, например, борьба за ощутимую экономию средств против сметной стоимости.

Необходимо стало всем глубоко изучить затраты, из которых складывается расчётная и фактическая стоимость производимых нами работ. Зная эти затраты и исходя из них, мы можем искать дополнительные источники экономии. Ведь это она, экономия, скажется на премии.

Сам по себе бригадный подряд экономического чуда не

совершит. Здесь нужна серьёзная работа. И мы кинулись изучать статьи накладных расходов, которые зависели непосредственно от нашей работы, изучали калькуляцию зарплаты. Присматривались, где идёт потеря времени, материалов, простой техники, где у нас «узкое» место и где можно расширить фронт работ. Причём искали все рабочие, а не только бригадир и его ближайшие помощники.

Люди скоро почувствовали, что при бригадном подряде мало одной физической силы, здесь нужно работать и головой. Без этого хорошо не похозяйничаешь.

Каждый знает, что он может десятки раз переделывать одну и ту же работу, но больше, чем стоит постройка корпуса, нам никто ничего не заплатит. А на стройках, где ежемесячно закрывают наряды, оплачивается любая работа — и нужная, и не нужная. До подряда так было и у нас.

Теперь же каждый рабочий старается сразу работать качественно, чтобы не пришлось переделывать. За переделку и ломаного гроша не дадут. У нас появилась своя бригадная поговорка: «За экономию получи, а за перерасход плати». Члены нашей бригады теперь учитывали всё, всё контролировали. Нам уже не было безразлично, как работает сосед, тратит ли он зря раствор или обходится с ним аккуратно, разбил он стекло или нет, хорошо ли ведёт кладку кирпичей. Каждый был заинтересован в общем результате работы. На рабочих начинал влиять уже не только «рубль», у всех здорово выросло чувство коллективизма, чувство ответственности за себя, за товарища, за всю стройку.

В самом начале, прежде чем приступить к работе по бригадному подряду, мы с моими заместителями звеньевыми Николаем Афониним, Василием Непиводой, Сашей Дроздовым, Михаилом Семеновым и прорабом продумали всю нашу работу от начала до конца и уже старались не отступать от этого ни на шаг.

Мы стремились к тому, чтобы к началу каждой смены всё было подготовлено до мелочей, и не только каменщикам,

но и сантехникам, электрикам, отделочникам. Каждый рабочий всегда прекрасно знал своё место, своё дело, своего начальника. Как говорит такелажник Саша Бондаренко: «Никто мне каждые пять минут мозги не компостирует, как на других стройках: то сюда беги, то туда — все командуют, а толку чуть. А тут я знаю своё место, свою работу, своего начальника — бригадира Николая Анатольевича, и никто больше мною не командует».

И эта продуманность технологии от начала до конца, подготовка к строительству в целом и к каждому рабочему дню в отдельности давали свои результаты — работа шла ритмично, без авралов, без простоев и бесконечных перекуров. Мы старались всё делать точно по технологии, чтобы нам ничего не переделывать.

Обо всём этом я и думал, подходя к нашему корпусу. По-моему, у меня не было ни одной минуты, когда бы я не помнил о подряде, о поисках новых путей сокращения расходов и ускорения строительства.

Мы работаем в три смены и организовали работу так, чтобы рабочее время каждой смены было использовано самым рациональным образом, чтобы ни один час не пропал даром. В первой и второй смене звенья — «двойки» вели кирпичную кладку. В дневную смену производились все специализированные работы, по мере укладки кирпича плотники устанавливали дверные и оконные переплёты, штукатуры и бетонщики устраивали цементно-песочные стяжки под паркетные полы и другие работы. В третьей смене у нас работали четыре монтажника и один такелажник, они монтировали перегородки и плиты перекрытий, устраивали песчаное основание под цементную стяжку, переставляли подмосты и создавали запас материалов для рабочих первой смены.

Я постоял несколько минут, посмотрел, как слаженно трудятся ребята, и пошёл дальше. Вот мощные стальные

руки башенного крана подали на этаж кассету с кирпичом, Николай Афонин подхватил её, поставил вплотную к стене, разгрузил. Стрела крана важно поворачивается и спускается вниз, за следующей кассетой.

Николай увидел меня, выпрямился, мотнул рыжей головой. Мы крепко пожали друг другу руки. Я спросил:

— Сколько подъёмов уже сделали?

— Пятнадцать. Кран хорошо работает, но тут вот мы с ребятами говорили: подъёмов много, а кирпича мало, поднимает-то он всего два поддона. А что, если бы соорудить такую кассету, чтобы подавать не два, а четыре? Ведь восемь тонн кран шутя поднимет.

— Отлично! — отвечаю я.— Восемь тонн для крана не предел.

— Мы тут вроде как придумали эту самую кассету — штука не хитра.

В душе у меня подымается волнение, и я, помогая Афонину выгружать следующие поддоны с кирпичом, спрашиваю:

— А что за кассета?

И Афонин рассказывает мне, какую кассету надумали они с рабочими. Долго мы с ним обсуждали это новшество, и мне не хотелось уходить со стройки. Только часа через два распрощался с Николаем и зашагал домой.

Вокруг ночная тишина, воздух мягкий, ароматный, ярко горят крупные звёзды на тёмном небе, высоко над головой светит месяц, а мне всё казалось, что он подмигивает мне и смеётся, а в душе одно пело: новая кассета с четырьмя поддонами. Ведь вот насколько может ускориться работа. Красота!

Утром я первым делом рассказал прорабу насчёт новой кассеты. Он тут же заинтересовался. Сели мы в бытовке, он сделал кое-какие расчёты и сказал, что, не откладывая, поднимет этот вопрос в управлении. Настроение у меня, конечно, было отличное, я поднялся на четвёртый

этаж и вдруг слышу яростный, возмущённый крик Саши Дроздова:

— Что ты делаешь? Нет, ты только посмотри, как ты сложил проём? Подумал, как в этакий проём дверь вставлять?

Его кто-то поддержал:

— Не каменщик ты, а дерьмо, гнать тебя со стройки надо! Кто за тебя переделывать работу будет?

Я поторопился на шум. Около невысокого, но плотного, с широкими сильными плечами Харитона Углова и его злополучного проёма собралось несколько человек, и все с возмущением отчитывали провинившегося, но особенно горячился Саша. Он человек взрывчатый, вспыльчивый, ненавидящий всякую халтуру.

Саша тыкал жилистой рукой в только что сложенный Харитоном проём и, красный от ярости, кричал:

— После работы останешься, чёрт такой, срубишь всё, что напортачил, и сделаешь как следует, по отвесу. Мы за твоё тунеядство платить не собираемся.

«Так,— думаю я,— трудовое-то соглашение действует безотказно. В пятнадцатом пункте его мы обязались возместить из своей премии стоимость перерасхода, порчу и бой материалов по вине бригады.

Раньше сложил бы каменщик проём вкривь и вкось, посмотрел, плюнул и пошёл бы дальше, не ему, дескать, в этот проём дверь вставлять. А теперь не то, не примет субподрядчик этакую работу — ведь мы сдаём им этажи и каждую квартиру по акту».

Я подошёл, и все обернулись ко мне:

— Что с ним делать, с этим бракоделом? — спрашивает меня один из каменщиков.— Смотрите, какой неряха, мало что чёрт те как проём сложил, ещё раствор перерасходовал, ишь слой какой и кругом поразбросал. Ну что с ним делать?

— Воспитывать,— отвечаю я.— Вот сейчас после вашей проработки Харитон, наверно, отлично сложит проём.

Я оборачиваюсь к Углову, он смотрит сейчас на меня как на спасителя и бормочет:

— Само собой... А то как же... конечно, оно так...

Каменщики разошлись, я вместе с Харитоном с трудом отдираю кирпичи (раствор уж застыл) и молчал. Харитону, видать, тяжело на душе, он ждёт от меня хоть словечка, но я молчу. Думаю — пусть попереживает. Разодрали кирпич, я начал складывать проём, а Харитон стоял рядом и смотрел. Поработал я минут 30, а потом заговорил с Харитоном.

— Что же это у тебя, Харитон, получается? Товарищи тобой недовольны.

— Недовольны,— уныло повторил он,— всё время недовольны, а я что, виноват? Я плотник, а каменщик так, поневоле.

— Как это так? — удивился я.

— Да очень просто. Дед мой плотничал, отец плотничал, и я сызмальства им помогал. А потом, когда в деревне у нас по оргнабору набирали, и я решил завербоваться, да только нужны были каменщики, а не плотники. Вот я и пошёл в каменщики. Ещё когда учился, мастер всё говорил: «Хреновый из тебя, Харитон, каменщик получается». Так оно вот и получилось. А ежели я на стороне работаю, так только плотником. Я знатный плотник.

— А что же до сих пор молчал?

— А что говорить? Каменщики вроде больше зарабатывают, да и взяли меня как каменщика.

— Если хочешь и обещаешь хорошо работать, я переведу тебя в плотники.

— Переведёшь? — обрадовался Харитон,— А можешь?

— Теперь могу.

— А я работать так буду, что всяк доволен останется.

Уже на другой день Харитон Углов стал работать плотником.

Мы в бригаде уделяли особое внимание расстановке людей, стремились каждому дать такую работу, при которой

он сможет работать с наиболее полной отдачей. Это тоже большой плюс бригадного подряда, что мы сами, в частности, бригадир, можем расставить людей так, как нам кажется лучше. А то ведь раньше в расстановку людей вмешивались все, как говорят, кому не лень,— и прораб, и мастер, и начальник участка. И очень часто при расстановке людей совершенно не считались с интересами бригады.

Часто бывало и так. Придёт начальник и спрашивает: «У тебя сколько, Злобин, в бригаде людей? — а потом и говорит: — Дом надо сдавать, мы тебе подбросили человек тридцать». Так мы раньше и определяли: раз начальство зашевелилось, значит, к финишу подходим. Бывало, на небольшом объекте до двухсот человек работало. Попробуй сейчас добавить мне хоть одного человека. Не возьму. И бригада не согласится. И расставляем мы людей так, как это выгодно работе.

А Харитона не узнать. Старается вовсю. Он действительно неплохой плотник. И вообще я стал замечать, что этот вялый, малоразговорчивый человек разительно изменился. Теперь у него появились товарищи среди плотников (каменщики его не любили и не уважали), дела бригады стали его интересовать, сонные глаза у него стали живыми, и на собраниях он уже не спал, а с интересом слушал, даже как-то раз выступил (чего раньше никогда не было) с каким-то дельным предложением.

...Сегодня у нас большой праздник — новая кассета поднимает за один раз четыре поддона с кирпичом. Все наши строители не налюбуются на неё и весь день только о ней и говорят. А в конце смены Кириллов обратился ко мне с просьбой:

— Николай Анатольевич, нужны бы нам совочки. В какие бабы дома сор собирают, домашние совочки.

— Да зачем они вам?

— Как зачем? Сор собирать. Никто за нас убирать

не обязан. Сами после смены будем подбирать. Чисто. Хорошо.

Достали мы совочки, и плотники действительно чисто убрали за собой. Люди стали другими — подряд заставил их обо многом подумать, развязал инициативу, научил считать. Теперь каждый искал пути экономии и рационализации труда.

Вот так возникла у нас мысль ускорить работу при кладке стен на лестничных пролётах и в холлах. Обычно кладку стен там вели красным кирпичом, а потом эти стены, сложенные из красного кирпича, штукатурили и окрашивали. Работа получалась очень трудоёмкая, требующая много времени. И возникла у нас мысль кладку этих стен производить облицовочным кирпичом. Таким образом, штукатурка и окраска отпадали. Время на эту операцию сразу резко сокращалось.

В управлении, когда мы пришли туда со своим предложением, сначала даже удивились: мол, облицовочный кирпич дороже красного. Но мы доказали, что этот расход покрывает выигрыш во времени, ведь сокращаются операции — не нужно ни штукатурить, ни красить. Подсчитали, и получилось, что мы правы, время сокращалось, да и качество улучшилось. Заказчик одобрил наше предложение. А мы в конечном счёте получили дополнительно около двух тысяч премии.

Работа шла у нас ритмично, и за апрель месяц мы сложили три с половиной этажа. В бригаде просто праздник. Все были очень довольны результатом нашей работы.

Я сижу в бытовке и внимательно изучаю целую кипу накладных. Раньше это входило в компетенцию начальника стройки, а теперь этим занимаюсь я, бригадир. Ведь ныне бригада сама принимает материал от поставщиков, ведёт их учёт по количеству и качеству и целиком отвечает за него. Причём при перерасходовании материала стоимость его вычитают не из кармана бригадира, а из общего котла.

У нас на площадке не увидишь ни одного брошенного

кирпича или доски, задвижки, гвоздя. Теперь любой из нас, если увидит, что кирпич как-то не так лежит в штабеле,— подойдёт, поправит, положит надёжно. Никто не пройдёт мимо брошенной в грязь доски, обязательно поднимет и отнесёт на место, гвозди подберёт, в ящик положит.

Строповщик строго записывает, сколько материала мы получили, какого, эти сведения зафиксированы и у меня, на всех накладных я ставлю специальный штамп, без него бухгалтерия теперь не примет сведения о поставках нам материалов.

Обхожу рабочих, смотрю, как идёт работа. Вижу: «зашивается» плотник — он устанавливает дверные переплёты, и что-то ему помешало, отстал, его далеко обогнали те, кто устанавливает оконные переплёты.

Я становлюсь к Васе и помогаю ему. Работаю не более часу — остановилась подача кирпича и раствора. Бегу вниз. Пришли автомашины с мелким грузом, и башенный кран стал их разгружать. Эти машины мы сегодня не ждали, но материал всё равно наш, и его нужно разгружать. Остался внизу и стал помогать разгрузке, чтобы скорее освободить кран. На душе тошно — знаю, наверху остановилась работа каменщиков. Сегодня это уже третья «передышка»: утром приходили машины с перегородками — разгружали их, и у каменщиков опять был «перекур».

Мелкие грузы мы не ждали, а они пришли, а вот песок должны были привезти с самого утра, а машин нет...

Возвращаюсь в бытовку, начинаю звонить. Неразбериха полная. То говорят, что машины с песком уже ушли, то — что их сегодня не будет. Битый час звонил, охрип, аж в голове зашумело. Выяснил: перепутали шофёру путёвку, поэтому песок запаздывает, но к вечеру будет.

Неожиданно приехала машина с трубами. Опять кран занят. Торопимся разгружать, я работаю с такелажниками.

Обеденный перерыв. И вот тут у нас поднялся вопрос о кране. Я говорю товарищам:

— Давайте подумаем о втором кране. Возьмём пневмоколёсный

и поставим его на разгрузку прибывающих материалов, а башенный уже бесперебойно будет подавать всё необходимое на леса.

Что ж, сели мы за подсчёт, и он показал, что нам выгодно взять дополнительный автокран для дневной смены, для разгрузки транспорта, особенно автомашин, доставляющих мелкие грузы. Это даст нам возможность более рационально использовать башенный кран — прекратятся простои, увеличится количество подъёмов,— затраты на второй автокран, таким образом, с лихвой окупятся.

Через несколько дней нам дали второй кран. Целых три дня с карандашом в руке прораб вёл подсчёты: сколько времени был занят второй кран, какова выработка каменщиков. Подсчёты были поразительными — выработка поднялась гораздо выше, чем мы даже ожидали.

Теперь, подводя уже определённые итоги работы по бригадному подряду, я хочу сказать об одной очень существенной его черте: он заставляет рабочих постоянно искать, что-то придумывать, находить наиболее рациональные технические решения, подходить к делу инженерному. И это имеет двоякое значение — улучшение процесса производства и формирование у рабочих заинтересованного, творческого подхода к делу.

Помню, как подняли наши рабочие вопрос о цементной стяжке под полы. Обычно её делают после монтажа коробки дома. Для этого разбавляют раствор и качают его насосом на этажи. Тонны воды, попадающей при этом в квартиры, естественно, не улучшают качество строительства. К тому же стяжки, подсыхая, трескаются, приходится «доводить» их вручную.

Вот как-то рабочие говорят мне:

— Николай Анатольевич, а ведь это не дело — водой заливать квартиры да время тратить — стяжку вручную доводить. Здесь подумать надо, покумекать.

У рабочих уже были свои соображения на этот счёт. Собрались мы в бытовке, подумали, посоветовались, пригласили

прораба и сообща надумали. Теперь у нас стали делать стяжку параллельно с кладкой стен, подавая на этажи не разбавленный, а полноценный раствор и не насосом, а краном. Работа пошла быстрее, и качество стало лучше. Все наши нововведения позволили нам намного ускорить темп работы. В апреле, как я уже говорил, готовы были три с половиной этажа, в мае же мы возвели четыре этажа, в июне — уже почти пять.

Когда мы заключали договор с управлением, то взяли обязательство закончить строительство корпуса за 195 дней. Исходя из этого, планировались доставки материалов на строительную площадку и все другие услуги. Теперь нам стало ясно, что мы строительство закончим гораздо раньше. Начали подсчитывать. Решили мы применить сетевой график, по которому весь технологический комплекс разделили на 15 потоков. Подсчитали, и получилось, что кончим мы строительство корпуса за 155 дней. Так и записали. Пришлось корректировать график поставок материала и работу субподрядчиков.

В строительстве есть «железное» правило, по которому нельзя пускать смежников в корпус, пока их не будет отделять от монтажников три перекрытия. Когда пришло время начать смежникам, мы в бригаде очень серьёзно обдумали этот вопрос.

Дело осложнялось тем, что смежники не были охвачены подрядом. Как бы хорошо ни работали электрики, маляры, штукатуры, сантехники, они не могли претендовать на премии за счёт прибылей. Так что получалось, что они абсолютно не заинтересованы в выполнении того договора, который мы как бригада, работающая по бригадному подряду, заключили с управлением. А ведь сдача корпуса в сентябре, то есть досрочно, и на «отлично» во многом зависела от субподрядчиков.

Перед нами встал очень тяжёлый вопрос — как их заинтересовать, чтобы они работали в нашем темпе и на «отлично».

Миша Семенов, человек очень пунктуальный, любящий строгий порядок, первый внёс предложение:

— Николай Анатольевич, разговор с ними должен быть коротким: «Принимаете от нас квартиру, проверьте, всё ли цело. Будете нам сдавать, мы тоже посмотрим, целы ли стёкла, на месте ли шпингалеты, розетки, замки. За всё разбитое, сломанное и пропавшее отвечать будете рублём». Верно говорю?

— А как же,— отвечаю я,— раньше сколько раз я наблюдал у отделочников: не успели ванну кафелем облицевать, а плитки уже посдирали и утащили. И видят кто, и знают, а всем наплевать. Не из своего кармана. Теперь у них ни одна плитка не пропадёт, потому, если пропадёт, мы с плиточников её стоимость вычтем. Мы ведь с ними за работу рассчитываться будем.

— Ну это само собой,— кричит Саша Дроздов,— а вот чтобы они резину не тянули, не работали спустя рукава, шалаяй-валяя, вот о чём подумать надо.

Юра Лебедев парень очень скромный, редко когда выступит, а тут разговор для всех нас важный, и он вопреки обычаю не молчал, а высказал своё мнение:

— Субподрядчики получают два процента от сметной стоимости объекта за его ввод в эксплуатацию в срок или досрочно,— говорит он.— Значит, мы должны всё время подготавливать для них фронт работ, чтобы у них не было простоев, да всем им загодя заготавливать материалы, чтобы сами они не бегали за ними да не таскали их на себе. Они ж заинтересованы скорее окончить работу и перейти на другой объект.

— Совершенно верно,— подтверждаю я,— так и запомним. Если нужно будет в убыток себе, отложим свои дела — и подготовим широкий фронт работ для сантехников, электриков, ну, в общем, для всех субподрядчиков. И ещё вот что важно: чтоб отношения были с ними самые уважительные, чтоб им было совестно нас подводить. Так что никакого шума чтоб не было, если что. Ну, а следить за их работой

придётся внимательно, ежедневно, это уже в обязательном порядке. Тут уж глаз с них не спущу.

Обошли мы этажи и по актам сдали их смежникам и по актам же будем принимать работу от них. Потом мы долго сидели с прорабом отделочников Василием Ивановичем Прокошиным в бытовке и обговаривали совместную работу.

— Я за своих ребят ручаюсь,— уверенно говорил Василий Иванович,— не подведём вас. Ведь генподрядные бригады обычно никогда не спешат быстрее приготовить для смежников фронт работы — наоборот, мы, смежники, ходим за строителями, упрашиваем их дать нам возможность работать. Теперь же у вас, как я понял, все будут стараться в первую очередь подготовить фронт работы нам. Вы будете стремиться к тому, чтобы мы не затянули свои работы и не задержали сдачу дома. Верно говорю?

— Конечно, верно.

— Ну, коли будете это соблюдать, мы вам сроки перекроем.

Итак, забот у нас прибавилось. Теперь в течение дня я три-четыре раза ходил смотреть, как подвигаются у них дела. Не отстаёт ли кто, нет ли каких помех, какой нужды. Скоро я обнаружил, что немного отстают сантехники — их подвели с заготовками. Вместе с их бригадиром Виктором Митрохиным целое утро «висели» на телефоне — выбили-таки заготовки, к вечеру их подвезли.

Дня через два приходит ко мне в бытовку наш прораб Дмитрий Николаевич Цветков и говорит, что по счетам мы перерасходовали несколько кубометров раствора.

— Что это ты,— спрашивает он меня,— не следишь за расходованием раствора? Такой рачительный хозяин, а тут не досмотрел, перерасход допустил.

— Да не может этого быть,— отвечаю я,— наша бригада давно научилась правильно и экономно расходовать раствор.

Миша Семенов предложил:

— Надо проверить растворовозы. Наверно, они не довозят,

иначе ничего и не придумаешь. Раствор мы бережём, знаем, что это наши деньги!

Как только после обеденного перерыва пришёл к нам самосвал, мы тут же измерили раствор. И что же получилось? По накладной выходило, что привезли нам 1,8 кубометра, а измерение показало — всего-то 1,6 кубометра. Начали мы проверять все машины с раствором и увидели: в каждом сколько-нибудь да не хватает. Вместе с прорабом Цветковым позвонили на завод, вызвали его представителей, при них измерили несколько машин, им ничего не оставалось делать, как подписать акт на рекламацию. Всё, что мы потеряли, нам вернули.

Нашу стройку, корпус № 915, снабжало двадцать два московских завода, и к каждому заводу мы спустили график поставок изделий. Нередки случаи, когда нам не доставляли материалы по этим заявкам, и мы с Цветковым «выбиваем» необходимый материал — звоним на заводы, в трест, в главк.

Тяжёлая эта работа — «выбивать» то, что тебе положено.

На заводе кричат, что необходимого материала сейчас нет, в тресте обещают, но никаких мер не принимают, в главке удивляются, что нет запланированного материала, который предусмотрен давно — предусмотрен, увязан, согласован.

Первая смена работает у нас с восьми часов утра до пяти вечера, вторая — с пяти до часу ночи, а третья — с часу ночи до восьми утра. Бригады меняются, так что ночью работают по очереди.

Прямо на улице у нас состоялся короткий пятиминутный разговор со звеньевыми,— подводим итоги минувшим суткам, уточняем задание на сегодняшний день, и все расходятся по своим рабочим местам. Я иду на склад, смотрю, что есть в наличии — ведь везут в три смены,— замечаю, чего не хватает, что нужно «выбивать».

Опять не доставили подоконных досок, которые должен

дать завод нестандартного оборудования, и по-прежнему плохо обстоит дело с лифтом. Уже давно Могилёвский завод обязан прислать 500-килограммовый лифт. Три недели мы с прорабом по очереди звоним на этот завод, нам обещают, но обещания повисают в воздухе.

Иду в бытовку и начинаю звонить на завод нестандартного оборудования. Просто мука! Один отсылает к другому, другой к третьему, а третьего нет на месте. Дозваниваюсь к директору. Разговор краток: «Доставим на днях»,— и вешает трубку. На днях, а сегодня, завтра что делать? Откладывать эту работу. И когда это будет на днях?

Смотрю в окно бытовки и вижу: стоит на пороге тоненькая, худенькая девушка, в платок старенький кутается от холода и смотрит по сторонам. Ба, да это Ксюша. Я вышел из бытовки, окликнул её. Она бросилась ко мне:

— Дядя Коля, а я вас искала.

— Проходи, согреешься в бытовке... Ну рассказывай, что у вас стряслось?

— С Петечкой опять,— горестно, по-взрослому сказала она.— Мама болела, только второй день как на работу вышла, сердце у неё болит. Врач сказал — ей нельзя расстраиваться, ну а Петечка подрался с каким-то мальчиком и во время драки разбил стекло в магазине, ну его и отправили в милицию. Теперь маму туда вызывают. А я не хочу ей говорить. Тётя Клава с мужем в отпуске, в Крыму сейчас. Я пошла к отцу, а жена его, Дарья Ивановна, меня не пустила... Я — на стройку к отцу, дождалась, пока смена его кончилась. А он мне говорит: «Что тебе надо, сказала же Дарья, чтобы вы ко мне не липли...»

— Вот человек — беда! — не выдержал я, а у Ксени лицо сразу стало жалким, и она тихо:

— Не надо отца ругать. Добрый он, но не может он против Дарьи Ивановны идти. А она злая, нас ненавидит...

И девочка заплакала.

— Ну-ну, что ты, зачем плакать? Ты бодрись, одна ты опора у матери,— ласково сказал я ей.— Чем я-то помочь могу?

— А если вам в милицию пойти? Скажете — дядя его или что шефство над ним взяли?

Её большие выразительные глаза с мольбой смотрели на меня,

— Ладно,— соглашаюсь я.— Да в какую милицию я должен идти?

— А я за вами приду,— радостно говорит Ксения,— сама вас поведу.

— Хорошо, завтра приходи на стройку к часу, как раз будет у нас обеденный перерыв, мы и пойдём. А теперь расскажи, как сама-то живёшь?

И сразу лицо у Ксени изменилось, всё засветилось, стало радостным, она стала рассказывать о себе, а я смотрел на неё и восхищался этой хрупкой девочкой, её одухотворённой красотой. Каждая чёрточка её лица отражала богатый внутренний мир.

— А учишься ты как?

— Хорошо, дядя Коля. Кончила с одними пятёрками, ни троек, ни четвёрок ни одной.

— В какой класс перешла?

— В девятый.

— На кого хочешь учиться дальше? Что тебе нравится?

— Хочу быть врачом. Людей лечить, приносить им счастье, где трудно, но где сильные, гордые люди, быть с ними, быть им нужной...

Зазвонил телефон. Меня вызывали в управление. Мы попрощались с Ксюшей, и я зашагал к начальству.

В управлении меня предупредили, что 13 июля 1970 года состоится совместное заседание коллегии Главмосстроя и президиума городского комитета профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов, посвящённое теме «Об инициативе бригады Н. А. Злобина из СУ-111 управления «Зеленоградстрой» — переход на новый метод

хозяйственного расчёта — бригадный подряд», и что мне нужно выступить на этом заседании и рассказать о работе бригады и своих соображениях насчёт бригадного подряда.

На следующий день ещё и часу не было, как пришла Ксюша. Она ждала меня у бытовки. Я быстро переоделся и поехал с ней в милицию. Там мы разговаривали с начальником детской комнаты. Мне очень понравилась эта женщина, лейтенант милиции, лет тридцати, с добрыми глазами и решительным голосом. Я сообщил ей подробно всё, что знал об отце Пети — Фёдоре Матвееве, о Вале и её двух детях. Сказал, что Петя мне нравится, что при правильном воспитании из него может вырасти прекрасный человек — сильный, прямой, умеющий отстаивать правду.

Женщина — лейтенант милиции отвечает нам с Ксюшей:

— Не переживайте, пожалуйста, здесь сидят не враги, а друзья этого мальчика, а он требует к себе самого серьёзного внимания.— Обращаясь ко мне, она спросила: — А вы действительно взяли над ним шефство?

— Нет, шефство я не брал, загружен по горло, но, пожалуй, сделать это надо.

— Нужно, очень нужно,— твёрдо сказала наша собеседница.

Так у меня появился новый подшефный.

В понедельник, 13 июля, я всё же с утра забежал на стройку, обговорил со звеньевыми дневной план работы и поехал на заседание.

Народа собралось много. Люди все солидные, самостоятельные. С подробным сообщением о нашем эксперименте выступил Дементьев. Говорил он веско, уверенно, и с каждым его словом я чувствовал, как уходили моя робость и скованность.

Когда Дементьев окончил своё выступление, слово дали мне.

Я старался рассказать о своих наблюдениях и выводах за шесть месяцев работы по бригадному подряду:

— Работа по-новому предъявляет к людям повышенные требования. Недоучек, болтунов, лодырей бригадный подряд не терпит. Он признаёт только тех, кто хорошо знает дело, кто инициативен, изобретателен, бережлив. Ведь теперь как: провинишься — подведёшь всех, подвёл бригаду — подвёл себя. Бригадный подряд не просто требует с людей — он формирует их. Сейчас я своих людей просто не узнаю: бережливое, хозяйское отношение к материалам — кирпичу, раствору, деталям — стало как бы второй натурой. Складываются и новые взаимоотношения между строителями. Работать друг с другом стало проще, надёжнее. Раскрываются лучшие свойства характера. Не рубль, а общий труд, общая цель сплачивает.

Ещё я хочу подчеркнуть тот факт, что наша бригада создавалась без преднамеренного желания превратить её в образцово-показательную. Не было никакого конкурсного отбора. Народ подобрался пёстрый и по возрасту, и по характеру. Не набирали в неё асов, а теперь у нас каждый поднял свой разряд, скоро все будут асами.

Теперь о рубле. Конечно, материальные стимулы играют большую роль в бригадном подряде. Не открою большого секрета, если скажу, что деньги пока ещё много значат в нашей жизни. И хорошо зарабатывать лучше, чем зарабатывать плохо. Понятно, что каждый рабочий стремится к тому, чтобы заработная плата соответствовала его реальному вкладу в строительство. Но лично я, да и, уверен, никто в нашей бригаде не относится к деньгам как к самоцели. Сознательность — она и в том, чтобы получать рубли с чистой совестью. В том, чтобы ничего не «мазал» тебе прораб, чтобы запретить себе раз и навсегда получать деньги за плохо выполненную работу. Мы хотим не «получать», а именно зарабатывать. Такое положение как раз и обеспечивает бригадный подряд. И государству бригадный подряд даёт огромные выгоды: большую экономию средств, материалов и, наконец, времени.

Но вернёмся к заседанию. После выступлений и длительного

обсуждения было принято развёрнутое решение, в котором одобрялась инициатива нашей комплексной бригады, применившей в виде опыта полный хозяйственный расчёт, отмечалась организаторская работа «Зеленоградстроя» и было принято решение о широкой пропаганде бригадного подряда.

...Почти весь день пробыл у нас бригадир из СУ-63 треста «Строитель» Тадеуш Иосифович Новик. Долго ходил он по этажам, присматривался к работе, задавал рабочим вопросы. Заинтересовался нашим вторым автокраном, ни одна мелочь не ускользнула от его глаз. Сразу было видно, что он опытный строитель.

— Вот о чём я думаю, Николай Анатольевич, вряд ли этот опыт удастся на блочных домах. У вас тут вот усовершенствование есть — и кирпич вы подаёте теперь сразу четыре поддона, и раствор, и то, и другое, а на блочных что ускоришь? — спросил Новик и развёл руками. — Всё мне у вас понравилось, да не строим мы кирпичные дома, блочные только.

— А я думаю,— отвечаю я гостю,— что бригадный подряд нужен и хорош для любой стройки — кирпичной, блочной, крупноблочной, промышленной... Для любой — только надо его разработать применительно к её особенностям.

После нашей беседы я весь вечер думал о применении бригадного подряда в строительстве блочных домов и твёрдо уверился, что и там он будет очень хорош. Эти свои мысли о том, что бригадный подряд годится для любой стройки, я развил перед новым нашим гостем — Анатолием Ивановичем Щетининым, бригадиром из СУ-103 треста «Мособлстрой» № 17. Он никогда не строил жилые дома, но наш опыт его очень заинтересовал, и он крепко задумался над тем, не использовать ли его в блочном строительстве.

Я ему очень это посоветовал и сказал, что всегда буду рад помочь, если понадобится.

Как-то мы разговорились с Кузнецовым, бригадиром бригады, которая строила рядом с нами такой же, как и мы, четырнадцатизэтажный кирпичный дом.

Он мне говорит:

— Что это за эксперимент, ежели вы работаете в других условиях, чем мы. Вам всё дают, а мы простаиваем.

— А мы ничего не получаем, что не положено,— отвечаю ему.— Всё по закону и по правилу, как должно быть при нормальном планировании, финансировании и снабжении. Вот наш эксперимент и покажет, что можем мы дать, строители, если нас обеспечат всем, что положено, и обеспечат в срок — минута в минуту. Привыкли хвалить тех, кто чего-то добивается в том беспорядке, который царит в строительстве, а мы хотим показать, чего можно добиться при полном, надлежащем строгом порядке. Вот так.

Кузнецов улыбнулся, сказал:

— Успеха вам. Я бы не отказался от такого эксперимента.

Корреспонденты газет, журналов, радио, телевидения стали у нас частыми гостями.

Одна за другой стали появляться в центральной прессе статьи о нашем бригадном подряде: «Новый экономический эксперимент», «Бригадир — хозяин стройки», «На полном хозяйственном расчёте» и другие.

Мы воздвигали уже четырнадцатый этаж. Субподрядчики планомерно шли за нами. Лифт прибыл.

Мой распорядок дня был прежний: вместе с прорабами обход стройки, пятиминутка, уточнение плана на день и т. д. Потом я поднимался на последний этаж, обходил все рабочие места, разговаривал с товарищами, спрашивал, есть ли неполадки, управляются ли с заданием, и так спускался вниз этаж за этажом, осматривал работу субподрядчиков, уточнял, в чём у них нужда, не отстают ли от заданий, и шёл в бытовку, связывался по телефону с заводами и «выколачивал» материалы, которые нам не доставили.

Закончив все эти дела, шёл на стройку работать. Работал

я там, где были «узкие места», где нужна была добавочная сила. Владею я многими специальностями, так что мог помочь любому.

Я поднимаюсь на самый верх, где идут основные каменные работы, и с каменщиками начинаю кладку. Вдруг кто-то окликает меня, оборачиваюсь и вижу — идёт мне навстречу Борис Щеглов, а с ним какой-то незнакомый высокий худощавый парень.

Борис бросился ко мне, крепко обнял за плечи.

— Знакомьтесь, Николай Анатольевич, мой лучший звеньевой Дмитрий Иванович Коновод — Митя.

Митя протянул огромную руку и крепко пожал мою.

— Как дела? — спрашиваю Бориса.— Ты с чем ко мне?

— Видели мы по телевизору вас, газеты читали, и думали мы о бригадном подряде. А что, ежели и нам перейти на него? Вся бригада наша заинтересовалась. Ну и решили с Митей к вам подъехать, да на месте всё посмотреть, да расспросить и, ежели что, просить в нашем управлении, чтобы перевели нас на бригадный подряд. Думаем так: не боги горшки обжигают, у одних получается, почему у других не получится?!

Втроём — Борис, Митя и я — мы пошли на стройку, не торопясь, поднимались с этажа на этаж, и я подробно рассказывал им о нашей работе. А потом я работал, а Борис и Митя ходили по стройке.

После окончания смены мы пошли ко мне домой. Тамара нас угостила сытным обедом, а потом я с карандашом в руке объяснял им сущность нашего бригадного подряда. Бориса больше всего восхищала экономия, он то и дело повторял:

— Николай Анатольевич, да это же государственное дело! Ежели всё строительство перевести на бригадный подряд, это же миллионы экономии! Да нет, какие там миллионы — миллиарды рублей, а материалы? Одних стёкол сколько сэкономим, раствора, гвоздей, да разве всё перечтёшь?

Я совершенно был с ним согласен и продолжал дальше рассказывать о нашей работе.

— И ежели сокращать сроки строительства на каждом доме по сорок-шестьдесят дней, мы вдвое больше будем строить! Это же грандиозно! — кричал Борис.

Возбуждён был и Митя, его лицо покрылось испариной, он вертел в своих огромных руках какой-то листочек и всё повторял:

— Нормально!.. Нормально!

Мы просидели часов до одиннадцати, на прощание я дал им с собой копию нашего договора с управлением. Осторожно, как большую драгоценность, Борис спрятал его к себе во внутренний карман пиджака.

К нам на корпус шли и шли представители различных строек, осматривали этажи, разговаривали с рабочими, со смежниками, отбирали у меня все обеденные перерывы — приходилось подробно рассказывать о нашем бригадном подряде. Вот тут мы сполна и поняли, что значат газеты и телевидение. Грандиозная популярность!

К этому присоединилось ещё одно новое чувство — мы подходили к финишу. Успех был налицо, строительство корпуса за 155 дней стало осязаемо, и каждый из нас страшно боялся, что вдруг что-нибудь да задержит нас. С особым, обострённым чувством каждая смена смотрела — обеспечена ли она материалами, как работает кран, как субподрядчики — не подведут ли? Теперь стало привычным, что рабочие забегали на этажи, придирчиво смотрели, нет ли каких изъянов в готовых уже квартирах. Строго, придирчиво следили за экономией, чтобы и гвоздя лишнего не истратили. Я же как бригадир, принимая материал по накладным, не брал ничего лишнего, отсылал обратно.

Все в бригаде зорко следили, чтобы не было никакой лишней траты. Высвободился у нас компрессор, я тут же позвонил по телефону, чтобы его вывезли от нас. Обещали прислать за ним к обеду.

Только дозвонился, смотрю — входит в бытовку наш профгруппорг И. Прокопенко.

— Николай Анатольевич,— обращается он ко мне,— компрессор-то высвободился, вывезти бы его — чего лишние деньги платить за него?

— Договорился уже, заберут сегодня,— отвечаю.

К обеду не вывезли, и вот тут со всех сторон посыпались мне вопросы от рабочих:

— Николай Анатольевич, что это за компрессором не едут — мы же платим за него?!

Вновь звоню, требую — видать, не привыкли вывозить механизмы по первому требованию, так они и простаивают на стройках без дела. Да и мы раньше, до бригадного подряда, спокойно проходили мимо высвободившейся техники и не торопились от неё освободиться. Так и удорожалось строительство. К вечеру компрессор вывезли, а рабочие ещё долго ворчали: мол, целый день зря простоял компрессор, а это — деньги.

Подходил срок сдачи объекта. Остались только мелкие работы по подводке и подчистке. Механизаторы уже демонтировали башенный кран и вместе с подкрановыми путями вывезли его со стройки.

Минуло 155 дней. Корпус № 915 был готов для сдачи. Мы закончили строительство на 80 дней раньше нормативного срока.

Утром 30 сентября Государственная комиссия начала приёмку корпуса. Состав комиссии был необычен — кроме постоянных представителей, теперь в неё входили начальник ЖЭКа № 5 Р. В. Волков, главный инженер конторы Н. А. Ицук, техник-смотритель Г. С. Гура. Но, кроме них, официально вошедших в Госкомиссию, на приёмку пришли почти все работники ЖЭКа. Р. В. Волков возглавлял группу, которая осматривала подвал и первые семь этажей.

Во время работы Госкомиссии никто из нашей бригады не ушёл домой, а ведь закончила она работу только к десяти часам вечера. Почти никто и обедать не ходил, Зоя

Щербакова сбегала в булочную и молочную, накупила для всех хлеба и кефира. И все, не отходя от корпуса, закусили этим. Я так волновался, что еда совсем не шла, под напором Зои насильно выпил бутылку кефира. Волновались все, но старались держаться спокойно, подбадривая друг друга. Саша Дроздов то и дело повторял:

— Нормально! Всё пройдет нормально!

Оставил я товарищей и вместе со звеньевыми пошел за членами Госкомиссии. Нам это полагалось. Мы внимательно прислушивались к их замечаниям, которые записывались на листке.

Особо строгими были представители ЖЭКа. Они придирчиво, скрупулёзно осматривали и ощупывали всё друг за другом, постукивали деревянными рейками, металлическими шариками, проверяли паркетный пол — ровно ли он настлан.

Слышим замечание:

— Необходимо отрубить пятисантиметровый стержень арматуры под плинтусом в комнате налево.

Афонин тихо спрашивает меня:

— Отрубить? Мы мигом. Дело-то минутное.

— Давай! — так же тихо отвечаю ему.

Афонин тут же исчезает.

Мы слышим:

— Розетки разные, не по проекту. Заменить штепсельную розетку.

Тут Семенов шепчет:

— Розетки есть. Заменить? Дело-то одрой секунды. Ребятам только сказать.

Я согласно киваю головой, и Семенов спешит к ребятам.

Вскоре оба они, Афонин и Семенов, возвращаются.

— Ну что? — спрашиваю их.

— Всё в порядке. Ребята мигом сделали.

Сообщаем об этом комиссии. Один из них проверил и сообщил — «Всё в порядке». Эти замечания вычеркнули.

Вдруг слышим:

— Шпингалет кривой — заменить.

Михаил Семенов шепчет:

— Тыщу раз обходили квартиры, а эту сволочь не видели!

Я думаю то же самое: не увидели! Обидно. Примелькалось, вот и пропустили.

Но что это? Замечания более серьёзные: переклеить два полотна обоев в одной квартире, в другой — три полотна. А вот ещё неприятность: перестелить десять квадратных метров паркета, не совсем ровен.

Афонин шепчет:

— Ерунда, в один день всё это перестелим.

А я ворчу:

— Всё же заметить мы должны были.

Но тут Семенов меня подбадривает:

— Да что ты, Николай Анатольевич, это же чепуха! Скажи пожалуйста, во всём четырнадцатизэтажном доме перестлать десять квадратных метров, это же капля!

— Капля,— отвечаю,— да горькая!

— Перекрасить оконные проёмы в шестидесятой квартире.

— Ну что ж, и перекрасим, велика беда! — шепчет Афонин.

— Заменить в четырёх квартирах уплотнительные шнуры оконных и дверных блоков.

Обычно акты государственных комиссий сопровождаются списком нбдоделок, он, как правило, бывает довольно большой, у нас же он занял всего две рукописные странички, и не было ни одного серьёзного замечания.

Все с трепетом ждали решения.

В пять часов вечера на втором этаже началось заседание комиссии. Я же со звеньевыми, партгрупоргом и профоргом ждали в коридоре. Здесь прекрасно было слышно, что говорили члены Государственной комиссии. Мы слушали буквально затаив дыхание. От волнения мне было

трудно дышать, вроде одышка началась, и сердце колотилось, как никогда, а оно у меня здоровое. Думаю, что товарищи мои ощущали что-то похожее.

И здесь мне хочется особо подчеркнуть — в эти напряжённые часы никто в бригаде не думал о деньгах, о премии, мы волновались за эксперимент, за бригадный подряд. Ребята были на первом этаже, на второй не поднимались, чтобы не мешать своими разговорами.

Слышим, как один из членов комиссии перечисляет все недоделки, второй говорит:

— Часть из этих недоделок они уже исправили, я сам проверил.

— Сколько же им понадобится на доработку?

И председатель комиссии отвечает:

— Думаю, двух дней им с лихвой хватит.

И тут послышалось предложение оценить нашу работу на «хорошо».

— Правильно. На «хорошо»,— поддержали другие.

— Проголосуем... Так, единогласно, пишем в протокол — принять корпус № 915 с оценкой «хорошо».

Афонин крепко сжимает мне плечи, Семеньков громко вздыхает и с хрипотцой — от волнения у него голос пропал — говорит:

— Ох, братцы, гора с плеч! Вот он, бригадный подряд — и быстро, и хорошо! Доказали! Теперь герои.

Каким образом ребята узнали, что оценка уже дана, не знаю, только коридор наполнился нашими строителями, и со всех сторон нас теребят, спрашивают:

— Правда, «хорошо»?

— А это точно?

— Ну, ребята — праздник!

— Наша взяла!

— С победой!

— Доказали своё!

Но что такое? Заседание продолжалось. Мы все затихли, забеспокоились. Послышался густой недовольный бас:

— Я не вижу оснований затягивать срок подписания акта. Мне представляется всё очень ясно: два рабочих дня мы отводим на устранение недоделок — вы же сами видите, они незначительны, один день пойдёт на проверку выполнений наших предписаний строителям, два выходных мы даём новосёлам на подготовку к переезду. Таким образом, мы вполне можем установить срок заселения 5—6 октября.

Кто-то поддержал говорившего:

— Совершенно верно, расчёт точный.

Но тут же резко заговорил начальник ЖЭКа Волков:

— Я никак не могу с этим согласиться. Зачем мы будем вселять народ в квартиры, в которых есть недоделки? За два дня их не исправят...

— Вот чёрт, что несёт! — выругался кто-то сзади меня.

Афонин предложил:

— Николай Анатольевич, войди, ответь ты этому...

Он сдержался, не договорил.

А Волков продолжал:

— Ведь новосёлу нет никакого дела до ихнего эксперимента, ему подавай полностью отделанную квартиру, он осмотрит все уголки, закоулочки, чтобы всё на пять. А как же? Он, может, годами ждал эту квартиру, так вот ему и хочется, чтобы всё было без сучка, без задоринки.

Его поддержал представитель Зеленоградского исполкома:

— Я согласен с Волковым: зачем нам торопиться в ущерб новосёлу? Не вижу оснований. Два дня на недоделки — мало. Подпишем акт, строители и в сторонку. Спустя рукава, не торопясь будут здесь копать два-три человека. Верно?

Волков тут же:

— Конечно, верно. Срок необходимо продлить.

— Нет, нет, я категорически не согласен, дом фактически готов, не нужно искусственно задерживать заселение,— энергично запротестовал кто-то.

Спор затягивался, обострялся.

— Я категорически настаиваю на том,— говорил представитель райисполкома,— чтобы отложить на неделю подписание актов и передачу ключей от квартир. За два дня ни в коем случае не будут ликвидированы недоделки,

Афонин шепчет мне в самое ухо:

— Николай Анатольевич, да скажи ты им.

Я шагнул вперёд, остановился в дверях, прислонился к косяку, извинился, что вмешиваюсь в разговор, и спросил:

— Почему вы так уверены, что нам не хватит двух дней?

Мне никто не ответил. И тут Афонин, чуть выдвинувшись вперёд, сказал негромко, но так, что все услышали:

— Четырнадцатизэтажный дом построили всего за 155 дней, а с ерундовскими доделками в два дня не управимся? Да нам день с лихвой хватит! Чего говорить!

Его слова прозвучали так убедительно, что председатель Госкомиссии довольно сурово попросил Волкова и представителя райисполкома конкретно сказать, почему всё-таки они настаивают на том, чтобы отложить подписание акта и передачу ключей.

И вот тут-то выяснилась истинная причина этого требования. Представитель исполкома вроде как с обидой в голосе сказал:

— И нам, исполкому, и ЖЭКу № 5 необходимо время на вступление во владение новым корпусом. Вполне это понятно.

— Понятно,— с еле заметной усмешкой говорит председатель Госкомиссии,— привыкли мы к тому, что от приёмки объекта Госкомиссией до сдачи в эксплуатацию проходит два-три месяца.

Волков оживился:

— Вот именно, совершенно верно — мы не готовы сейчас принять ключи от квартир.

Его поддержал председатель райсовета:

— Ещё нам надо уточнить списки тех, кто получит квартиры в новом корпусе.

Мы все облегчённо вздохнули. Значит, дело не в нас, не в нашей работе, не в тех незначительных недоделках, которые отмечены в акте.

Наконец, все пришли к единому решению. Акт о приёмке корпуса № 915 с оценкой «хорошо» был подписан, с оговоркой, что заселение дома откладывается до 10 октября (но ни днём позже).

Весь коридор был заполнен нашей бригадой, мы жали друг другу руки, поздравляли с победой, громко смеялись, что-то говорили. Гомон стоял ужасный. С победой нас поздравили все члены Госкомиссии.

Я был счастлив — эксперимент больше чем удался, он показал, какие огромные перспективы открываются перед нами, строителями.

Вскоре мы официально отпраздновали свою победу. В честь удачного окончания эксперимента 22 октября в конференц-зале «Зеленоградстроя» состоялось торжественное собрание зеленоградского актива и передовых строителей, на которое была приглашена вся наша бригада.

Началось собрание. В президиуме сидели представители ЦК КПСС, ВЦСПС, Зеленоградского горисполкома, горкома профсоюза, Зеленоградского горкома КПСС и другие почётные гости.

Первым выступил Сергей Тимофеевич Дементьев. Доклад его был небольшим, но в нём он показал самую сущность бригадного подряда. Он говорил:

— Лучше всего об успехах бригады, построившей 915-й корпус по бригадному подряду, скажут цифры. Я их назову: бригада сэкономила материалов на сумму 1179 рублей, электроэнергии — на сумму 2820 рублей, правильное использование механизмов дало 1569 рублей экономии, накладные расходы уменьшены на 5480 рублей, в договоре и социалистических обязательствах предусматривался рост производительности труда на 25 процентов, фактически же

она выросла на 36 процентов, корпус построен на 80 дней раньше нормативного срока...

После его выступления слово предоставили мне. Последнее время мне приходилось много говорить о бригадном методе, о моих товарищах, обо всём этом я теперь мог рассказывать с закрытыми глазами и всё равно, идя на трибуну, волновался. Мне кажется, никогда нельзя привыкнуть к выступлениям перед публикой.

Меня встретили аплодисментами, и это ещё больше смутило. Встал на трибуну, посмотрел в зал, вижу Афонина — и такое у него было восторженное лицо и так по-доброму, доверчиво смотрел он на меня, что я смело начал говорить. Рассказал о том, как мы строили, о наших рацпредложениях.

И вот на трибуне председатель горисполкома Л. Н. Ливинцев. Он поздравляет с победой всю бригаду и вдруг говорит:

— За умелое руководство бригадой, утверждение бригадного подряда и активную пропаганду его горисполком поручил мне вручить Злобину Николаю Анатольевичу ордер на четырёхкомнатную квартиру.

Для меня это было совершенно неожиданно, я просто растерялся, а ребята наши аплодируют вместе со всеми и подбадривают меня:

- Правильно, Николай Анатольевич, бери ордер!
- Новоселье устраивай!

Взял я ордер и от растерянности даже не нашёлся, что сказать, только и вымолвил:

- Большое спасибо!

После Ливинцева опять выступил Дементьев и вручил нашей бригаде как победительнице соцсоревнования переходящее Красное знамя управления. Потом Дементьев как-то многозначительно помолчал и говорит:

— Разрешите, товарищи, вручить каждому члену бригады заработанные им денежные премии.

И вот друг за другом подходят товарищи из нашей

бригады, и Дементьев, крепко пожав им руки, вручает конверты с деньгами. Премии были большие: от 362 до 495 рублей. Каждый получил по своему труду. Ребята были довольны и взволнованы.

Так закончился наш эксперимент. И теперь бригадный подряд стал уже не экспериментом, а определённой формой трудовой деятельности...

Этот период времени незабываем для меня. Но есть в нём одно событие, которое является важнейшим в моей жизни: в июне 1971 года я был принят в члены КПСС.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Было восемь часов вечера, когда я, промёрзший и сильно уставший, пришёл домой. Там меня ждали гости.

На диване, развалясь, сидел громоздкий Фёдор, на мягком кресле — разодетая и расфуфыренная его жена Дарья Ивановна. У меня сразу мысли о Петьке Матвееве. Поди, опять набедокурил.

Фёдора я не любил, жена его совсем не нравилась, но что сделаешь — гости. Улыбнулся им фальшиво, сел в кресло в стороночку от Фёдора, смотрю на него, жду, что он скажет.

Гость не стеснялся. Да, по-моему, он нигде, никогда не стеснялся. И тут он сразу заговорил, и тон его был хозяйский, требовательный:

— Читали мы в газетах про твои дела. Здорово ты поднялся. Смотри-ка, фигурой стал, так сказать, знаменитость. А кто бы мог подумать? Роста небольшого, неказистый, не горластый, так — обычный, незаметный, а поди ж ты, вона кем стал. Ну да ладно, это так, между прочим. Прочитал я в газете «Знамя строителя» о торжественном собрании в «Зеленоградстрое». Да, отгрохали тебе четырёхкомнатную квартиру, как генералу какому-то. Но это между прочим. А ты вот скажи, у вас действительно рабочие сверх всего получили премии по 362 рубля, а кто и по 495? Верно?

— Верно.

— А ты как бригадир, поди, все 495 рублей получил?

— Да, заработал 495 рублей.

— Это точно, что сверх всего?

— Точно.

— Скажи пожалуйста! — удивился Фёдор и переглянулся со своей женой.— Ты мне вот что растолкуй,— продолжал он,— стоит ли, нет переходить на бригадный подряд?

— Стоит.

— А хлопот много? Ты мне по правде, по-дружески ответь: хлопот много или всё на блюдечке дают — «пожалуйста», мол, Николай Анатольевич, получай кирпич, получай раствор, то, другое, что ещё изволите?

— Нет, не так,— сухо отвечаю я Фёдору.— Работы много, много хлопот и большая материальная ответственность, ведь в наше полное распоряжение было дано 408 тысяч рублей. Ладно, мы сэкономили из них более 20 тысяч, а если бы перерасходовали? Понимаешь?

Лицо у Фёдора вытянулось, глаза округлились.

— Вот то-то и оно, материальная ответственность,— протянул он.

— А что, твою бригаду хотят перевести на бригадный подряд?

— Да вроде. Как-то начальник участка спросил меня: «Ну как, бригадир, нравится тебе бригадный подряд?» А я ему: «Шут его знает». А он мне: «Вот то-то и оно, что шут его знает». Бригада у меня отменная, ребята подобрались один к одному. Скажу тебе правду,— он хитро подмигнул мне,— и работаем неплохо, и шабашничаем неплохо. Зарабатываем — будь здоров! И прораб у нас подходящий. Если простаиваем, то мы на бумаге землю роём, трубы прокладываем, канавы засыпаем, в общем, неплохо зарабатываем, умеет он хитро «мазать» и с бригадой дружно живёт, ну и себя не забывает. Мы ему...

Тут Дарья Ивановна одёрнула слишком разговорившегося мужа:

— Фёдор, чего мелешь, опомнись!

— А я что? — усмехнулся тот.— Просто говорю: живём — не тужим.

— Если вы так хорошо живёте, зачем же вам переходить

на бригадный подряд? — спрашиваю я его.— Тут уж «мазать» не придётся, а придётся работать, да за всё отвечать, даже за работу субподрядчиков тоже ответ нести.

— Вот я тоже думаю: и зачем нам хомут на шею надевать? Да в управлении говорят, мол, и нам нужно бы занять одну-две бригады, работающие по бригадному подряду,— поддержать инициативу, чтоб, значит, в отстающих не числиться. Стали думать, кого послать к вам, познакомиться с вашей работой, опыта поднабраться. А тут я им подвернулся. Бригада-то у меня и впрямь неплохая, всяк знает, из любого положения я вывернусь. Вот и предложили мне поехать к тебе, узнать, что к чему.

Большие красивые глаза Фёдора заблестели азартом, удалью, но скоро потухли, губы презрительно скривились:

— Субподрядчиков тебе на шею повесят: мужики у них пьют, бабы все без исключения шабашничают — знаю я их. Ты наплакался с ними?

— Нет. Дружили. Работали хорошо.

— Да врешь, поди! Это чтоб субподрядчики, да работали хорошо? Чего-то мне не верится.

Фёдор долго ещё прикидывал все выгоды и невыгоды бригадного подряда, а у Дарьи Ивановны стали слипаться глаза, видать, не интересовал её наш разговор, и она стала тянуть мужа домой. В начале двенадцатого гости, наконец, ушли.

— Бестолковый разговор,— огорчённо говорю я жене,— время только зря потратили, да и устал. Никогда Фёдор не возьмётся за подряд. Шкура! О своей выгоде только и печётся. Шабашничает да вместе с прорабом «мажут» — загибают неплохо. Зачем им подряд?

Я оказался прав, Фёдор на бригадный подряд не пошёл. Мы встретились с ним у Матвеевых месяца четыре спустя. Нас пригласили в гости на день рождения Пети. И хотя я был занят сверх головы, но отказаться от приглашения значило нанести смертельную обиду. Да и Петька был моим подшефным.

Конечно, осуществлять это шефство было крайне трудно, особенно на немалом расстоянии. Всё же я был за это время раза два у мальчика в школе, несколько раз Пётр был у нас в Зеленограде, и я вёл с ним всякие разговоры, конечно, в дружеском и доверительном тоне. Был и я у них в гостях. Парень явно тянулся к нам, ему очень нравилось слушать о стройке, я даже как-то водил его на наш новый корпус.

Учиться он ленился, четвёрки были редкими гостями у него, в основном тройки, встречались и двойки.

— А я не люблю учиться. Я буду, как вы, дома строить.

— Ты думаешь, если дома строить, то и учиться не надо?

— А что, разве надо? Кирпичи-то класть — раз-два, да и выучился.

— Нет, дружочек мой, это неверно. Мне вон сколько лет, много ведь?

А вот учусь в строительном техникуме. В своё время обстоятельства были такие — не мог учиться, а очень хотел. Теперь вот работаю и учусь. Без знаний нынче хорошо не построишь.

— Я хотел строить, как вы, а в техникуме я не смогу, не пойду.

— А ты нос не вешай, закончи прилично восьмой класс и иди в строительное ПТУ. Окончишь его, я тебя к себе возьму.

Петька аж подпрыгнул от восторга:

— Честное слово?

— Честное слово, только чтобы двоек у тебя больше не было. А то мои ребята в бригаде узнают, что ты в школе на двойки учился, не захотят тебя в бригаду взять, скажут — он работать не умеет, лентяй.

— Дядя Коля, честное слово буду стараться, чтобы двоек не было.

Как-то в воскресенье приезжает он ко мне с дневником и показывает:

— Дядя Коля, смотрите, все двойки исправил, а тут вот

по химии двойка была, в среду схватил, так в пятницу упросил учительницу меня вызвать — и тройку получил. Сказала: «Четвёрку бы поставила, да после двойки не могу». Вот! Всё исправил!

Так стал я периодически просматривать его дневник. Теперь двойки встречались редко, иногда появлялись четвёрки, больше по математике, видать, Ксения ему помогала.

Петру действительно полюбились строительное дело. Когда он бывал у нас на стройке, то просто преображался, с огромным интересом смотрел, как работали ребята. Я видел, у него просто руки чесались схватить кирпич и самому повести кладку.

Так вот, приехали мы к нему на день рождения, привёз я ему в подарок книгу про строителей и рубашку новую. А Петьки дома не оказалось.

— Да где же он? — удивились мы с женой.

Валентина смутилась и тут же, оправдываясь, сказала:

— Пришли его три закадычных друга, о чём-то пошептались. Пётр и говорит: «Мам, мы скоро придём». — «Да куда же ты?» — спрашиваю его, а он мне весело так: «Мы чудо одно покажем. Ежели поймаем, то притащим, а ежели нет — сами придём». И убежали. Поди, уже часа три прошло.

— А что за чудо? — спрашивает Тамара.

— Не знаю. Не сказал. Он на выдумки быстр. Что-то придумал.

В кухне суетились Ксения с двумя своими подружками, и Тамара ушла туда с Валею готовить стол.

Посидел я на стареньком диванчике, вроде стало скучно, подошёл к ветхому маленькому письменному столику (чей-то подарок Ксении), около него такая же старенькая этажерка с книгами. Это уголок Ксении. Пете запрещено здесь что-либо брать, и в этом он послушен. Любит свою сестру.

На столе открытый томик стихов. Посмотрел и сразу заинтересовался:

А ты думал: я тоже такая.
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня...

Прочёл это стихотворение до конца, вижу — закладочка здесь лежит и маленький листочек, на нём написано: «Как хорошо! Достоинство, достоинство, достоинство!»

Посмотрел, чьи же это стихи: Анны Ахматовой. По правде сказать, я такой поэтессы не знал, стал читать её стихи, в это время вошла Ксения.

— Вы Ахматову читаете? — с одобрением спросила меня.— Это моя любимая поэтесса. Тут такие стихи! Я люблю поэзию, и то, что мне очень понравится, я переписываю в общую тетрадь. У меня уже много там есть стихов. И Ахматова переписана, и Александр Блок.

Я не узнавал Ксении, она была другой, незнакомой мне, далёкой и загадочной. Несколько минут она молчала, молчал и я, ошеломлённый и её чтением, и самим стихотворением. Наконец, Ксения глухо сказала:

— Люблю, страшно люблю Грина, его «Алые паруса»! Дядя Коля, как, должно быть, хорошо осуществлять чужие мечты. Я люблю мечтать. Если бы был волшебник, который, как этот Грэй, вдруг осуществил бы мои мечты!

В это время Ксению позвали на кухню, а я, держа в руках книгу Грина, раскрыл её и в уголке на первой странице прочёл: «Библиотека К. Матвеевой». И такой на меня повеяло наивностью, простотой, чистотой. И так мне стало жалко Ксюшу — видать, мечтает она иметь свою библиотеку, но я-то знаю, с каким трудом сводят они концы с концами.

В это время в коридоре послышался голос Петьки:

— А вот наше чудо! Нашли, притащили!

— Какое ещё там чудо? — говорит Клава, идёт в коридор,

и тут же слышится её восклицание: — О-о-о, кого я вижу, своей персоной Фёдор!

И в комнату в сопровождении мальчишек ввалился Фёдор. Вид у него был сконфуженный. Тут же прибежали Валентина и Ксения.

— Да вот сорванцы поймали меня на улице и притащили. Разве от них отделаешься? Такой шум подняли, срамотища одна, ну и втащили меня в метро.

Вскоре мы все сидели за столом, и Фёдор, который был уже под хмельком (видать, ещё дома выпил), развязно разглагольствовал:

— Мы, Николай Анатольевич, ярмо надеть на шею не захотели и послали твой бригадный подряд туда, куда Макар телят не гоняет. И в управлении решили, что без него спокойнее. Как строили испокон веков, так и будем строить. И Петька станет строителем, а? Дело хорошее. Как твой отец, верно?

— Не,— ответил Петька,— я буду, как дядя Коля, по бригадному подряду.

— Ишь ты,— удивился Фёдор,— какой! Ну смотри, без штанов останешься.

И Фёдор заторопился домой.

Когда мы заканчивали строительство 915-го корпуса, за нами уже был закреплён новый объект. Это был 908-й корпус, расположенный метрах в трёхстах от прежнего. Он полностью был схож с нашим, такой же четырнадцатизэтажный, кирпичный.

Дела у нас на новом корпусе шли хорошо. Бригада стала ещё более сплочённой, дружной, работала с большой охотой. Темп мы взяли высокий, производительность труда выше, чем на 915-м.

Время было предсъездовское. Вся страна шла навстречу XXIV съезду КПСС. Уже вошло в традицию каждому партийному съезду готовить трудовые подарки. Строители,

как и весь советский народ, брали в честь съезда высокие обязательства,

У нас в бригаде мы тоже думали о своём трудовом подарке партийному съезду. Вместе с нашим партгруппоргом, плотником Николаем Кирилловым и звеньевыми Непийводой, Семеньковым и Афониным осмотрели площадку будущей стройки. Не очень-то радостная картина встретила здесь нас. Подготовительные и подземные работы почти были и не начаты.

Вот тут мы и задумались. Партгруппорг внёс предложение:

— Давайте сами возьмёмся за «нулевые работы». Это будет быстрее. Сделаем хорошие дороги, подготовим траншеи для коммуникаций. Дело у нас пойдёт. За пять месяцев построим корпус. Опыт у нас уже есть.

Наше предложение мы вынесли потом на общее собрание бригады.

Выступило несколько человек, и единогласно — если не считать Якова Мухина, который что-то ворчал и руки не поднял,— приняли решение взять соцобязательство; сдать 908-й корпус «под ключ» с оценкой «хорошо» к XXIV съезду партии.

По мере освобождения людей на 915-м корпусе они начинали работу на 908-м, делали дороги, рыли траншеи.

В первый месяц работы на прежнем корпусе мы сложили два с половиной этажа, во второй месяц — три с половиной. На строительстве же 908-го складывали почти пять этажей в месяц. Темп работ был хорош, производительность труда высокая. Но надо сказать, что и поставщики нас почти не подводили, ведь и они взяли высокие обязательства.

В это время, когда мы на примере своей собственной работы видели колоссальные выгоды бригадного подряда, он начал укореняться и на других стройках, в других управлениях.

В феврале 1971 года в Москве проходило Всесоюзное совещание передовых бригадиров страны.

С трибуны выступило много народа, это были известные на всю страну строители, и я с огромным интересом слушал их.

Пришлось делать доклад и мне. Я рассказал о строительстве 915-го корпуса по методу бригадного подряда, о том, как мы трудимся на строительстве 908-го корпуса, что в месяц мы складываем теперь по пять этажей и думаем сдать дом «под ключ» к XXIV съезду партии, то есть за пять месяцев, вместо положенных десяти. Я говорил о преимуществах бригадного подряда и высказал свою мысль о том, что методом бригадного подряда можно осуществлять любое строительство.

Шестьдесят участников совещания приехали к нам на стройку. К этому времени мы вели уже кладку девятого этажа. В шести нижних этажах было тепло и светло. Работали субподрядчики, шёл монтаж электрооборудования, трудились сантехники, старались штукатуры.

Как и на 915-м, мы были в контакте с субподрядчиками, они не отставали от графика и на вопросы гостей в один голос отвечали, что им нравится работать с нашей бригадой, потому что здесь «всё поставлено всерьёз, нет перебоев в материалах и всегда готов широкий фронт работ».

Масса вопросов была задана и мне. Я забрался на небольшое возвышение, чтобы меня было всем видно и слышно, и старался исчерпывающе ответить на всё, о чём меня спрашивали.

Прежде всего меня спросили, как нас снабжают материалами. Это ведь больное место всех строек. Я ответил, что нас снабжают по сетевому графику и это даёт возможность намного повысить производительность труда.

И тут же встречный вопрос:

- Были ли перебои в снабжении?
- Были, но намного меньше, чем до эксперимента. Действовал договор, заключённый с администрацией.

Но время у нас никогда не пропадало даром, простое не было, если не подвозился нужный материал, делали другую возможную работу,

Я подробно остановился на том, что строители наши овладели различными специальностями, так что если нет работы по их основной специальности, они выполняют другую. Так, каменщики могут выполнять столярную, штукатурную и другую работу. Овладение несколькими профессиями — очень важный фактор при бригадном подряде.

Среди гостей был и Борис Щеглов. С каким же огромным интересом осматривал он наш новый объект, как жадно ловил каждое моё слово. Он давно у нас не был, и у меня мелькнула мысль: «Почему? Надо спросить», — но тут же меня захлестнули вопросы, и я забыл о Борисе. А он подошёл сам, когда гости уезжали.

— Здорово! — возбуждённо заговорил он.— А у меня вот с подрядом ничего не получается. Не пробью в управлении. Боятся лишних хлопот. Такая рутина, пушкой не пробьёшь. Чиновники!

— Не все, поди,— останавливаю я Бориса,— есть работники отличные. Возьми ты инженеров в нашем управлении — настоящие работяги, а Дементьев, Локшин? Разве назовёшь их чиновниками? Это люди дела, люди творческого труда.

— Ну, хватанул,— отвечает Борис.— Это богатыри! Придумать такую вещь, как бригадный подряд! Они молодцы, всё старое ломают, не побоялись такой эксперимент провести, а ведь рисковали, правда ведь?

— Ещё как! — отвечаю.— Помню, как Стройбанк упирался, а они напролом шли! Вот тебе и чиновники! Это настоящие руководители!

— Не о них речь,— говорит Щеглов, и его обычно весёлое лицо становится злым.— Я о бюрократах и чиновниках говорю, которые в нашем управлении сидят. Их с места не сдвинешь, только штаны просиживают...

— Да постой ты, дело говори: что, с подрядом не выходит?

— Не выходит. Как об стенку горох. Я и так и этак к ним подъезжал.

Вот я посоветоваться и пришёл.

— Слушай,— говорю я ему,— был у меня в гостях один прораб, да, по моему, ты у меня с ним встречался. Евграф Иванович Смелов.

— Встречался, помню — у него жена Клава.

— Так вот, решили они с бригадиром начать стройку методом бригадного подряда, а в управлении ни в какую. Так они в райком партии, и что же ты думаешь? Лёд тронулся. Начали строить новый объект по бригадному подряду. В райкоме партии взяли под своё наблюдение эту стройку. Всё идёт как по маслу. А если тебе сходить в свой райком партии? Не думал об этом?

— Не думал.

— Мой совет — иди в райком партии. Только туда.

Видимо, эта мысль понравилась Борису. Его лицо просветлело, и у нас начался совсем другой разговор, мы стали говорить о детях, семье, о домашних делах. Борис опять засиял счастьем и начал расхваливать своего кроху-сына. Уезжая, Щеглов сказал твёрдо:

— Пойду в райком партии, как там решат, так тому и быть.

На строительстве наступили ответственные дни. Было начало марта 1971 года.

ВЦСПС, рассматривая вопрос об инициативах бригад строителей в соревновании за достойную встречу XXIV съезда КПСС, одобрил начин зеленоградцев.

Нам никак нельзя было ни на один день задержать сдачу корпуса. Свои обязательства мы должны были выполнить во что бы то ни стало!

В начале марта мы уже монтировали крышу, отделочники начали работу на одиннадцатом этаже. Корпус мы наметили предъявить к сдаче 29 марта.

Теперь профгруппорг И. Прокопенко ежедневно вывешивал

небольшой боевой листок, в нём указывалось, сколько осталось дней до сдачи и кто отстаёт, что нужно подтянуть,

Листки эти были не красочными, но сколько они нам говорили!

«20 марта. До сдачи дома осталось девять дней. На десятом этаже в 50-й квартире отлетела штукатурка. Тов. штукатуры, слово за вами.

Товарищ Мухин! Вы сегодня опоздали на работу. Забываете о своих сообразительностях».

Яков Мухин сердится. Кричит:

— Я не виноват, транспорт, чёртов троллейбус! Чего цепляетесь?

— Третий раз опаздываете,— говорю я ему строго — значит, вставать надо раньше. Почему другие не опаздывают? А ведь тоже ездят на транспорте.

А дни стремительно убегали, и мы каждый день внимательно следили за листками Прокопенко, а в них говорилось:

«23 марта. До сдачи дома осталось шесть дней. Товарищи женщины, ускорьте мытьё окон, кухонь, санузлов, лестничных площадок. Берите пример с Зои Щербаковой, она идёт впереди».

«25 марта. До сдачи дома — три дня. В 38-й и 41-й квартирах не исправлены замки. Тов. плотники — вся бригада смотрит на вас, исправьте замки».

«26 марта. До сдачи дома — два дня! Тов. Иванов! В кв. 35 не обито утеплительным шнуром окно, подстрижка дверей в кв. 28 не доведена до конца.

Тов. Кулагин! Вентиляционные решётки не поставлены в кв. 28, а в кв. 25 вентиляционная решётка с браком — смените.

Тов. электрики, проверьте освещение. Тов. сантехники, проверьте водопровод. Тов. паркетчики, проверьте паркеты.

«27 марта. Товарищи! До сдачи остался один день!

Пройдите по квартирам, внимательно всё просмотрите, о недоделках и неисправностях срочно сообщайте своим бригадирам».

Настал день сдачи «под ключ» 908-го корпуса. Опять Госкомиссия с представителями ЖЭКа дотошно осматривали этаж за этажом, опять все мы сильно волновались и ловили на лету каждое, самое мельчайшее замечание. А замечаний было немного, и всё по мелочам. Дом был принят с оценкой «хорошо».

Первый такой дом по бригадному подряду мы выстроили за 155 дней, а этот, второй, уже за 82 дня. Экономия у нас получилась большая — 17 тысяч рублей. Экономии мы во всём. Техника, за которую мы платили не из расчёта того, как она у нас работала, а сколько времени пробыла, дала нам солидную экономию. А пробыла она у нас такой короткий срок, что удивила всех механизаторов.

Среднемесячная зарплата у нас выросла до 240—250 рублей. Конечно, все были довольны. Но опять я хочу подчеркнуть: да, деньгам все были очень рады — пока деньги в нашей жизни играют важную роль,— но основную радость, большое внутреннее удовлетворение дало всё-таки другое: сознание успеха бригадного подряда, сознание, что трудное обязательство, взятое к открытию партийного съезда, мы выполнили.

После подписания акта Государственной комиссией, оценившей нашу работу на «хорошо», Саша Дроздов глубокомысленно сказал:

— Истинное сокровище для людей — умение трудиться.

В мае ко мне пришла огромная радость. Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся успехи в выполнении заданий пятилетнего плана большой группе работников было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот». В числе этой группы был и я.

Следующим объект, который должна была строить наша бригада,— два спаренных четырнадцатизэтажных крупноблочных корпуса № 162 «а» и «б» серии И-209а.

Прежде чем подписать договор, мы собрали совет бригады, чтобы чётко и всесторонне обсудить наши требования к администрации.

Конечно, все мы были очень озабочены. На строительстве кирпичного дома мы уже показали, что значит бригадный подряд. Теперь же приступаем к строительству крупноблочного дома, и мы знаем, что наша бригада, прокладывающая дорогу бригадному подряду, должна быть на высоте.

Опыт строительства блочного дома бригадным подрядом уже был. Его осуществила бригада Новика. Теперь нужно было закрепить этот опыт, решительно расширить его и, может быть, даже получить лучшие результаты.

Во всяком случае мы чувствовали всю свою ответственность, приступая к строительству дома серии И-209а. И надо было тщательно обдумать, что нам необходимо, чтобы полностью обеспечить бригадный подряд.

Итак, нашим твёрдым требованием было — поставлять на корпус материалы и конструкции в соответствии с утверждённым сетевым графиком, обеспечив комплексную доставку.

Мы подробно рассмотрели график поставки железобетонных изделий на дом серии И-209а. Этот график был разработан Мосгорстроем и управлением АСУС Главмосстроя. По этому графику поставка железобетонных изделий на комплектацию одного этажа рассчитана на пять дней.

Мы все крайне удивились. Саша Дроздов удивлённо:

— Пять дней, это что ж такое?!

Семенов строго:

— Непорядок. Это что ж получается, за три-четыре дня мы складывали этаж кирпичного дома, а с этажом полносборного, который монтируется быстрее и легче, возись

пять дней! Это же курам на смех! На лентяев рассчитывают или на то, что конструкции будут поступать с опозданием. Так, что ли?

— Конечно, так,— уверенно говорит Афонин,— узаконивают беспорядок. Мол, пока будут ждать конструкции да материалы, им и останется на работу два-три дня. Вот так государственные деньги и летят на ветер.

— Давайте подсчитаем, сколько нам понадобится дней, чтобы смонтировать один этаж,— предложил я,— причём из расчёта своевременного обеспечения материалами.

Мы стали скрупулёзно подсчитывать, и получилось два с половиной — три дня на монтаж этажа. На строительство дома И-209а нам полагалось по норме 214 дней, а у нас получилось, что мы можем его выстроить за 145—150 дней.

Мы всё это изложили в своём проекте договора с управлением. Этот проект вынесли на обсуждение бригады и только после этого приступили к составлению договора с администрацией.

Меня вызвал к себе Владимир Григорьевич Локшин. Вошёл я к нему в кабинет, смотрю — лицо у него озабоченное, нахмуренное.

— Садись, Николай Анатольевич,— приглашает он меня,— требования ваши серьёзные, очень серьёзные, но справедливые. Конечно, бригадный подряд требует строгой точности и ни одного дня простоя. Всю документацию мы вам подготовили, а вот насчёт нового метода комплектации изделий дело обстоит труднее. Если бы это только от нас зависело бы! Вы ведь знаете, что у нас крупноблочные объекты обеспечивают материалами двадцать шесть заводов Главмоспромстрой-материалов да несколько автобаз Главмосавтотранса. Вот мы от них и зависим. Если бы всё это было бы в наших руках, то и разговор был бы совсем иной. Но всё же мы безусловно обязаны обеспечить вам и своевременную, и качественную, и комплектную поставку материалов, изделий, конструкций, увязав поставку с сетевым графиком. И что немаловажно — должны

обеспечить доставку, исходя из расчёта ускоренного строительства дома, то есть в необходимом ритме. Ведь вы обязуетесь выстроить дом за 145—150 дней. Так?

— Да, точно за 145—150 дней. Мы всё тщательно подсчитали и твёрдо уверены, что этого срока нам хватит,— ответил я.

Локшин наклонил голову в знак согласия. Помолчал, потом сказал:

— Да я и не сомневаюсь в этом. И сетевой график составляем, исходя из указанного вами срока. Мы самым серьёзным образом думаем над методикой комплектации изделий. Наши работники, мне кажется, неплохо тут поработали, вы пройдите к ним, посмотрите, что они придумали, может быть, что-нибудь и подскажите.

С интересом рассматривал я чертежи и инженерные расчёты, которые были уже объединены в «Проект комплектации дома серии И-209 а (надземная часть) железобетонными изделиями по часовым графикам и комплектовочным карточкам с учётом оптимальной загрузки автотранспорта».

Просматривая всё это, я понял, какой огромный труд проделали работники управления. Здесь были карточки комплектования отдельно для каждого завода-поставщика, карточки почасовой отгрузки изделий и опять-таки для каждого завода-поставщика, а ведь их двадцать шесть! Карточки и сводная таблица были очень продуманы, в них были учтены различные темпы отгрузки в зависимости от того, сколько дней строится этаж — пять или три.

Да, тяжёлую предварительную работу проделали инженеры. Они связались со всеми заводами-поставщиками и от каждого добились сведений о складировании изделий на этих заводах, о транспорте, который их вывозит, о погрузочных средствах, монтажном весе изделий, технических характеристиках автомашин, о договорных условиях заводов с автобазами и т. д. и т. п.

Этот метод комплектации и доставки конструкций и материалов

впервые применялся на строительстве нашего корпуса № 162. Дом строился в первом микрорайоне Зеленограда и стоял окружённый соснами в красивом уголке города.

...Апрельское солнце грело по-летнему. Яркий свет его лучей слепил глаза. Было жарко. Ни ветерка, природа будто замерла, наслаждаясь теплом и светом. Только громкое пение и чирикание птиц нарушали тишину.

У нас шли тяжёлые дни, первые дни на стройке крупноблочного дома № 162.

Только на минутку оторвавшись от работы, я смотрю в голубую высь неба, ощущаю аромат молодых весенних деревьев и чувствую, как беспокойство уступает место уверенности, что всё скоро придёт в норму, всё будет хорошо.

Я был рядом с монтажником, когда он, явно волнуясь, крикнул такелажнику и крановщику,— и вот первый блок будущего дома медленно пришёл к нам. Мы давно не строили блочные дома, а серия И-209а была для нас совсем новой. И первые дни все волновались и нервничали.

Подошёл блок — мы вертелись около него, сличали с чертежами, смотрели, какой стороной повернуть его, пристраивали ко всем плоскостям отвес, пока я не спохватился и не напомнил, что отвес полагается прикладывать всего в двух местах.

Мы знаем, что при монтаже самое главное — это высокая точность. И сейчас, не жалея времени, тщательно осмотрели, как встаёт блок. Я был рядом с монтажниками, помогал им на первых порах, пока всё не придёт в норму.

Но вдруг послышался крик нашего такелажника-строповщика Вити Блажиевского. Он звал меня. Бегу к нему.

Он бегал вокруг мощной грузовой машины и яростно нападал на шофёра.

— Это не полный комплект,— кричал он,— я не приму! К чёрту! Никакой у вас ответственности.

Ещё громче его кричал шофёр, здоровенный детина:

— А мне на кой чёрт ваша комплектация? На шею сели!

Ну не взял эту штуковину, скажи пожалуйста, беда какая! Да идите вы все к чёрту — откажусь вам возить! Я подхожу к Вите, говорю миролюбиво:

— Сгружай, пойду звонить на завод. Они должны следить за погрузкой.

Разгорячённый, расстроенный Витя даёт знак машинисту башенного крана и начинает разгрузку.

А я прямо-таки бегом в бытовку и звоню на завод. Холодный, равнодушный голос мне отвечает:

— Ну не догрузили, поди, Москва от этого не сгорит. Дошёл, зачем волноваться? Ну комплект нарушен, так довезём же, берегите нервы.

И, не дослушав меня, положил трубку. Я звоню заново, но уже заместителю директора завода. К моему счастью, он оказался на месте. И у него голос холодный, недовольный!

— Видно, закапризничал шофёр и не догрузил. У нас и такое бывает. Что? Недопустимо, что нарушен комплект? Да понимаю, дам указание, чтобы проследили.

Всё. В трубке частые «ту-ту-ту». Там, на конце провода, ни волнения, ни озабоченности, не догрузили, мол, не велика беда.

Возвращаюсь к строителям. Пришла вторая машина, проверяю груз вместе с Витей Блажиевским. Он явно волнуется и сердится. Но на этой автомашине всё в порядке. Это с Востряковского завода, у них всегда всё в порядке. Ведь можно же так работать — точно и правильно.

За ней пришла машина с Останкинского завода — здесь нарушен комплект, да к тому же и загружен неправильно, с ошибками, то, что должно лежать вдоль правого борта, лежит вдоль левого, да вообще всё было вверх дном.

Витя начал ругаться с шофёром, а я опять пошёл звонить на завод, теперь уже на Даниловский. Здесь тоже моё сообщение принимают холодно и даже враждебно, но всё же обещают проследить за следующей погрузкой.

Нервирует неразбериха с доставкой материалов. Пошёл

к Локшину, рассказал о наших бедах. Он обещал помочь. Видимо, слово сдержал и поговорил с самими директорами заводов. На следующий день только одна машина пришла с неполным комплектом. На третий день всё было благополучно с доставкой. Работал почти всю смену с монтажниками, набирали темпы.

Первый этаж собрали за четыре дня. Тут всё сказалось — и то, что были нарушения в доставке материалов, и то, что мы давно не строили блочные дома.

Нас всех расстроил такой темп. Ведь предполагали два с половиной — три дня на этаж. Работали внимательно, старались и второй этаж собрали за три дня, а уж третий — за два с половиной дня. Машины приходили правильно загруженные, и это сразу сказалось на работе. Но далось нам нелегко, и мы прикладывали все силы, чтобы сохранить этот темп.

Работала у нас и рационализаторская мысль. Для ускорения подачи конструкций на этажи была придумана специальная траверса с шестнадцатью крюками, при помощи которых крановщик мог сразу поднять восемь перегородок. Это ускорило не только нашу работу, но и разгрузку автомашин — вместо 45 минут мы разгружали их за 10—12 минут.

С огромным желанием начал я свой трудовой день. Вместе с Витей Блажиевским мы уже с первого этажа заметили, что нам доставляют лишние перегородки. Я позвонил на завод — мне ответили, что проследят за этим. На следующий день — то же самое. Звоню опять.

— Ну что ещё у вас там? — сердито спрашивают меня.— Опять жалоба?

— Не жалоба,— отвечаю,— а вот на каждый этаж присылаете две лишних перегородки.

— Ничего не лишние. Проверяли по технической документации — посылаем вам всё точно. Что ещё?

И опять везут нам лишние перегородки. Я поехал на завод. Не скажу, что меня там встретили ласково, но всё же инженер вместе со мной стал смотреть чертежи, всю техническую документацию и доказал, что нам везут правильно,

— Значит, в документации ошибки,— говорю я. — Мы за точность отвечаем, на каждый этаж вы присылаете по две перегородки лишние.

Меня подняли на смех.

— Поймите,— говорил мне старший инженер,— эти дома серии И-209а строят уже несколько лет, сотни их стоят в различных городах страны, и в Москве не первый год их строят — и ни разу никто не пожаловался, что им прислали лишние перегородки.

Наш такелажник Витя Блажиевский, человек, как уже известно, очень скромный, уравновешенный, никогда лишнего слова не скажет, тут не выдержал: громко рассмеялся и никак не мог остановиться. И вдруг резко оборвал смех.

— Лишние перегородки! Точно! Вы сами, Николай Анатольевич, знаете — лишние! И все молчали, либо воровали эти перегородки, либо, уходя с площадки, закапывали. Вот черти, сволочи!

От гнева Витя весь покраснел, он уже не говорил, а кричал:

— Деньги им за них не платить, так им и дела нет, это ведь государству платить!

Николай Афонин остановил его:

— Да погоди ты! Прорвало — поди, за все годы, что работаю с тобой, не слышал, чтобы ты ругался. А ты вот о чём подумай — здесь нагляднее, чем где-либо, видно, что значит бригадный подряд. Мы-то сразу усекли, что лишние перегородки везут: нам за них платить.

Вся бригада у нас крепко возмущалась, и долго ещё шли разговоры об этих перегородках. Шутка ли сказать, на каждый этаж присылали две лишние, а дома-то высотные.

Так сколько же бесследно исчезло перегородок? И на какую огромную сумму денег!

На завод поехал наш старший прораб Семенко. Опять проверили всю документацию и обнаружили, наконец, ошибку. Действительно, каждый этаж дома этой серии из-за допущенной ошибки в чертеже получал две лишние перегородки. А ведь под всеми документами стояло семь подписей вышестоящих товарищей.

...Как-то по радио мы услышали, что нас вызывает на соцсоревнование бригада Владислава Пахомовича Серикова из далёкого города Мурманска.

Мы уже привыкли, что к нам приезжают гости со всех концов страны, что у нас во многих городах появились последователи, но из Заполярья ещё не приезжал никто и, главное, ещё никто не применил метод бригадного подряда на промышленном строительстве, а бригада Серикова строила огромную теплоцентраль.

Впервые Серикова мы увидели у себя на стройке только в следующем, 1972 году. И что было удивительно, так это то, что он оказался именно таким, каким мы его себе представили. Он был высок и худощав, но в широких плечах и жилистой фигуре чувствовалась сила. На продолговатом лице — выражение решимости, серые глубокие глаза под густыми чёрными бровями смотрели внимательно и требовательно, глубокая складка на переносье выдавала серьёзность и сосредоточенность. Но эта внешняя суровость сочеталась с выражением доброжелательности и огромным интересом ко всему окружающему.

Его очень заинтересовала работа наших двух кранов — башенного и автокрана. Он долго стоял и смотрел, потом расспрашивал о наших расчётах, об экономической выгоде такой механизации труда. Видно было, что он что-то прикидывает в уме.

— Сомневаетесь в выгоде? — спросил я его.

— Нет, выгода, несомненно, есть, — ответил он, — но здесь можно будет подумать о том, не взять ли два башенных

крана. Но это надо подсчитать, проанализировать, В общем, будем думать.

Ему понравилась наша траверса с шестнадцатью крюками, и по тому, как блеснули его глаза, я понял — такая траверса у него будет.

Нам всем хотелось узнать подробности работы его бригады, ведь очень многие говорили, что бригадный подряд, его новая форма организации и оплата труда никак не пройдёт в промышленном строительстве. Бригада же Серикова не испугалась этих утверждений и пошла на эксперимент.

Они заключили договор с администрацией на сооружение целого комплекса объектов Южной теплоцентрали города, сметная стоимость которой составляла три миллиона рублей.

Вот тут вся бригада наша так и ахнула.

— Это тебе не 408 тысяч рублей,— не выдержал Саша Дроздов,— это целых три миллиона! Только подумать!

Наш осторожный Семенов был просто ошарашен такой цифрой.

— Три миллиона! — удивлялся он.— Ну и бригада же смелая. Поди, таких немного. Ну молодцы, так молодцы! Вот тебе и разведчики!

А Сериков продолжал свой рассказ, и его волевое лицо было невозмутимо и спокойно. Он говорил, что такой объём работ раньше выполняли несколько генподрядных организаций.

— Поди, человек четыреста,— вставил Дроздов.

— Ну четыреста не четыреста, а триста обязательно. А в нашей бригаде всего пятьдесят человек, и мы взяли обязательство построить комплекс в полтора раз быстрее и с хорошим качеством.

Сериков рассказал нам, что Южная теплоцентраль состоит из шестнадцати различных объектов и бригаде предстояли огромные работы: земляные, опалубочные, арматурные, бетонные, сварочные, гидроизоляционные, кирпичная кладка,

монтаж сборного железобетона и металлических конструкций.

— Мы взяли на себя обязательство,— продолжал Владислав Пахомович,— как генподрядчик обеспечить фронт работ для тринадцати субподрядных организаций — десяти внешних и трёх внутренних. Строительство объекта разделено на два этапа, и срок сдачи каждого этапа не превышает года.

По мере этого рассказа наш интерес к нему всё возрастал и возрастал. Оказывается, Сериков никак не мог добиться у своего стройуправления разрешения перейти на бригадный подряд,

Тогда решили они с бригадой пойти на «хитрость», и через Всесоюзное радио вызвали нашу бригаду на соцсоревнование. Вот тут только и узнал начальник управления, что соревноваться-то они будут как подрядная бригада.

Сериков рассказал, как пошёл с повинной в горком партии, признался, как всё было, как пошли на хитрость ради дела. Ему вообще-то попало за «партизанщину», но горком действительно помог им.

— Однако и поддержку нашёл,— с силой сказал Сериков, да ещё какую! При горкоме работал своеобразный «штаб подряда», он сильно помог нам и заставил администрацию по-настоящему, по-деловому отнестись к нашему эксперименту.

Бригада Владислава Пахомовича добилась больших успехов, доказав не только возможность, но и целесообразность применения в промышленном строительстве бригадного подряда. Они сдали два паровых котла уже через полтора года, а для ввода в строй всего комплекса первой очереди строительства Южной теплоцентрали им понадобилось всего год и девять месяцев. Бригада сократила срок строительства почти на три месяца — на восемьдесят семь дней, добившись большой экономии и средств и материалов.

Вскоре у Серикова появились последователи, применившие

метод бригадного подряда на строительстве промышленных объектов,— это бригады В. А. Бухалова из треста «Череповецметаллургстрой», М. А. Денисова из треста «Промстрой» Главлипецкстроя — в общем, бригадный подряд «прописался» и в промышленном строительстве.

Встреча с Сериковым произвела на меня и на всю нашу бригаду большое впечатление и косвенно даже повлияла на судьбу близкого мне человека. Но об этом расскажу дальше.

Как-то в воскресенье приехал ко мне Борис Щеглов. Был он расстроен,

— Ничего у меня не получается,— говорит.— Бригада у меня комплексная, завоевали мы звание бригады коммунистического труда. Ребята сознательные. Ну есть, конечно, двое-трое, которые и выпить горазды, и прогулять могут, но они погоду не делают. Держим мы их в ежовых рукавицах. Помню я ваши слова: «Выгнать легко — перевоспитать трудно, а если мы перевоспитывать не будем, то кто будет?» И вот сколько ни хожу к начальнику стройуправления, сколько ни прошу перевести нас на бригадный подряд — отказывает. Был я в райкоме партии, ставил об этом вопрос — обещали помочь, потом, видимо, с начальником пообщались, он им и наговорил. Приходил к нам в бригаду инструктор райкома, сказал, что при первой же возможности переведут нас на бригадный подряд. Вот мы который уже месяц и ждём этой первой возможности!

— Ну, и ты сник? В квашню превратился? Ты же орёл!

— Да, орёл, у которого крылья связали да перья ощипали,— махнул Борис рукой.

— Оказывается, ты не боец... Куда ж тебе бригадным подрядом заниматься? Тут каждый день битва — то одно не подвезли, то другое «призабыли», а подряд этого не терпит. Значит, не выдержишь ты.

— Я? — вскричал Борис.— Я не выдержу?! Да ты переведи меня на подряд, дай мне волю, я покажу, какая у меня

сидели. Да я не только конструкции с завода выбью, да я весь завод переверну.

— Хорошо, коли так. Тогда расскажу я тебе про одного боевого рыцаря. Ты вот слушай и учись.

Только начал было я рассказывать, как пришли к нам Ксюша с Петей.

Вот сидели мы все вместе, Ксюша с женой кроили, шили, мальчишки разбирали конструктор, а я рассказывал Борису всю историю с бригадой Серикова и про то, как крепко помог им горком партии,

— И ты иди в горком. Иди! Чего робеешь? — говорю я Борису.

Мой рассказ о Владиславе Пахомовиче всех заинтересовал. Даже Ксения оставила шитьё, внимательно слушала меня.

— А какой он сам — Сериков? — спросила она.

— Такой, какими должны быть люди, побеждающие все преграды и трудности,— мужественный. Красивый он, Ксюша, высокий, худощавый, с сильными плечами, гордой осанкой. Он не испугался пророчеств, что бригадный подряд не уживётся в промышленном строительстве, не испугался и трудностей, а их у него и у бригады ох как много! Это настоящие строители! Что скажешь?

И вдруг Ксюша тихо, как бы для самой себя, сказала:

— Я, как он, хочу жить! Отдать себя самому трудному, самому важному делу, жить и работать там, где трудно, где ты больше всего нужна!

И тут Борис впервые обратил на неё внимание. Он и раньше встречал её у нас, но, встречая, не замечал — мол, девчонка как девчонка, какое мне до неё дело. А тут он как бы заново увидел её. Смотрел на Ксюшу долго и вдруг сказал:

— И я так чувствую, и я так хочу жить. И я добьюсь подряда и построю так, что все ахнут! И в горком пойду. Там-то мне помогут.

...Борис вновь несколько раз побывал у нас на стройке.

В горьком ему не пришлось идти. Помог райком партии. Там не забыли о бригадном подряде и не «ждали у моря погоды», а действовали, и вскоре под их нажимом Борис вызвали в управление и объявили, что следующий объект — четырнадцатизэтажный крупноблочный дом его бригада будет строить по бригадному подряду. Сообщили, что уже готовится вся документация, которую они должны получить до начала строительства.

Борис был энергичен и деловит, по пятам ходил за мной и вновь задавал всё одни и те же вопросы. Потом куда-то пропал и только через три недели позвонил по телефону.

— Николай Анатольевич, начинаем строить новый объект,— голос его возбуждённый и радостный.— Пришли на стройплощадку. Работаем по бригадному подряду. Обещанную документацию, правда, ещё не получили, но обещают. Сами всё распланировали, как вы объясняли.

Через неделю опять звонок.

— Николай Анатольевич,— говорит Борис.— Изготовили нам такую же траверсу с шестнадцатью подвесками, как у вас. Прекрасно! Добились автокрана, теперь у нас и башенный и этот — Николай Анатольевич, слышите? Вместо пяти дней этаж строим за четыре. Быстрее пока не получается, задержки всякие. Ругаюсь с поставщиками с утра до вечера. Одни панели возили, черти! Да, дело вести — не лапти плести. Но ничего, не унываем.

А через две недели Борис докладывал о новых успехах:

— Николай Анатольевич,— кричал он в телефонную трубку,— этаж собираем за три дня! Слышите, за три дня! Пустил субподрядчиков. Договорился с ними крепко. Всё сдал им по акту!

Через несколько дней короткий рапорт:

— Этаж собрали за два с половиной дня! Всё! — и повесил трубку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я пришёл с работы в приподнятом, хорошем настроении, Весь день прошёл удачно. Машины приходили строго по графику, загрузка их была правильной, работа шла у нас гладко, в отличном темпе.

А когда на стройке такой порядок, так и не устаёшь и на душе удивительно хорошо.

Пришла домой Тамара, и мы всей семьёй сидели за столом и обедали.

Вдруг раздался резкий длинный звонок. Нервный. Тамара поспешила к входной двери, и, как только она открыла её, раздался мощный, грубый голос Фёдора;

— Николай дома? Я к нему.

Он вошёл широким, решительным шагом в комнату, и сразу у нас как-то стало тесно.

Высокий, широкоплечий, разъярённый, он, казалось, занял всю комнату. Его красивое лицо было грозным, большая тёмная прядь густых волос спустилась на лоб, чуть прикрыв широкую грозную складку на переносье.

Я встал:

— Садись, Фёдор, за стол, пообедаем вместе. Ты, наверно, с работы.

— Некогда мне тут с вами чай распивать,— недружелюбно ответил он и сел на предложенный стул,— Вот что, Николай, ты мне ответь; взял ты шефство над Петькой?

— Взял.

— А что же он у тебя дурака валяет? Нет, ты мне ответь, почему он избил какого-то пацанёнка и что-то у него стибрил? Из шестого класса. Чего они там не поделили —

не знаю. Только из школы, идиоты, позвонили к нам на стройку: мол, я, отец, не принимаю участия в воспитании сына, и приказали мне явиться в школу. Что я, дурак, туда идти? И что им надо? Алименты плачу аккуратно, от них я ушёл, женился, так чего липнут? Был я у Вальки, задал там хорошенький концерт. Какого чёрта дали в школу мой телефон? Так она клянётся, что сама не знает мой телефон и никогда в школу его и не давала. Тогда я подумал, что Ксенька, но Валька говорит, что Ксенька не давала. Значит, ты, шеф, позаботился. Больше никому. Сознавайся!

Мы переглянулись с Тамарой и отлично поняли друг друга. Я ответил:

— Я дал телефон.

Мне было жаль Ксеню, я понял — дала она. Отец мог бы избить её, и, чтобы выручить девочку, взял это на себя.

— Ты-ы? Я так сразу и решил. Да какого чёрта ты вмешиваешься в мои дела?

— Шеф же я Петькин, вот и вмешиваюсь в его жизнь, а его жизнь, к сожалению, связана с твоей — ты же отец и должен нести за него отцовскую ответственность.

— Ничего я не должен, алименты плачу, и баста! А Петьку я выдеру ремнём, чтобы на всю жизнь запомнил, что значит тревожить отца. И слушай, что скажу: каждый раз, как мне позвонят из школы, я смертным боем буду драть Петьку. Это ты и Петьке скажи и в школе.

— Ну и сволочь же ты,— не выдержал я.

— Сволочь не сволочь, а жить хочу по-своему. И мне никто не мешай! Понял? А то, скажи пожалуйста, какой-то там бригадный подряд выдумал, так и голову задрал! А мне плевать! Я сам по себе. Строю — не тужу, в бедности не живу...

— А вы не кричите! — вдруг жёстко и решительно прервала его мать,— Знаем мы таких, которые детей бросают. Нет им уважения, так что не больно-то кричите.

Фёдор с удивлением повернулся к матери, хотел было

что-то сказать, да осёкся, на него смело смотрели строгие твёрдые глаза.

— А я что, я не кричу,— уже тише ответил Фёдор.— Я только пришёл предупредить.

— Ежели ты, Фёдор, избьёшь Петю, я сообщу о тебе в милицию,— строго сказал я ему.— Это запомни хорошенько, в школу же я схожу и попрошу тебе больше не звонить.

— Согласен, иди в школу, а я Петьку не трону. Он-то мальчишка как мальчишка. Смелый, дерётся хорошо, это он в меня. Наша кровь.— При этих словах он самодовольно улыбнулся и повторил: — Весь в меня.

Я был удивлён. От сына отказывается, а чувствуется, что он как-то даже гордится, что Петька в него,

Фёдор поостыл, и было видно, что он хотел загладить свою грубость.

— А как у тебя там с подрядом-то? Идёт дело? Читал я в газетах и всё удивляюсь: как это ты в люди вышел? Я там, в Омске, и представить не мог, что из тебя выйдет такой человек. Парень-то ты был скромный, вроде незаметный. Ишь ты как в гору поднялся. Позавидуешь.

На следующий день после работы я пошёл в Петькину школу, договорился там обо всём и направился к Матвеевым. По дороге обдумывал свой разговор с Петей. Решил быть строгим. Он постоянно дерётся, в конце концов надо знать меру.

У Матвеевых все были дома. Петька радостно бросился ко мне, но при виде моего строгого лица пыл его немного поостыл. В глазах Ксени — испуг и робость. Валентина, видать, недавно плакала.

Ксения заговорила первая:

— Отец был у вас, вы простите меня. Это я дала телефон, не хотела, чтобы мама в школу ходила. Она всегда там так переживает! Я не думала, что отец так... Он был у вас?

— Был.

Валентина бледными губами спрашивает:

— Наскандалил?

Я не ответил, спросил Валентину:

— А вы чего плакали?

— Да с Петечкой сейчас говорили. Он баловник у нас, всё дерётся. Вот видишь, Петечка,— обратилась она к сыну,— из-за тебя у Николая Анатольевича неприятности какие. Совести у тебя нет. Никого не жалеешь.

Петька насупился, отвернулся.

Я позвал к себе мальчика.

— Не пойду,— угрюмо и зло ответил он.

— Это почему же?

— Ругать будете. Меня всё уже ругали. Надоело.

— Не ругать тебя буду, а разговаривать, как мужчина с мужчиной.

Петьке, видно, это понравилось, он приосанился и, подражая взрослым, пробурчал:

— Ну тогда можно,— и подсел ко мне на диван.

— Чего ты добиваешься? — спросил я его.— Чтобы тебя в детскую колонию отправили для трудновоспитуемых? Так этого добиться не трудно. Только тебе там не понравится.

Петька молчал.

— Ну-ка, расскажи, каким разбоем ты занимаешься, у кого что стибрил?

И тут Петька покраснел и заорал:

— Ни у кого ничего я не спёр и не дрался, а Витьку вздул за дело. И ещё вздую, если он Алёшку хоть пальцем тронет.

— погоди, не кричи,— остановил я его,— расскажи всё по порядку. Кто такие Витька, Алёшка?

— А очень даже простые,— по-прежнему запальчиво заговорил Петька. — Витька и Алёшка учатся в шестом «б». Только Алёшка ужасно худой и робкий. Тихоня. А Витька здоровый, как бык, и задира хороший. Он в страхе Алёшку держит и всё у него отнимает. И Алёшка молчит. А я так

терпеть не могу. Если бы Алёшка был таким же сильным, как Витька,— их дело. Пусть дерутся. А так — нельзя. Вот я и выдрал Витьку, чтобы он не трогал Алёшку. А тут Алёшка принёс чудной какой-то карманный фонарик, ему отец из Франции привёз. Вот Витька у него и отнял. Бегу по коридору, смотрю, около уборной в уголке Алёшка уткнулся в угол и плачет. Хотел я мимо пробежать, да всё-таки остановился, спросил, чего он ревёт. А он ещё пуще нюни распустил и признался, что Витька отнял у него фонарик и пригрозил его избить, если он кому-нибудь пожалуется. Но тут меня зло взяло: чужую вещь отнял, да ещё грозит. И вообще, какая охота связываться с таким хилым, как Алёшка? Тоже мне доблесть какая — такого побить. Ну я и пошёл и поддал как следует Витьке, отнял фонарик и вернул Алёшке. Вот и всё. А этот ябеда Витька побежал к Надежде Николаевне и наврал, будто Алёшка подарил ему фонарик, а я позавидовал, отнял у него и избил. Тут дело и началось. Вызвали Алёшку, а тот, как увидел Витьку, испугался, стоял и молчал. Ни одного слова не сказал. Вот и вышло, что я во всём виноват. А я не люблю, когда слабых бьют. Я на Алёшку теперь вот как зол, трус он. Но Витьке всё же сказал: будет обижать Алёшку — изобью.

Петька не врал. Лицо его от возмущения было красным, глаза злые. Ещё бы! Он, я думаю, даже не понял всю низость Алёшки, но инстинктивно почувствовал, что тот страдает безвинно. Нет, в такой беде я не мог оставить Петьку, сказал ему, что опять пойду в школу и настою на том, чтобы дело разобрали до конца.

— Правда, пойдёте? — воскликнул Петька, и лицо его просияло,— Вы Надежде Николаевне скажите — не врал я. За что она меня ругает? Все мальчишки надо мной смеются — вот, мол, заступничек нашёлся, по зубам получил, будешь знать, как заступаться.

Пошёл я в школу, выбрал время. И настоял на своём, Алёшка расплакался и всё рассказал начистоту. Честь

Петьки Матвеева была восстановлена. Я возвратился к себе в Зеленоград и всю дорогу думал об этом пареньке. Забияка, драчун, а какое справедливое и горячее сердце у него, и как может отец отталкивать от себя такого сына? И как же Петьке нужен любящий, умный отец. Ведь Петька золото, из него можно воспитать прекрасного, чистого человека с возвышенной, рыцарской душой. Взял бы я его к себе, ведь он так ко мне тянется, да разве Валентина и Ксюша его отдадут? Ежели Петька действительно решит стать строителем, то после ПТУ обязательно возьму его к себе в бригаду. Мальчик кончал седьмой класс, на будущий год после окончания восьмого класса он собирается в ПТУ.

Во время школьных каникул Петька жил у нас, и я часто брал его с собой на стройку. Он мечтал стать такелажником, и эта мечта крепла в его душе день ото дня.

Меня очень трогало то, с каким огромным интересом, будто это его, Петькино, кровное дело, относился он к нашему бригадному подряду. Всё, что относилось к нему, его живо трогало.

Ещё мне нравилось, что он в свои детские годы жил государственными интересами. Частенько он спрашивал меня: «А это выгодно государству?» — или: «Сколько государство денег получит, если вы на восемьдесят дней раньше дом построите? А если на сто?» Я отвечал, и он приходил в восторг.

Иногда он задавал вопрос:

— Дядя Коля, а почему не прикажут всем строителям перейти на бригадный подряд?

Я старался понятно ответить на все его вопросы.

Как же Петька радовался, когда узнавал, что где-то какая-то бригада стала строить по бригадному подряду и добилась больших успехов. А такие сведения поступали к нам со всех концов страны.

Как-то пришло ко мне письмо из города Кириши (я раньше понятия не имел, что есть такой город). Писал мне старый строитель.

«Дорогой Николай Анатольевич Злобин. Видели мы тебя по телевидению, слышали по радио и читали в газетах. Славная у вас бригада, и бригадный подряд вещь отличная. Так понимаем мы, строители. И у нас в городе Кириши тоже есть строители, которые работают по бригадному подряду, и мы ими гордимся.

Посылаю вам газету «Киришинский строитель», в ней всё описано и о бригаде Кочнева, и какие объекты будут у нас строить по бригадному подряду. Думаю, вам и вашей бригаде будет интересно прочитать нашу газету и узнать всё про наш бригадный подряд».

Когда я принёс газету домой и стал рассказывать Тамаре о письме старого строителя Иванова, Петька схватил газету «Киришинский строитель» и жадно стал её читать, то и дело крича мне:

— Дядя Коля, по бригадному подряду они будут строить в микрорайоне «Восточный» школу на 1280 мест. Здорово?

— Конечно, Петя, хорошо,— отвечаю я ему.

А он уже снова:

— В этом же районе и дом № 23 построят по бригадному подряду!

Я подсел на диван к Пете и вместе с ним просмотрел всю газету, по его просьбе подарил её ему, так как он решил собирать газеты, в которых будут писать про распространение бригадного подряда.

Петька завёл специальную папку, в которую подшивал эти газеты. Он хвастался папкой перед своими школьными товарищами и заверял меня, что ему все завидуют. А когда я принёс ему вырезку из газеты «Правда» «Используя бригадный подряд», Петька с гордостью заявил Ксюше:

— У тебя тетрадка с какими-то стишками, а у меня папка с газетами, вот даже «Правда» есть. У тебя там ля-ля*-ля, вздохи, охи, солнце, луна, он и она, а у меня вот что пишут,— и он с гордостью, раздельно начал читать: —

«Сельские строители Рязанской области впервые применили опыт бригады Николая Злобина ещё два года назад. Почин тогда сделал коллектив Рязанской передвижной механизированной колонны № 717, возглавляемый С. С. Юдиным. Срок сооружения двенадцатиквартирного дома был сокращён ими на 169 человеко-дней. Одновременно удалось сберечь более тысячи рублей. Качество работы было признано хорошим».

Петька оторвался от газеты и, как взрослый, серьёзным тоном сказал:

— Это тебе не ля-ля-ля, это вон какая экономия государству. Тысяча рублей! — И он снова принялся читать: — «В прошлом году эксперимент был распространён на сельские производственные объекты. За это взялась бригада Михайловской ПМК-211, руководимая А. М. Деевым. Она заключила подрядный договор на сооружение откормочника для крупного рогатого скота в совхозе имени XXII партсъезда. И вот результат: объект сдан в эксплуатацию с большим опережением графика, сэкономлено более семнадцати тысяч рублей».

А потом я принёс ему большую заметку о том, что впервые в Средней Азии в городе Самарканде две бригады Шукри Османова и Владимира Полещука будут строить методом бригадного подряда два крупнопанельных дома в микрорайоне «Б».

Как-то перед выходным днём приехал к нам Петька с ночёвкой. Пришёл я с работы, и он сразу ко мне:

— Дядя Коля, а дневник мой смотреть будете?

Я периодически проверял его дневник.

— Обязательно буду. Привёз с собой?

— Привёз,— отвечает Петька и со счастливой улыбкой протягивает его мне.

Смотрю, а у него две пятёрки по алгебре.

Петька хохочет, вскакивает со стула и пляшет по комнате:

— А то думали, что я на одних тройках езжу! А у меня вот они — пятёрки! Да две, не одна!

Эти пятёрки по алгебре были у него первыми, поди, за два последних года.

— Ну молодец,— говорю я и ласково смотрю на мальчика,— чем же теперь отметить нам это радостное явление?

— А вырезки есть?

— Вырезок нет, а писем пришло много. Вон видишь, на столе лежат. Давай их разбирать.

— Давайте,— тут же ответил Петька,— вот интересно!

Только Тамара сначала посадила нас за стол ужинать.

Петька уплетал всё, что только клала жена ему в тарелку. После ужина мы сели за письма, Петька сразу схватил одно:

— Дядя Коля, из Сумгаита, прочтите!

Я вскрываю конверт, и мы читаем вместе:

«Уважаемый Николай Анатольевич!

Следуя Вашему примеру и почину, мы, энергетики Азербайджана, решили внедрить метод бригадного подряда в энергоремонте».

Петька ухватился за это письмо.

— Дядя Коля! Подарите мне его, для папки...

— Подожди, подожди,— остановил я его,— это же письмо. А ты газеты собираешь, а?

Петька тут же нашёлся:

— У меня вторая папка будет для писем, и назову я её «Деловые бумаги». Вот! А потом, это же они хотят не в строительство внедрить, а в ремонт, значит, они тоже зачинатели. Что, не так? Тоже разведчики нового! Дядя Коля, подари!

Я подарил ему это письмо.

Мы сидели с Петей и читали письма строителей из Куйбышева, Орла, Омска, Краснодара. Много писем.

Петька свою мысль создать папку «Деловых бумаг» не оставил. И так ко мне пристал, что я согласился отдавать

ему для неё интересные письма о новых починах внедрения бригадного подряда. Он одинаково ревностно следил за пополнением обеих папок.

У Петьки было собрано много материала о Героях Социалистического Труда — мурманском строителе В. П. Серикове, ленинградском бригадире И. С. Шевцове, москвичах А. В. Авилове, В. А. Затворницком и многих, многих других.

В конце концов Петькины папки заинтересовали педагогов школы. Уж очень много стали о них говорить ученики. Папки произвели на педагогов определённое впечатление. Был собран пионерский сбор, посвящённый этим папкам, вернее сказать, бригадному подряду.

Директор школы пригласила меня выступить на этом сборе. Времени у меня мало, отказался было я выступать, да куда там! Петька поднял такой шум и так требовал, что я сдался и пошёл на пионерский сбор.

По правде сказать, я никак не ожидал, что у ребят будет такой большой интерес к подряду и вообще к строительству, к жизни нашей бригады. Они меня просто засыпали вопросами и не отпускали более двух часов.

А через год, когда Петька окончил восьмой класс, вместе с ним в строительное ПТУ поступило ещё десять мальчишек, его одноклассников.

В 1972 году я много выезжал. По просьбе строителей был в Минске, Вильнюсе, Днепропетровске, Чернигове, Краснодаре, в Грузии — на совещаниях, посвящённых вопросам повышения производительности труда в строительстве и внедрения бригадного подряда.

На этих совещаниях мне пришлось выступать и рассказывать о работе нашей бригады по методу бригадного подряда — и всюду говорилось о плохом снабжении конструкциями и материалами, о слабой малой механизации, о том, что запаздывает техническая документация.

В начале декабря пришло приглашение из Риги на конференцию,

посвящённую вопросам внедрения низового хозрасчёта в строительстве.

Конференция проходила в Доме знаний. Зал был переполнён. Здесь были и руководители строительных организаций, и начальники участков, прорабы, бригадиры, монтажники, каменщики, плотники, проектировщики.

С большим интересом выслушали мы с Афониним сообщения заведующего отделом Рижского горкома партии о том, что за пятилетку строители города должны сдать в эксплуатацию жилые дома площадью в 1850 тысяч квадратных метров, новые школы на 20 тысяч учащихся, детские учреждения на 6700 мест, поликлиники, больницы, торговые центры, кинотеатры.

Николай наклонился ко мне, шепчет:

— Вот оно, благосостояние народа,— строить-то сколько, а?

Мы строители, мы строим всю жизнь, но даже нас поражают и покоряют такие цифры. Шутка ли — один миллион восемьсот пятьдесят тысяч квадратных метров одной только жилой площади! Но в то же время мы понимали, какие большие задачи стояли перед рижскими строителями. Огромные. И конечно, им был нужен наш бригадный подряд — насколько он может сократить сроки строек.

Выступал я теперь много, но всегда волновался. Мне кажется, что к этому привыкнуть нельзя, всегда волнуешься, но по-разному. Иной раз больше, иной раз меньше. В Риге я волновался по-особому — мне очень хотелось нарисовать широкую картину всей работы, которую требует бригадный подряд. Всей — ничего не упустить.

Я встал за кафедру. Посмотрел в зал — тишина стояла абсолютная. И тут я остро почувствовал всю ту огромную ответственность, которую несу, рассказывая о нашем опыте.

Я говорил предельно откровенно, ничего не затушёвывая, ничего не приукрашивая.

Вечером мы вернулись с Николаем в гостиницу очень уставшими, легли отдыхать, и тут вдруг раздался резкий телефонный звонок; говорила Москва.

— Николай Анатольевич? Как у вас там дела? — узнаю голос начальника управления № 111 «Зеленоградстроя» В. Бахолдина. Рассказываю кратко о конференции.

— А я хочу вас поздравить с днём рождения,— говорит Бахолдин,— и хочу сообщить приятную вещь: по итогам социалистического соревнования коллективов «Зеленоградстроя» за первые два года пятилетки вашей бригаде присуждено первое место. Вчера у нас состоялось торжественное собрание строителей Зеленограда, посвящённое 50-летию образования СССР,— на этом собрании были оглашены итоги соревнования и сообщено, что вы заняли первое место.

— Что он говорит? — не утерпел Афонин.— Что там нового?

Я зажал трубку и передаю Николаю приятную новость. Тот радостно смеётся и зажимает рот широкой ладонью, чтобы не мешать нашему телефонному разговору.

Я спрашиваю Бахолдина, как идут дела в бригаде, тот сообщает, что закончен монтаж шестого этажа, идёт приёмка конструкций для седьмого и восьмого этажей.

В тот же день, как только кончилась конференция, мы с Николаем выехали домой.

Ксения Матвеева успешно закончила десятилетку. Моя жена подарила ей отрез крепдешина цвета морской волны на платье для выпускного бала и помогла его сшить.

И вот Ксения в новом платье приехала к нам. Высоконогая, хрупкая и стройная, с огромными карими глазами на матовом лице, она, казалось, вышла из какой-то волшебной сказки. Она застенчиво улыбалась, и видно было, что хотела что-то попросить, но стеснялась.

Я ей попросту сказал:

— Выкладывай, Ксения, что хочешь сказать, ведь к своим пришла.

— Ой, дядя Коля, так хочется мне, чтобы вы с Тамарой Ефимовной пришли к нам на выпускной. Мы всем классом решили позвать на него своих родителей. Мне отца звать не хочется, он обязательно что-нибудь не так скажет. Да он и не пойдёт. Нет, не пойдёт. К Петечке, может быть, и пошёл бы, а ко мне — нет. Я знаю.

Обидно мне стало за Ксению, и я тут же обещал пойти к ней на выпускной вечер. Согласилась и Тамара, но в самый этот день она заболела, и я пошёл один.

Вечер был торжественный. Девушки все нарядные, смеющиеся, красивые своей молодостью и счастьем. Парни в хороших костюмах, все старались казаться старше, но очень скоро, захваченные весельем, всё забыли и резвились, как дети. По стенам на стульях расселись родители. Были здесь и помоложе, и постарше, но на всех лицах было одно: растроганность и счастье.

Началась торжественная часть. Выступил директор школы. Его слово было сердечным, и чувствовалось, что и он растроган, и больно ему прощаться со своими питомцами.

Потом говорила одна женщина — член родительского комитета. Начала она было бойко, а потом расчувствовалась и расплакалась.

Тут директор говорит:

— У нас в гостях известный строитель Николай Злобин, попросим его поприветствовать наших выпускников.

Я этого совершенно не ожидал, не готовился к такому выступлению — это тебе не о подряде говорить, а сказать надо напутственное слово молодёжи.

Пошёл я на сцену и думаю: что же я буду говорить? Но чувства, вызванные этим торжественным вечером, были настолько сильны, сияющая молодёжь, только только вступающая в большую жизнь, так меня взволновала и заставила как бы увидеть свою молодость и молодость своих

товарищей, что я как бы невольно был уже подготовлен к этому выступлению.

Встал я за трибуну, глянул в зал — сияющие, молодые, прекрасные глаза выпускников выжидающе смотрели на меня.

— Я поздравляю вас от всей нашей строительной бригады с вступлением в большую жизнь. — Аплодисменты, горячие, весёлые, прервали моё выступление, но вот установилась тишина, и я продолжал:— Мы желаем вам страстно, увлечённо, творчески строить жизнь, быть всегда нужными обществу, любить свой труд, а для этого, дорогие друзья, вдумчиво, серьёзно, по-взрослому выбирайте себе трудовую дорогу — такой труд, который соответствует всем вашим способностям, вашим талантам. И тогда жизнь у вас будет полной, счастливой и вы будете нужны людям. Вперёд, дорогие мои, к высоким вершинам трудовых побед! Вперёд!

Тут разразились громкие аплодисменты, и какой-то юношеский голос крикнул:

— Вперёд, только вперёд! — и это подхватил весь зал:

— Вперёд!

Настал торжественный момент — вручение аттестатов. И первой директор вызвал Ксению Матвееву:

— Вручаю аттестат и золотую медаль нашей лучшей ученице, гордости нашей школы Ксении Матвеевой.

И снова гром аплодисментов, и Ксения, раскрасневшаяся, смущённая, идёт к сцене. Директор обнимает, целует её и, обращаясь к залу, говорит:

— За все десять лет она имела только один раз оценку «хорошо», остальные — только «отлично».

Я не знал этого и как-то по-новому взглянул на Ксению — при всей хрупкости во всём её облике были и сила и воля.

«Вот какая наша скромная, стеснительная Ксюша,— думал я.— Она на самом деле умная и сильная девушка».

Вторую медаль получил симпатичный парнишка Виктор

Смелов, высокий, с фигурой спортсмена — широкие плечи, сильная грудь, тонкая талия.

Он весело и легко вспрыгнул на сцену и, получив аттестат и медаль, крепко пожал руку директору и смело сказал:

— Всегда буду служить трудовому народу!

Все ему дружно аплодировали, видно, ребята любили его.

Настало время танцев и ужина.

Когда грянул духовой оркестр — а выпускники решили пригласить именно духовой оркестр: «Да здравствует старина»,— я видел, как Виктор Смелов пригласил Ксюшу на танец. И вот они закружились среди пёстрых пар, а я любовался ими. Танцевали они оба хорошо, просто отлично. Ксения была лёгкой, воздушной, легко танцевал и Виктор, но рядом с хрупкой Ксенией он казался особенно сильным и мужественным.

Смотрел я на веселящуюся молодёжь, и какая-то неясная грусть заполнила мою душу: вспомнил своё детство, нужду, строгое, истощённое лицо матери, а потом вспомнил, как уходил от нас отец и как не детская горечь охватила меня тогда. Незаметно вышел из зала, походил по коридору, а потом зашёл в одну из пустых классных комнат. Здесь было темно, пусто и тихо. Я сел в дальний угол за чью-то парту и предался воспоминаниям.

Мысли мои прервал чей-то звонкий смех, и в комнату вбежали двое. Дверь закрылась, и опять стало темно.

— Пусти, Виктор, да пусти же! — весело сказала девушка, и я узнал голос Ксени.

Она отошла от юноши и села за парту. Он встал возле неё, она сказала:

— Давай сегодня веселиться и ни о чём, ни о чём не говорить!

Он взволнованно ответил:

— Ты всегда теперь убегаешь от разговора, а я хочу опять сказать тебе, Ксюша. Ты ведь знаешь, я люблю тебя!

Что мне было делать? Встать, уйти и показать, что слышал объяснение Виктора? Это будет ему, конечно, тяжело. Остаться? Тоже неудобно, будто я их подслушиваю. Что тут делать?

— Я люблю тебя! — всё повторял Виктор.

— Молчи, молчи! — смеётся Ксюша.— Я скажу тебе: ты мне нравишься, только я тебя не люблю. Ну просто во мне нет к тебе любви, понимаешь, вот такой большой, настоящей. Ты прости...

— Скажи, что надо сделать, чтобы ты полюбила меня?

— О! Очень много! Чтобы ты стал Артуром Грэм из «Алых парусов» Грина.

— Ксения, я же серьёзно,— с обидой сказал Виктор.

— А я тоже серьёзно. Ты будешь великим математиком и будешь работать в каком-нибудь институте Академии наук, станешь доктором математических наук, потом академиком. А я...— голос её стал мечтательным,— я поеду на Крайний Север, где льды, белые медведи, суровый край, где мужественные и сильные люди с гордой, красивой душой создают в краю белой пустыни изумительные города, заводы, рудники. Они созидатели, герои, первооткрыватели, а я — их врач. Понял?

— Я поеду за тобой и всю жизнь буду около тебя, и ты полюбишь меня!

— Нет, Витя, нет, ты хороший, умный, очень умный, замечательный, но ты не мой герой, я полюблю только Грэя. Знаю, что я обязательно встречу и пойду за ним в тундру, в тайгу, в суровый, неизведанный край,...

— Ксюша! — воскликнул Витя.— А как же я?

Он, видимо, хотел обнять её, девушка рассмеялась, крикнула: «Пусти! догоняй!» — и выбежала из класса. Виктор за ней.

Я остался один. Душу мою наполняло особенное, светлое чувство. Вот она молодость, молодость нашей страны...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В начале января 1973 года к нам в Зеленоград приехал Владислав Пахомович Сериков, чтобы подвести итоги соцсоревнования и наметить планы на будущее.

Мы встретились как давнишние друзья, которых связывают самые крепкие узы — наша работа, бригадный подряд, социалистическое соревнование.

Собрались в красном уголке — партгрупорг, профгрупорг, прорабы, Владислав Пахомович и я. Настроение у нашего гостя было отличное — видно было, что ему есть о чём рассказать. Вынул он свои бумаги, и мы стали рассматривать итоги их работы за 1972 год. Прежде всего нас интересовали данные о сокращении срока строительства — бригада их сократила на 41,3 процента, план же года выполнила на четыре месяца раньше срока.

— А сверхплановая прибыль какова? — спросил Прокопенко.

— Двадцать тысяч,— отвечает Сериков и смотрит на нас, как нам покажется — много? мало?

— А оценка работы хорошая?

— Да, Госкомиссия приняла первую очередь комплекса Южной теплоцентрали с хорошей оценкой.

И опять лицо Серикова озарила добрая, довольная улыбка, но он тут же добавил:

— Работали мы в тяжёлых условиях.

— Да мы понимаем,— говорит Прокопенко,— Кольский залив, морозы, полярная ночь. Обстановочка не ахти...

— Да, трудности были большие,— говорит Сериков,—

особенно горя хватило, когда только начали работать по бригадному подряду. Мы заключили договор на подряд, а тринадцать субподрядных бригад остались за пределами этого договора. Вот в этом-то и заключалось большое зло. Было у нас примерно так. Пришёл к нам бригадир субподрядчиков, человек серьёзный и решительный, и заявил: пока не будут поставлены леса под резервуары — рабочие не придут. Я ему объясняю, что нам очень сложно так срочно построить их, это надо оторвать людей от работы, придётся остановить строительство на многих участках. Но бригадир был неумолим. Ну и пришлось оставить работу в ущерб себе и срочно строить леса. Построили. И что же? Целый месяц стояли леса, субподрядчик не пришёл. А ведь за этот месяц мы могли бы безо всякого ущерба построить эти леса. Вот эта никчёмная спешка забрала у нас много времени. А то и так было: бригадир другой субподрядной бригады заявила: не придём к вам, пока не поставите нам башенный кран. И ставить надо срочно. Опять отрываю от работы ребят, срочно сооружаем подкрановые пути, устанавливаем башенный кран, а субподрядчики больше месяца не появлялись у нас на строительстве. За кран платили они, субподрядчики, только им денег было не жалко, они же не на подряде, платили деньги не свои. Теперь мы учли свою ошибку и поставили вопрос, чтобы на втором этапе стройки субподрядчики тоже были бы на подряде. Теперь дело пойдёт иначе. Они уже будут беречь каждую минуту, и механизмы простаивать не будут.

Сериков рассказывал просто и о своих трудностях с субподрядчиками, и о суровом климате Кольского полуострова. Он привык к суровому климату Севера, а мы слушали, и, видимо, каждый из нас представлял себе эту картину — тяжелейший мороз, воздух сизый, аж дышать трудно, а ты лезь на леса да на ветру стой. Мы переглянулись: мол, молодцы мурманчане.

Стали рассматривать наши показатели и сравнивать с мурманскими, и почти по всем позициям, хоть ненамного,

а всё же мы были впереди. Наша бригада выполнила все соцобязательства и те добавочные, которые брала в честь 50-летия образования СССР. Мы сдали двенадцатизэтажный корпус за 150 дней вместо 264 по норме, сэкономили материалы и деньги и сдали дом Госкомиссии с оценкой «хорошо».

— Показатели у нас почти одинаковые,— говорит Сериков,— но у вас выработка на одного рабочего выше.

— Но у вас же гораздо сложнее обстановка,— отвечаю я.

Сериков пожал плечами, сказал:

— Это не в счёт.

А вскоре, в январе же месяце, к нам приехал из Ленинграда Иван Семёнович Шевцов с товарищами. С ним я познакомился зимой 1971 года на семинаре строителей, который проходил в Москве.

Помню, после моего выступления в перерыве меня обступили строители, и мы продолжали разговор о бригадном подряде. Я обратил внимание на одного человека. Он очень внимательно слушал разговор и раза два порывался было что-то сказать, но так ничего и не сказал. Похоже, стеснялся. Человек этот как-то сразу расположил меня к себе — невысокого роста, жгучий брюнет, широкие брови, слегка большие тёмные глаза, прямой длинноватый нос, морщинки в углу глаз и около губ и внимательный серьёзный взгляд. Стоял он как-то очень скромно, вообще было видно, что это человек стеснительный, как говорят у нас в бригаде — совестливый. Это и был Шевцов.

Я первый обратился к нему, спросил, откуда он.

— Из Ленинграда,— с готовностью отвечал он,— бригадир каменщиков из Главленинградстроя.

— Как у вас с бригадным подрядом? Внедряется?

И видно было, что человек собрался, наконец, с духом, сказал то, что несколько раз порывался:

— Наша бригада работает по бригадному подряду и хотела бы вызвать вас на соцсоревнование.

— Думаю, что наша бригада не откажется принять этот вызов,— отвечаю ему,— нам лестно будет соревноваться с ленинградцами,

Шевцов совсем было смутился, но подал мне руку и крепко пожал мою.

— Спасибо за ответ, нам очень хотелось завести дружбу с вами, перенять ваш опыт, мастерство.

Впоследствии Иван Семёнович говорил:

— Пожалуй, именно с момента нашего с вами знакомства и началась дружба, началось наше соревнование, которое позже оформилось документально, обрело чёткие критерии для оценки достижений каждого из соперников.

Вместе с другими участниками семинара он был у нас на стройке. Здесь гости, как обычно, задавали много вопросов. Шевцов же только слушал и очень внимательно всё осматривал. На прощание он опять крепко пожал мне руку и спросил:

— Значит, ваш ответ я передам бригаде?

— Да, пожалуйста. Я переговорил с ребятами, мы принимаем ваш вызов. Давайте оформлять соцдоговор.

Смуглое лицо Ивана Семёновича залила краска, он смущённо улыбнулся, кивнул согласно чёрной головой и вдруг как-то очень решительно сказал:

— Крепко будем соревноваться.

Вскоре мы обменялись соцдоговорами. Профгруппорг изолировщик И. П. Прокопенко вёл учёт хода нашего соревнования с бригадой Шевцова.

Они прислали нам строго и красиво оформленный соцдоговор, мы отослали им свой. Около вагончиков-бытовок появился щит, на котором было написано: «Москва — Ленинград».

Шевцов аккуратно, по окончании каждого квартала, присылал нам итоги работы его бригады, мы отсылали свои итоги — и весь этот материал тут же появлялся на щите. Итоги бригады Ивана Семёновича были серьёзными, ленинградцы ненамного отставали от нас.

А теперь они приехали к нам, чтобы подвести итоги за 1972 год и заключить новый соцдоговор на 1973 год.

Шевцов, как я уже говорил, человек очень скромный, сдержанный, чрезвычайно деликатный. Много у нас на стройке его интересовало, но он боялся отнять у нас много времени на свои расспросы и всё больше сам ходил по этажам, площадкам и всё осматривал.

Такая деликатность, как у Ивана Семёновича, всегда покоряет, как-то особенно привлекла она и меня к нему. Уже при первой нашей встрече почувствовал я глубокую симпатию к Ивану Семёновичу, пригласил его к себе домой, хотел в спокойной домашней обстановке рассказать ему всё, что его интересовало. Иван Семёнович начал было отнекиваться, но я ему просто сказал:

— Нечего стесняться, соревноваться будем не один год, приеду в Ленинград и к вам в гости приду.

Шевцов сразу оживился и как-то по-детски радостно сказал:

— Мы с женой, Валентиной Алексеевной, очень рады будем, мы с ней много говорили о вас.

Вечером пришли ко мне. Тамара была уже дома, она сразу хлопотала в кухне, готовя ужин, а мы прошли в комнаты.

Иван Семёнович не сразу освоился, но вскоре у нас начался интересный для обоих разговор. Мы говорили о своих бригадах и о своей работе, и Иван Семёнович искренно рассказал не только о своих успехах, но и промахах, ошибках. Говорил Шевцов о своей бригаде, и я чувствовал, как крепко он её любит, как с нею спаян.

Этот вечер, проведённый вместе, очень сдружил нас. А на следующий день мы приступили к заключению договора. Мы рассмотрели с Шевцовым и наше и их обязательства. Они были продуманными и довольно серьёзными. Ленинградцы обещали построить и сдать в эксплуатацию в 1973 году два жилых дома полезной площадью 17,6 тысячи квадратных метров, сократив сроки строительства

каждого здания на 30 дней и стоимость на 12—15 тысяч рублей.

Вечером ленинградцы уехали к себе домой. Так началось соревнование наших бригад. Мы стали периодически навещать друг друга, делясь своим опытом и своими новшествами.

Когда бы Шевцов ни приезжал к нам, он всегда прежде всего искал то новое, что появлялось у нас на работе.

Как-то обходили мы с ним стройку, и он сразу обратил внимание на новую траверсу, при помощи которой башенный кран подавал на корпус сразу восемьдесят бетонных перемычек на окна и двери.

— Николай Анатольевич,— говорит он,— при помощи нашей траверсы можно же подавать не только перемычки, но четыре ящика с раствором. Ведь у нас каменщики по 10—15 минут ждут, пока заберут пустые ящики и поднимут полные. А ежели сразу поднимать четыре ящика раствора, то простоев не будет. Верно говорю?

А потом как-то в другой свой приезд вошёл Иван Семёнович к нам в бытовку, когда я звонил администрации и просил забрать компрессор, который нам уже был не нужен. Просил забрать его немедленно, так как мы не хотели зря платить за него деньги.

Шевцов тут же заинтересовался моим разговором. Я обернулся к нему и говорю:

— Ведь платим-то мы за компрессорную установку сорок рублей за смену. Неохота же давать из своего кармана — мы с её помощью все работы уже выполнили.

Шевцов улыбнулся, сказал:

— Это по-настоящему, по-хозяйски.

А когда я был у Шевцова в Ленинграде, он рассказал мне:

— Понравилось мне, как вы с компрессором расправляетесь. Мы тут же переняли это. Как только установка освободилась, мы её передали другим бригадам нашего управления в аренду. Ежемесячно мы экономим на этом

почти 500 рублей, да ещё бригады нас благодарили, так как у них нужда была в этой установке.

Я обратил внимание на шаблоны, которыми они пользуются при закладке окон и дверей. Приспособление самое простое — раздвижная рейка с крепёжным винтом, но я видел, как она облегчает и ускоряет дело. Мы у себя в бригаде тут же стали пользоваться таким шаблоном. И Сериков тоже стал применять этот шаблон, который мы переняли у Шевцова.

В этот же приезд к Шевцову я увидел, как выдают они премию за подряд. В конторку прораба набилась уйма народу, теснота, толкотня, получил деньги и еле выберешься из толпы.

Я рассказал Ивану Семёновичу, что у нас день вручения премии за подряд организован как бригадный праздник. Собирается вся бригада, подводим итоги работы, обсуждаем те недостатки, которые были за этот период, отмечаем всё положительное, новое, называем лучших строителей и торжественно вручаем премии каждому рабочему. День этот всегда запоминается бригадой как большое торжественное событие.

Шевцов опять внимательно выслушал меня и сказал, что он поставит этот вопрос на совете своей бригады. И поставил. И теперь они проводят выдачу премий так же празднично, как и мы.

Шевцов как бы рос и мужал вместе с бригадным подрядом, который так успешно укоренился в их бригаде. Иван Семёнович был по-прежнему деликатен, и во всём чувствовалась его тонкая душа, но теперь он как-то меньше стеснялся и решительнее высказывал свои мысли.

Особенно я это заметил на Всесоюзном совещании молодых строителей, посвящённом вопросам массового внедрения бригадного подряда на стройках страны. Это совещание было организовано ЦК ВЛКСМ и редакцией журнала «Молодой коммунист». Семинар проходил в Москве, его участники были у нас на стройке.

На совещании выступал и Иван Семёнович — его речь была очень яркой, он говорил живо, заинтересованно, уверенно, чувствовалось, что глубоко поверил в бригадный подряд и живёт им, вкладывая в свою работу весь жар души, незаурядные способности, горячий энтузиазм.

Аудитория слушала его внимательно, равнодушных не было. Он захватил слушателей своей горячей убеждённойостью. Я смотрел на Шевцова и просто не узнавал его. Он был настоящим вожаком молодёжи. И мне казалось, что сам бригадный подряд, его внедрение, борьба за него, огромная организаторская работа, проделанная Шевцовым, закалили его, превратили в настоящего борца.

Соревнование всё крепче связывало наши три бригады — Серикова, Шевцова и нашу. Искреннюю теплоту и сердечность мы чувствовали в тех поздравительных телеграммах, которые получали от бригад Шевцова и Серикова.

Дело в том, что правительство высоко оценило наш труд, и в начале февраля 1973 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями рабочих нашей бригады.

Орден Ленина у нас получили Николай Афонин и Михаил Семенов; Николай Кириллов и Сергей Шепетин награждались орденом Трудового Красного Знамени; орден «Знак Почёта» получили Непийвода, Охрименко, Зоя Щербакова; Бацак, Блажиевский, Касьян, Дроздов отмечались медалью «За трудовую доблесть», а Юра Лебедев — медалью «За трудовое отличие» — всего было награждено 38 человек.

Как только вышел Указ, у нас на площадке около бытовок состоялся митинг, пришли Локшин и первый секретарь райкома партии, они сердечно поздравили нас с высокой наградой.

Впервые Саша Дроздов смешался и не смог выступить. Волновался. Начал было говорить, да запнулся, покраснел, только и сказал:

— Благодарю Родину.— Потом добавил: — Даю слово работать ещё лучше,— на этом его речь и кончилась.

Семенов выступил обстоятельно, серьёзно, хотя он и волновался, но хорошо собой владел и сказал всё, что хотел.

Нас всех пригласили в Кремль, там и вручили ордена и медали. Для нас была организована экскурсия по Кремлёвским палатам. А вечером наше управление организовало встречу в столовой «Берёзки», был оркестр, речи, ужин и танцы. Народ наш плясал от души, от души веселился.

Наше социалистическое соревнование разгоралось. Мы периодически узнавали о делах друг друга, частенько звонили по телефону.

У нас трудно было с нулевым циклом. А скоро мы узнали о бедах Шевцова. Они строили дом по индивидуальному плану, и к ним от объединения железобетонных изделий «Баррикада» не пришло ни одной эркерной плиты. Тогда Иван Семёнович, чтобы срочно исправить дело, послал своих рабочих в цеха этого объединения для ускорения выпуска эркерных плит. Но и это не помогло.

Неприятности обострялись. Не поставили им и железобетонных прогонов, настилов, шахтных лифтов. Стройка замерла.

В это критическое время Шевцов повёл себя очень энергично. Он категорически отказался от этого объекта и перешёл на другой, который тоже был включён в их план 1973 года. Это было общежитие Балтийского судостроительного завода имени Серго Орджоникидзе. Здесь как раз был готов нулевой цикл.

Мы искренно сочувствовали Ивану Семёновичу, понимая, как дорого упущенное время. Они простаивали, а мы с Сериковым в это время строили.

Но и у Серикова были свои трудности. Они сооружали вторую очередь Южной теплоцентрали. По проекту нужно было соединить 800 стыков методом ванной сварки. А у них никто из электросварщиков этим методом не владел.

Пришлось срочно овладевать новым технологическим процессом.

Так что в каждой бригаде были свои трудности, хотя труднее всех пришлось Шевцову. У нас говорили в бригаде:

— Шевцову не повезло, не дай бог в его шкуре оказаться.

А газета «Советская Россия» как раз решила подвести итоги соцсоревнования нашей бригады и сериковской за январь месяц. И вот на её страницах появилась статья «Кто впереди?».

По итогам работы мы опередили бригаду Серикова всего на одну десятую долю процента. За основу газета взяла главный показатель — производительность труда.

К этому времени мы уже готовили к сдаче «под ключ» 276-квартирный дом. Часть бригады перешла на монтаж другого дома, 72-квартирного.

Работники газеты «Советская Россия» связались по телефону с Владиславом Пахомовичем и его ответ напечатали вместе с итогами.

«Одна десятая доля процента,— говорил Сериков,— величина небольшая, но сам факт, что наши друзья и соперники оказались, как говорится, «на полкорпуса» впереди, заставляет нас ещё раз продумать свою работу, чтобы в феврале добиться лучших результатов».

Повесили мы на щите этот номер газеты, и вот в обеденный перерыв около неё возник горячий спор.

Саша Дроздов говорит:

— Пусть хорошо работает бригада Серикова, пусть отлично, а мы первопроходцы, разведчики и должны идти впереди.

Опять по телефону связывались с нашими друзьями-соперниками, узнавали, как у них дела идут, сравнивали с нашими показателями и два раза в месяц вывешивали на щите итоги работы по звеньям, так что наглядно было видно, кто как работает. За итогами все строго следили.

Каждый раз, как только появляется сводка, собираются

около неё рабочие. Народ у нас живой, непосредственный, и тут же у сводки начиналось громкое обсуждение.

Вывешивали обычно в понедельник. Хотя я и знал заранее итоги, но всегда вместе с рабочими подходил к щиту.

На белой ватманской бумаге красной краской было написано: выполнение плана у Непийводы — 110 процентов, у Дроздова — 109, у Семенькова — 107 процентов.

Звено Непийводы шумит, радость у нас всегда громкая, хлопают друг друга по плечу, смеются и кричат рабочим из звена Семенькова:

— Улита едет, когда-то будет! Ау-у! Где вы?

Те отмалчиваются, хмурятся, но кто-то не выдерживает и отвечает:

— Не зазнавайтесь, не ровён час, сами улитой станете!

— Мы-то! Ого-го, чего захотел! Да мы ещё больше дадим!

Дроздовские ребята негромко переговариваются, хотят выйти на первое место, о чём-то договариваются, посматривают на Васю Непийводу.

Я подхожу к Васе, поздравляю его. Он стоит с невозмутимым видом и басит мне:

— Да мы что... мы всегда работаем по совести...

Начинается рабочий день. Дроздовцы крепко договорились занять первое место — ни шуток, ни смеха. Работают.

Я в бригаде у Семенькова. Он говорит:

— Николай Анатольевич, никто из ребят не простаивал, почему в хвосте оказались — уму непостижимо.

— Проверь всё, продумай,— советую ему,— может, людей надо переставить.

— Нет, люди расставлены хорошо.

— Тогда ищи, где приотстал.

Погода ухудшилась. Начались морозы, донимал резкий северный ветер. Работать стало труднее. Но бригада упорно трудилась, производительность труда почти не упала. И вновь у щита народ. Лица у всех строгие, люди

внимательно читают сводку: Дроздов — 109 процентов, Непийвода — 108,5, Семеньков — 107,8 процента.

Бригады почти сравнялись. Семеньков был на третьем месте, но мы отметили, что при резком ухудшении погоды его звено повысило производительность труда на 0,8 процента, тогда как у первых двух бригад, хотя они и вышли на первое и второе место, производительность труда упала по сравнению с предыдущей декадой: у Непийводы на один процент, у Дроздова на полпроцента.

— Вот и надо поставить нас на первое место,— стали говорить семеньковцы, но Саша Дроздов сразу парировал:

— Догоните, а тогда кричите...

Мороз. Воздух сизый. С одиннадцатого этажа весь Зеленоград как в дымке. Ресницы, брови у всех в инее, от мороза тяжело дышать. Даже в рукавицах стынут руки. Хорошо отделочникам, в этажи уже пустили тепло. Бегаем к ним греться. Никто из рабочих не жалуется, привыкли. Вместо крыши у нас всегда небо, и дождь и снег — всё наше, обдувают нас все ветры мира — мы стойкие люди. Одно слово — строители.

Зима лютовала, а наши звенья, обгоняя друг друга, шли к финишу. Пришло время, и первое место занял Семеньков, а потом Саша Дроздов, и снова его обогнал Непийвода.

К концу первого квартала 1973 года мы сдали «под ключ» свой дом с оценкой «хорошо».

Квартал окончен. Шевцов прислал нам свой отчёт о работе бригады, мы свой, подвели итоги нашего соревнования за первые три месяца 1973 года.

Победительницей стала наша бригада. Но по основным показателям они ненамного отставали от нас. Одно нас удивило: объект находился в незавершённом состоянии. Мы тут же связались с Иваном Семёновичем, решили выяснить, почему же объект оказался незавершённым, общежитие Балтийского завода не было сдано.

Ответ пришёл очень быстро. Оказалось, что его бригаде

дали строить ещё один корпус общежития, примыкающий к тому, который они строили. Сроки сдачи у корпуса были разные, но Шевцов решил строить оба сразу и сдать их одновременно. Теперь у них было четыре башенных крана и строительство шло широким фронтом.

Приходили вести и от Серикова. Они от нас не отставали ни на шаг. Вышла у них заминка со стеновыми панелями пожарного резервуара, которые имели только боковые петли, это не позволяло установить конструкцию в специальные узкие пазы. Что делать? И тут Сериков поручил одному своему монтажнику, отличному рационализатору, решить эту сложную задачу. Почти месяц промучился тот, думая, как лучше монтировать, и придумал особые приспособления, при помощи которых быстро и хорошо пошла работа. Мы знали, что у Владислава Пахомовича отличные рационализаторы и рационализаторские предложения намного ускоряли работу их бригады.

Второй квартал показал, как бригада Шевцова набирала темп.

Мы детально изучили итоги работы двух бригад за квартал. И мы, и Шевцов намного перевыполнили план — мы на 130 процентов, Иван Семёнович — на 122,9, Но... Шевцов выиграл по выработке на одного рабочего, его показатели были выше наших. И по внедрению рационализаторских предложений они обогнали нас: мы внедрили три рацпредложения, они — четыре.

На первом месте всё же оказались мы, хотя Шевцов почти сравнялся с нами.

Я разговаривал с Шевцовым по телефону.

— Уступаем ещё мы вам,— говорит он,— ничего не поделаешь, догнать сильнейших трудно.

А я спросил его:

— Хватит скромничать, скажи, Ваня, прямо, какие трудности были?

Он рассмеялся:

— Всё те же, что обычно. Сантехники и электрики запоздали.

Не прибыли на стройку вовремя.— И добавил другим — энергичным, весёлым голосом: — Решили мы всей бригадой перегнать вас в третьем квартале.

— Давай, Ваня, давай! — кричу ему в телефонную трубку.— Нажимайте!

И Иван Семёнович тёплым, чуть дрогнувшим голосом ответил:

— Спасибо, Николай, спасибо!

Разговор окончен. На душе у меня радостно. В лице Шевцова я приобрёл настоящего, верного друга. Замечательный человек!

Свежий утренний ветерок колыхал кружевную штору и еле слышно шуршал раскрытой газетой на столе.

Я проснулся в шестом часу утра и мог бы полежать ещё несколько минут, но меня потянуло к окну, взглянуть на сияющий город. Я люблю эти часы, когда пробуждается природа, а люди ещё спят. Это минуты какой-то особой, торжественной тишины.

Тихонечко, чтобы не разбудить жену, я встал с постели и подошёл к распахнутому окну. Прекрасен наш Зеленоград — новые белоснежные дома утопают в зелени деревьев, высокие стройные сосны чётко вырисовываются на светлом голубом небе, тяжёлые ели широко раскинули тёмно-зелёные и седые лапы, лиственница игриво перебирала пушистыми ветвями. Свежий, прозрачный воздух бодрит и наполнял душу особым лёгким, радостным чувством.

Хорошо ранним утром у нас в Зеленограде. Я вышел из дома раньше обычного и не сел в автобус, а не спеша пошёл на стройку.

Все ждали итогов третьего квартала. Мы написали свой отчёт, выглядел он у нас неплохо, и отослали в Ленинград Шевцову. Вскоре получили отчёт от них, и оба их поместили на щите около бытовок.

В обеденный перерыв вся бригада без исключения столпилась у щита. Все сосредоточенно, по нескольку раз читали отчёты. Сравнивали.

Впервые за время нашего соревнования Шевцов вырвался вперёд и по выполнению плана и по выработке на одного рабочего.

А я смотрел на их отчёт и будто слышал Шевцова, его голос, энергичный, весёлый: «Решили мы всей бригадой перегнать вас в третьем квартале». И обогнали. Молодцы! И наша бригада поработала неплохо, мы перевыполнили все свои обязательства. Конечно, в соревновании, в соперничестве неохота никому уступать первое место, и, безусловно, мне было бы приятнее, если бы мы опять были впереди. Но успех Шевцова мне дорог, и два чувства были рядом в моей душе: радость за Шевцова и недовольство собой — ведь мы приотстали от своих соперников. И это двоякое ощущение невольно вызвало у меня улыбку. Саша Дроздов первый увидел мою улыбку и оторопело спросил:

— Вы это что? Вроде смеётесь?

— А что мне, плакать? Бригада хорошо поработала...

Саша не дал мне договорить, перебил:

— А Шевцов? Шевцов-то перегнал!

— Вижу, что перегнал, значит, теперь нам надо их перегнать, вот о чём думать надо.

— Работать надо, работать,— сердито добавил Семенов,— так работать, чтобы всех перегнать, ведь мы зачинатели...

Уже давно прошло время, когда свои успехи мы измеряли заработанными деньгами. Теперь главным чувством у всех нас стало иное — это личная ответственность за стройку, ответственность перед своими товарищами, желание как можно скорее и лучше сдать дом для жильцов. Люди наши духовно выросли, этот период внедрения и распространения бригадного подряда стал для всех нас большой политической и экономической школой.

Теперь у нас все научились считать, научились и увидели, какие большие государственные средства летят на ветер из-за бесхозяйственности, увидели и почувствовали свою ответственность за это.

И сейчас, стоя перед щитом и рассматривая оба отчёта, народ думал не о деньгах, а о той возможности, которая, видимо, была у нас для лучших показателей, чем мы дали. А то, что нас обогнали, всех, конечно, расстроило.

А в общем-то дела у нас шли неплохо. Уже в августе мы сдали все три двенадцатизэтажных дома, сократив сроки их строительства на 332 дня, а сверхплановая экономия у нас составила 32 тысячи рублей. Мы завершили строительство ещё одного, четвёртого, сверхпланового дома.

Шевцов шагал отлично, в октябре закончил строительство двух корпусов общежития Балтийского завода: один — на месяц раньше срока, второй — на полтора месяца. Ключи от этих общежитий они торжественно вручили молодым рабочим завода.

Бригада Серикова имела отличные показатели. Она на три месяца раньше срока ввела в эксплуатацию комплекс Южной теплоцентрали в Мурманске и снизила плановую стоимость строительства на 27 тысяч рублей.

У всех нас троих было отличное настроение. Мы-то знали, какой огромный, самоотверженный труд наших рабочих стоял за этими сухими цифрами.

Получилось, что все три бригады перевыполнили свои обязательства, и мы как-то не сумели выявить победителя — все оказались победителями.

Мы, три бригадира, встретились в Москве, сначала в ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов, а потом у нас, в Зеленограде, на стройке. Поздравили друг друга с победой, пожали крепко руки, и Шевцов говорит:

— У меня такое чувство, будто собрались трое братьев и рассказывали о событиях в своих семьях.

Сериков человек вроде поостроже, он улыбнулся и ответил;

— Социалистическое соревнование, конечно, сближает людей.

А я добавил:

— Цементирует крепко.— Посмотрел на своих товарищей и добавил; — Много добрых, сердечных чувств вызывают вот такие встречи и такое соревнование, как у нас.

И мы вернулись к деловому разговору о наших социалистических обязательствах на 1974 год, которые у каждого из нас были уже готовы и обсуждены в бригадах.

Наша бригада обещала построить и сдать «под ключ» четыре жилых дома общей площадью 18,5 тысячи квадратных метров — сдать, конечно, все дома с оценкой не ниже «хорошо». Бригада Шевцова обязалась построить три дома общей площадью 27,2 тысячи квадратных метров, а бригада Серикова — на две с половиной месяца раньше срока закончить первый этап строительства Мурманского мясокомбината и дополнительно к плану выполнить строительно-монтажные работы на 100 тысяч рублей.

Мы брались все наши стройки завершить досрочно, к 1 октября.

Теперь арбитрами у нас стали ЦК нашего профсоюза и газета «Труд». Работники профсоюза выработали нам общие показатели для определения успеха нашей работы и выявления победителя.

Мы утвердили эти показатели и договорились о взаимном посещении бригад, чтобы перенимать опыт друг у друга и участвовать в подведении итогов. Организацию этих взаимных посещений и всё, что связано с ними, брал на себя ЦК профсоюза.

Сериков вёл себя очень самостоятельно, твёрдо, уверенно, Шевцов немного стеснялся, держался скромно, если и высказывал свои соображения, то делал это как-то очень деликатно. Он как бы уступал в разговоре первое место нам с Сериковым. Но когда стали обсуждать уже

конкретно наши сообразительства, Шевцов очень твёрдо сказал:

— Да, обязательства у нас большие, но мы их выполним.

На смуглом лбу у него легла упрямая складка, и лицо стало энергичным и волевым.

Мы решили отправить Трудовой рапорт Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза о наших достижениях в третьем году девятой пятилетки. Этот Трудовой рапорт был обсуждён на собраниях наших бригад и 31 декабря 1973 года опубликован в газете «Правда».

В это же время мы получили поздравительное приветствие ЦК КПСС нам, трём бригадам.

Собралась вся наша бригада. Партгруппорг Кириллов читал чётко, громко, торжественно: «Коллективам комплексных строительных бригад управления «Зеленоградстрой» Главмоспромстроя, треста № 20 Главленинградстроя, треста «Мурманскпромстрой» Минтяжстроя СССР, возглавляемых тт. Злобиным Н. А., Шевцовым И. С. и Сериковым В. П.».

Партгруппорг на минутку остановился и посмотрел на собравшихся. Стояла торжественная тишина, все лица серьёзные и радостные. Кириллов продолжал читать:

«Дорогие товарищи! Центральный Комитет КПСС, высоко оценивая результаты вашего самоотверженного труда, горячо поздравляет коллективы бригад с досрочным выполнением повышенных социалистических обязательств в третьем, решающем году девятой пятилетки.

Ваши коллективы первыми в стране включились во Всесоюзное социалистическое соревнование и выступили инициаторами быстрейшего ввода объектов в эксплуатацию с высоким качеством и наименьшими затратами. Этот добрый почин широко поддержан многими коллективами строителей и вылился в массовое патриотическое движение. Творчески развивая новую форму хозяйственного расчёта,

бескорыстно помогая друг другу внедрять всё новое, прогрессивное, вы досрочно выполнили пятилетнее задание по производительности труда, значительно снизили трудовые затраты и стоимость выполняемых работ.

Высокие производственные показатели, достигнутые вашими коллективами в третьем году пятилетки, и повышенные социалистические обязательства, принятые на 1974 год, являются достойным примером для всех строителей и показывают, какими огромными резервами располагает каждый трудовой коллектив, овладевший передовыми методами строительного производства и современными экономическими знаниями».

Кириллов читал, и лица людей делались всё светлее, а когда он кончил, вспыхнули громкие аплодисменты, а потом люди заговорили разом, поздравляли друг друга, смеялись, радовались.

Всей бригадой мы отпраздновали такую большую радость, как приветствие ЦК КПСС.

31 же декабря был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда Ивану Семёновичу Шевцову. Он награждался «за выдающиеся трудовые достижения, успешное выполнение социалистических обязательств третьего, решающего года пятилетки».

Мы у себя в бригаде все были рады этому Указу. Шевцова у нас любили — скромный, талантливый человек. Обязательства ленинградцы брали серьёзные, мы сами строили жилые дома и прекрасно понимали, какие были у них трудности, сколько нужно было силы, энергии и целеустремлённости, чтобы, преодолевая все эти трудности, выполнить свои соцобязательства. От имени всей бригады мы послали Ивану Семёновичу поздравительную телеграмму.

А соревнование наше продолжалось.

Мы были хорошо осведомлены, что делается у мурманчан и ленинградцев.

Бригада Серикова перешла на строительство мясокомбината.

Стройка эта была очень большая. Общая стоимость строительно-монтажных работ составляла более пяти миллионов.

Управление предложило Серикову дать им в помощь ещё одну бригаду, но он отказался. Бригада взяла на себя огромную ответственность — самим выстроить всю эту махину да ещё сократить срок ввода её в эксплуатацию. Всё строительство рассчитывалось на два года, и бригада должна была вести её в два этапа.

Чтобы оградить себя от неравномерного снабжения материалом, Сериков договорился с бригадой комбината, чтобы они взяли подряд на поставку полного комплекта сборного железобетона, предназначенного для главного корпуса. Бригада комбината взяла подряд, и Владислав Пахомович не знал горя с доставкой железобетона.

Но, конечно, и у его бригады жизнь не обошлась без трудностей — ведь им пришлось в суровых зимних условиях в скальном грунте закладывать фундаменты для всех производственных и вспомогательных корпусов. Были у них и другие трудности.

Во время нашей встречи, когда мы подводили итоги за первый квартал, Сериков рассказывал, что им пришлось очень трудно с получением железобетона для безбалочных перекрытий. А надо было им его ни больше ни меньше как полторы тысячи кубометров. Изготовить его было негде, отсутствовали пропарочные камеры.

— Вот тут пришлось нам задуматься,— рассказывал Сериков.— Мы знали, что если обратимся за помощью в главк или трест, то пройдёт не меньше года, а ждать нам было некогда. Комбинат стройконструкций брался нам помочь, но нужны были дополнительные пропарочные камеры. Строить их было некому. Подумали мы в бригаде, подумали и решили послать двадцать своих рабочих для строительства этих камер. Послали, и через два месяца камеры были готовы — вот так мы и вышли из этого затруднительного положения.

Много изобретательности, смекалки нужно было Серикову, чтобы работа шла у них быстро и хорошо. Им необходимо было сварить 80 тысяч стыков. Работа эта требовала большого времени, и в бригаде стали думать о том, как бы сократить время на сварке этих стыков. И придумали! Решили 50 тысяч сварить на сварочном полуавтомате. Поехали на «Судоверфь», посмотрели, как работали там эти полуавтоматы. Они им очень понравились, и строители сумели получить у треста 10 тысяч рублей, купили два полуавтомата, поместили их под двумя зонтиками, сделанными из простого рубероида, и работа закипела. Сварка пошла гораздо скорее. На этом они сократили много времени.

Не без трудностей шла работа и у Шевцова. Его бригада строила большой дом на Васильевском острове. Дом сооружали по индивидуальному плану и много мучились из-за дефектов документации, а также и из-за несвоевременной и некомплектной доставки материалов. Они решили создать у себя в бригаде диспетчерский штаб. Вошли в него «пробивные» ребята, они крепко взялись за заводы-поставщики, за трест, главк — и упорядочили поставки.

Зимой я был у Шевцова. Мы осматривали этаж за этажом, и он знакомил меня со своими рабочими. Я видел, какой был добрый и внимательный взгляд у Ивана Семёновича, когда смотрел он на своих строителей. Если кто-то начинал с ним говорить, он не торопил его, слушал серьёзно, не перебивая. Я видел в его больших чёрных глазах молчаливое одобрение, когда следил он за работой товарищей. И те прекрасно понимали его взгляд и улыбались своему бригадиру. Но, как я понял, он редко хвалил рабочих, никогда не заискивал перед ними, был строгим бригадиром, хотя и удивительно отзывчивым на всякую беду, которая приключалась с рабочими.

Сколько было гордости в голосе Ивана Семёновича, когда он меня знакомил со своими товарищами. 23 человека

в его бригаде были награждены орденами и медалями. Подвёл меня к крепкому, небольшого роста каменщику и представил:

— Мой заместитель, Алексей Григорьевич Крылов, за отличную работу награждён орденом Ленина,

Крылов откашлялся и густым, сильным басом спросил меня:

— А у вас как дела в бригаде? Слыхали мы, перебои у вас со снабжением стройматериалами?

— Перебои.

— Вот то-то и оно. Общее горе.

Потом помолчал и лукаво добавил:

— А мы думаем вас перегнать.

Я улыбнулся;

— А наши ребята настроены вас перегнать.

Лицо у Крылова стало серьёзным:

— Ну, это время покажет.

А потом Шевцов познакомил меня с женой Крылова, очень миловидной женщиной, с приятным добрым лицом, Валентиной Егоровной.

— Она у нас на все руки мастер,— говорит Иван Семёнович и с гордостью перечисляет: — Работает и стропальщицей, и подсобницей, а когда нужда есть, и мотористкой, и конопатчицей.

— Да вот думаем мы, как бы вас перегнать,— мягким, грудным голосом говорит Валентина Егоровна.— Такую цель себе поставили и думаем, что придёт время — перегоним вас.

— Что ж, старайтесь,— отвечаю ей,— Мы в своей бригаде тоже стараемся.

Потом мы остановились около каменщика Михаила Александровича Богданова. Знакомя меня с ним, Шевцов сказал:

— Награждён орденом, один из лучших наших каменщиков.

Мы стояли около Богданова и смотрели, как он работает.

Просто душа радовалась, когда я видел, как красиво, быстро он работал. В Ленинграде вообще каменщики первоклассные, кладка чудесная, достойная этого красивого, строгого города.

Потом мы остановились около другого каменщика, и его работой я был просто покорён — это был каменщик Гена Рудаков. Я с восхищением смотрел на его кладку кирпича, и Иван Семёнович, видя моё восхищение, пояснил:

— У нас Гена Рудаков победитель в конкурсе на звание лучшего каменщика. Выполнил он три дневные нормы с половиной, и кладка получила оценку «отлично».

Смотрел я, как работал Рудаков, и сказал:

— У меня таких мастеров нет.

Шевцов улыбнулся, и в его скупой улыбке было столько гордости, столько счастья, что я понял, как крепко спаян он со своим коллективом, как горячо его любит.

А скоро увидел жену Шевцова, Валентину Алексеевну, она старательно работала, целиком уйдя в своё дело. Мне показалось, что она и нас-то не увидела.

Но Шевцов, подойдя к ней, ласково сказал:

— Валя, а у нас гость, Николай Анатольевич.

Валентина Алексеевна тут же обернулась, и её милое лицо озарила ясная улыбка:

— Ой, как хорошо, что вы у нас! Стройку смотрите? Мы работаем вовсю, всё мечтаем вас обогнать. Надолго в Ленинград?

— Да завтра же уезжаю.

— А мы вас к себе приглашаем. Вы уж гостиницу покиньте, а то и в тот раз в гостинице проживали. А теперь к нам, почётным гостем будете.

Иван Семёнович мягко взял меня под руку и по-дружески, но решительно сказал:

— Мы вас в гостиницу не пустим. Только к себе.

— Как хозяева прикажут,— шутливо ответил я.

Когда мы отошли от Валентины Алексеевны, я спросил Шевцова:

— А жена ваша орден получила?

— Получила, «Знак Почёта».

Потом мы смотрели, как виртуозно работал электросварщик Иосиф Степанович Мончаковский, и Шевцов мне сказал:

— Первоклассный электросварщик, швы хоть напоказ, брака — никогда. Орденом Трудового Красного Знамени награждён.

Поднимаясь с этажа на этаж, я видел, как прекрасно здесь организована работа, сколько здесь выдумки, как внимательно следят за всем новым, что появляется в строительстве.

Увидел я у Шевцова и порядовку — инструмент, который помогает получить высокое качество кладки кирпича. Инструмент простой, изготовленный из дюраля, а вот далеко не везде его найдёшь.

Шевцов мне рассказал:

— Читал я как-то трестовскую многотиражку и обратил внимание на небольшую заметку о том, что каменщик Григорий Порфирьевич Краснопёров давно работает с порядовкой и кладка у него всегда отличная. Поехал я к Красноперову, благо отлично его знаю. Работал он на другом конце города, но для такого дела времени я не пожалел. Ну, Григорий Порфирьевич встретил меня как брата родного, порядовку дал и рассказал, что позаимствовал её у Короткова, известного ярославского каменщика. Вот теперь и мы работаем порядовкой, хороший инструмент, отличный. У нас уже многие её позаимствовали.

Показал мне Иван Семёнович и своего знаменитого «паука». Это интересное такелажное, приспособление — вроде пирамиды. Её рёбра — крепкие тросы с крючками на конце (вот его и прозвали «паук»). Он прекрасен для установки лестничных маршей в строго фиксированном положении.

— Узнал я об этом «пауке», поехал, посмотрел. Он мне понравился,— рассказывал Шевцов,— но большой, в кармане

не увезёшь. Сделал я чертёж и по нему заказал оснастку. Вот теперь он нам здорово помогает в работе.

Я смеюсь, говорю:

— Куда ни шагни, Ваня, всё у вас новинки. Смотришь, сердце радуется.

Лицо у Ивана Семёновича довольное, открытый человек, нравится мне в нём огромная душевная сила, энергия и большая любознательность. Думаю я так о Шевцове, а он мне показывает следующую новинку, это уже они сами придумали.

— Вы ведь знаете,— говорит он мне,— сколько бывает возни, когда приходится работать на лестнице, только и знай, что сколачивай специальные леса. А мы взяли да изготовили леса своей конструкции, видите сами: устанавливаем мы их, и получается у нас ровная площадка, никаких хлопот.

А потом показал он мне целую систему шаблонов, это мы у них уже позаимствовали.

На меня произвёл большое впечатление осмотр их стройки, начал я хвалить их бригаду, а Иван Семёнович вроде застеснялся и скромно так говорит:

— Да мы ваши последователи, идём по вашим следам.

— Э, нет,— отвечаю я ему,— уже вы не последователи, а скорее «преследователи», на пятки наступаете, того гляди, обгоните.

— Обогнать мы стремимся, это точно,— ответил Шевцов, и в глазах у него промелькнуло что-то вроде извинения, но он твёрдо сказал: — Крепко мы решили вас обогнать.

Шевцов подробно расспрашивал о нашей работе. Я рассказал, что сейчас мы приступили к строительству шестнадцатизэтажного дома серии П-68 в новом микрорайоне Зеленограда, что снабжение улучшилось и мы взяли хороший темп.

После того как я вернулся в Зеленоград, несколько наших рабочих поехали в Ленинград, в бригаду Шевцова,

чтобы посмотреть их новинки и ознакомиться с работой. За время нашего соревнования почти все мои товарищи побывали в бригаде у Шевцова.

В самом начале апреля мы, три бригадира — Сериков, Шевцов и я, собрались в Москве подвести итоги нашей работы за первый квартал 1974 года.

И у нас на стройплощадке в Зеленограде, и в ЦК профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов, и в редакции газеты «Труд» шёл серьёзный разговор о выполнении наших обязательств и о путях развития бригадного подряда.

Каждая из наших бригад выполнила свои обязательства, но всё же первое место заняла наша бригада.

На щите около бытовок Прокопенко повесил очередную сводку. Мы вышли на первое место, Сериков — на второе, Шевцов — на третье.

Мы к этому времени уже смонтировали семь с половиной этажей и шли с хорошим опережением срока — ведь мы решили сдать этот дом на 79 дней раньше и теперь прикидывали свои силы, чтобы выполнить взятое обязательство.

И Сериков и Шевцов внимательно обошли все этажи, поговорили с рабочими.

В редакции газеты «Труд» прежде всего нам был задан вопрос: как мы сами расцениваем соревнование наших трёх бригад?

Шевцов ответил:

— Что можно сказать о соревновании наших трёх бригад? Такое ощущение, будто мы на виду у всей страны, словно за нами очень внимательно следят тысячи бригад. Значит, нельзя топтаться на месте, путь один — только вперёд. И в этом помогает творческое содружество, деловое соперничество.

Потом он остановился на минутку, и лицо его стало ещё добрее, и голос зазвучал по-особенному:

— Дом, который мы сейчас строим на Васильевском

острове, часто называют морскими воротами Ленинграда. Мы дали обязательство построить его на два с половиной месяца раньше срока и слово своё сдержим, дом сдадим в этом квартале.

Пришла очередь мне говорить.

— Что ж,— говорю я,— наш трёхсторонний договор придал людям новый заряд бодрости, внёс азарт состязательности. Сначала мы хотели сократить строительство шестнадцатизэтажного дома, который возводит наша бригада, на 65 дней. Но потом пересмотрели это обязательство и решили сократить сроки ещё на 14 дней. Другой эффект договора — возможность перенять у соперников всё лучшее, передовое в организации работ. Вот, например, мурманчане сумели добиться того, что сооружение мясокомбината идёт строго по технологии: сначала прокладывались тепловые сети, ливневая канализация, а потом сооружались уже фундаменты и корпуса зданий. Вот такого порядка мы все должны добиваться. Или другой пример. Сериков сумел заключить договор с субподрядными организациями, что нам ещё не удавалось.

Сериков также высоко оценил наше соревнование.

Потом пошёл разговор о том, каким должен быть бригадир в новых условиях, и тут Шевцов выразил общее наше мнение. Он сказал, что бригадир должен теперь уметь мыслить инженерными категориями, должен быть прекрасным организатором, волевым, сильным, должен быть и педагогом, уметь воспитывать и влиять на членов своей бригады.

Далее мы пришли к заключению, что правильнее было бы сократить число линейных инженерно-технических работников на участке, но усилить группы подготовки производства в строительном управлении, чтобы вся техническая документация приходила вовремя и без ошибок.

На следующий день Шевцов и Сериков уехали домой.

Наше соревнование вызвало широкий интерес среди строителей страны. Я получал массу писем из различнейших

городов и строек. Меня спрашивали, как идёт соревнование, что мы делаем, чтобы обогнать своих соперников, как идут дела у нас на стройке. В общем, это были наши болельщики.

Бригадир одной строительной бригады с Урала Константин Шапов писал мне по поручению своей бригады аккуратно каждый месяц. В первом письме он сообщал^ «Я бригадир комплексной комсомольско-молодёжной бригады, строим мы ответственный объект. Хотели бы перейти на бригадный подряд и быть вашими последователями. И вы для нас настоящий образец, мы берём пример с вашей бригады. Мы следим за вашим соревнованием с Шевцовым и Сериковым и болеем за вас. Мы уверены, что вы будете победителями. Мы очень хотим с вами дружить.

Все наши комсомольцы шлют вам привет, бригада наша большая, 48 человек, все молодые, мы завоевали звание бригады коммунистического труда. Взяли мы большие обязательства и уверяем вас, что их выполним.

По поручению бригады: бригадир Костя Шапов
комсорг Витя Смирнов».

Меня очень тронуло письмо Кости Шапова и радовало, что комсомольско-молодёжная бригада хочет перейти на подряд. Я сообщил им о ходе нашего строительства, о встречах с Шевцовым и Сериковым, о нашем соцсоревновании и подробно рассказал о подряде.

Но не только далёкие друзья следили за нашим соревнованием, им живо интересовались строители «Зеленоградстроя».

После того как стали известны результаты соревнования за первый квартал, нашу бригаду тепло поздравили зеленоградцы. В актовом зале управления «Зеленоградстрой» собралось много зеленоградских строителей. Пригласили всю нашу бригаду и торжественно вручили нам за победу в первом квартале Почётную грамоту ВЦСПС.

В июле, по итогам второго квартала, мы встретились

уже в Ленинграде, Опять съехались три бригадира. Обычно собирались по пятницам, чтобы наши встречи не отражались на работе — суббота и воскресенье выходные дни. Мы вели деловой разговор об итогах квартала, делились опытом, говорили о недостатках и о том, как лучше их преодолеть.

Теперь лидерство перешло к Серикову. Его бригада обогнала нас и бригаду Шевцова и по выработке на одного рабочего, и по выполнению плана строительно-монтажных работ.

Надо прямо сказать: бригада наша расстроилась, хотя прекрасно всё понимали, что мы не только выполняем, но и перевыполняем свои обязательства и соревнуемся с сильнейшими бригадами, которые мало в чём нам уступают. Прошли у нас общее и партийное собрания, настроение у всех было одно — добиться первенства.

В это время в моей жизни произошло большое событие— меня избрали депутатом Верховного Совета СССР и на первой сессии — членом Президиума Верховного Совета СССР.

Меня горячо поздравили мои друзья, а с далёкого Урала я получил письмо от бригады Кости Шапова. Они писали мне:

«Николай Анатольевич, вся наша комсомольско-молодёжная бригада горячо вас поздравляет с избранием депутатом Верховного Совета СССР и членом Президиума. Мы смотрим на вас как на нашего представителя в верховном органе власти, представителя строителей; сообщаем вам, что мы перешли на бригадный подряд и работаем так, чтобы его не опозорить. Очень стараемся.

А ещё мы хотели вам сообщить, что у нас состоялась комсомольская свадьба — каменщик Николай Нагибин женился на подсобнице Насте Крыловой. Была большая свадьба, очень весёлая, было много поздравлений в честь жениха и невесты, а жених напомнил всем о вас, нашем представителе в верховном органе власти и нашем учителе,

мы все с радостью поддержали его похвалу вам и вашей бригаде. Отпишите, как дела у вас на стройке.

По поручению бригады: бригадир Костя Шапов
комсорг Витя Смирнов».

Стройка есть стройка — много у нас было трудностей, неприятностей, всяких трений, но бригада упорно шла вперёд, и 12 августа мы закончили годовой план. Выполнили строительно-монтажные работы на один миллион четыреста пятнадцать тысяч рублей — это та цифра, которую бригада в своём соцобязательстве обещала выполнить к 1 октября.

Конечно, в бригаде был настоящий праздник. В воскресенье мы сообща отпраздновали победу. Успехи у нас были хорошие, но... всё же нас обогнали — и в этот раз бригада Шевцова.

Да, соцсоревнование было острым, проходило с большим накалом. Мне звонили из Мурманска, товарищи решили рапортовать Родине о досрочном выполнении годового плана. Я, конечно, тут же дал согласие на это. И Охрименко привёз из Ленинграда текст рапорта, который они обсудили на собрании бригады Шевцова. Рапорт, как всегда, читал наш партгруппорг Кириллов:

«Мы рады рапортовать Родине, что своё слово — досрочно в третьем квартале завершить выполнение годового плана — наши коллективы сдержали. Уже в середине третьего квартала годовой план выполнила бригада Н. Злобина, в последних числах сентября завершили его бригады И. Шевцова и В. Серикова.

Что помогает нам добиваться таких результатов? Главное в том, что трудимся мы по методу бригадного подряда, который и открывает широкие возможности для эффективного, подлинно творческого труда, создаёт хорошие условия для налаживания в бригаде строгой трудовой и технологической дисциплины. Вот лишь один пример. В Ленинграде средняя выработка каменщика — около трёх кубометров кирпича, в целом по стране этот

показатель ещё ниже, а в бригаде И. Шевцова каменщик укладывает пять кубометров кирпича. Вот что такое подряд в действии.

И конечно, огромную роль играет соревнование. Мы учимся друг у друга, постоянно интересуемся, как трудятся товарищи-соперники. Каждая бригада старается работать так, чтобы не отстать...

Нужно в первую очередь, чтоб всё большее число коллективов ориентировалось на проверенный делом метод бригадного подряда. Пока же, к сожалению, только немногим более шести процентов от всех наших строительных бригад приняли на вооружение этот прогрессивный метод. Это значит, что огромный резерв наших строек пока ещё используется не полностью. Хотя совершенно ясно — и мы знаем это по собственному опыту,— что бригадный подряд — самая верная дорога к быстрейшему повышению эффективности строительного производства, улучшению качества, сокращению сроков возведения объектов.

Мы обращаемся к товарищам по труду, руководителям бригад: готовьте свои коллективы к работе на подряде, заранее изучайте все его особенности. Пусть забота о широком внедрении передового метода станет повседневным делом профсоюзных комитетов. Мы обращаемся к хозяйственным руководителям: создавайте условия для перехода бригад на работу по новому методу».

Когда Кириллов кончил читать, все проголосовали за этот рапорт, и вскоре он был опубликован в газете «Труд» за подписью всех трёх бригадиров.

И снова волна писем. В большинстве из них сообщалось о переходе бригад на подряд, но было много и таких, где с болью и обидой рассказывалось о том, как администрация срывала бригадный подряд. Вот одно из них:

«Уважаемый товарищ Злобин. Вы теперь депутат Верховного Совета СССР, вы выступаете за подряд, читали мы в газете «Труд» ваш рапорт, подписанный и вами, и Сериковым, и Шевцовым, в нём вы призывали и нас, бригадиров, и наших хозяйственных руководителей внедрять

подряд. Так вот послушайте, что выделывают хозяйственники и руководители, что засели в нашем управлении.

Решили мы всей бригадой перейти на подряд. Обдумали всё, прикинули, бригада у нас хорошая, пьяниц и шабашников нету. Ну, заявили мы о своём желании в управление. Там нас чуть не целуют. Тут же статеечку в областной газете напечатали, мол, вот какие мы, в управлении, хорошие, поддерживаем бригадный подряд, и комплексная бригада Григория Тихонова переходит на подряд. Ну всё чин чинком, подписали договор, начали строить двенадцатиэтажный дом,— тебе тут и раствор вовремя, и кирпич, в общем, всё по графику. Душа не нарадуется, мы уже опережали срок строительства на 45 дней, и вдруг — баста! Была какая-то комиссия, обследовала строительство другого объекта, там дело было — дрянь! Стройка еле дышала, с хрипотцой. Ну, нашему управлению и всыпали по пятое число. И они с испугу ли, или по слабоумию взяли и нас перебросили на этот отстающий объект. Мы протестовать, кричать: мы на подряде, а начальник управления говорит — мне, мол, плевать на ваш подряд, мне объект надо вытягивать. Честное слово даю, так и сказал — плевать мне на ваш подряд. И перебросили нас на этот объект, а дом наш, который мы строили по подряду, так сиротинкой и стоит, никто его не строит, а ведь мы так хорошо начали, так старались, ведь мы уже сократили срок на 45 дней, а вот на тебе — всё сорвали, всё опоганили. Просим вас как депутата и отца бригадного подряда — поставьте где надо о нас вопрос, помогите нам, мы за бригадный подряд, и пусть нам никто не мешает».

Я как депутат Верховного Совета СССР дал ход этому письму, оно разбиралось на месте в обкоме партии, начальнику управления было вынесено взыскание, а бригада Тихонова по-настоящему перешла на подряд.

Получил я письмо от Константина Шапова с Урала:

«Уважаемый Николай Анатольевич. Мы в бригаде внимательно изучили итоги работы за третий квартал ваших

трёх бригад. Не совсем поняли, почему Шевцов перегнал вас в сокращении сроков строительства — правда, ненамного, всего на 7 дней, но всё-таки обогнал. Удивились, почему бригада Серикова так намного в этом пункте отстала и от вас и от Шевцова. Поди, было какое-нибудь ЧП. Напишем ему и спросим. Ну, в выполнении плана вы их всех намного обогнали. Это мы тоже отметили. А ещё напишите нам, почему вы на 13 процентов отстаёте от Шевцова в выработке на одного рабочего, а от Серикова вы тут отстаёте на 30,7 процента. Напишите обязательно, это будет для нас поучительно.

У нас в бригаде дела такие: сдали мы двенадцатизэтажный дом на 85 дней раньше срока, экономия 19 тысяч рублей, оценка хорошая.

По поручению бригады: бригадир Костя Шапов
комсорг Витя Смирнов».

Мы получили много писем, в которых нас просили рассказать, почему мы уступили первое место ленинградцам. Действительно, за нашим соревнованием следили многие строители. Эти письма мы читали в бригаде, обсуждали.

И итоги за третий квартал, и эти дружеские и, может быть, даже встревоженные письма имели определённое влияние на строителей — работали все больше, чем добросовестно, экономили каждую минуту, ввели в жизнь три рацпредложения, ускоряющих работу. Всё это, конечно, отразилось на работе, дало положительные результаты.

Кончился 1974 год. ЦК профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов и редакция газеты «Труд» подвели итоги соцсоревнования наших трёх бригад.

У нас на стройке царило удовлетворение и даже ликование. Ныне листок с итогами, который Прокопенко приколот к щиту, был особенно красиво оформлен — с нарисованными большим красным флагом и яркими цветами.

Итак, по итогам 1974 года наша бригада вышла на первое место.

И опять письма, письма, письма. А бригада Константина

Шапова прислала даже телеграмму: «Поздравляем, в восторге, жмём руки, продолжаем работать бригадному подряду, имеем успехи. Подробности письмом. Бригада Шапова».

Мы продолжали соревноваться с бригадами Шевцова и Серикова.

В июне 1975 года корреспондент «Правды» провёл с нами интервью. Одним из главных вопросов, заданных нам, был вопрос о том, что, по нашему мнению, мешает широкому распространению бригадного подряда.

Я ответил, что несколько лет назад выступил в «Правде» со статьёй, где рассказал о первых шагах бригадного подряда, о проблемах, которые мешают его массовому внедрению. С тех пор многое сделано. Но вопросы улучшения снабжения строек, более чёткого взаимодействия со смежниками и ряд других по-прежнему ждут окончательного решения.

Владислав Пахомович Сериков не задумываясь ответил на этот вопрос, видимо, он много размышлял об этом и имел определённое мнение. Он сказал:

— Одна ласточка погоды не делает. Так и одна-две бригады, работающие по методу Н. А. Злобина, не в состоянии «вытянуть» план строительного управления. Кроме того, в коллективах создаётся не совсем нормальная обстановка из-за того, что хозрасчётным бригадам руководители уделяют больше внимания. Как быть?

Скажу, что ответ на вопрос мы дали исчерпывающий. В нашем строительном управлении сейчас вместо девяти осталось четыре бригады, но крепких, работоспособных. Значительно сократился штат, а план возрос. И как показывают итоги пяти месяцев, он выполняется успешно. Теперь все бригады на подряде, трудятся споро, дружно, широко развивая соревнование... Размышляя о дальнейшей судьбе бригадного хозрасчёта, пришёл к убеждению, что пора расширять его границы. Речь идёт о переводе на этот метод строительных управлений в целом.

С нашим мнением Иван Семёнович Шевцов был совершенно согласен, он добавил:

— Одно беспокоит. Возводила бригада дом, а с нами рядом трудилась другая, не на подряде. Мы закончили работу за три с половиной месяца. Соседи же едва уложились в полгода. Почему же они не переходят на подряд? Беда в том, что заводы, поставляющие материалы, ещё не перестраиваются, планирование ведётся по старинке. Мы идём с опережением графика, работаем в три смены. А для предприятий такой режим — только лишние хлопоты. У них одна смена. Бетон, кирпич, транспорт для перевозки грузов иной раз приходится «выколачивать». Вот строители и побаиваются: возьму, мол, подряд, а что получится? Сегодня раствор не подвезут, завтра кирпича не будет. Надо решительнее менять устаревшие методы хозяйствования, улучшать работу предприятий-поставщиков, теснее увязывать их планы с нашими.

Да, прав Шевцов — надо решительно менять в нашем строительном деле устаревшие методы хозяйствования. Только тогда бригадный подряд охватит все стройки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Он стоял, широко расставив крепкие ноги, высокий, худощавый, с решительным, разгневанным лицом.

— Это же ни в какие ворота не лезет! — возбуждённо говорил он. — Николай Анатольевич, ну вот как тут быть?

— Возмутительно! — отозвался я и внимательно посмотрел на Бориса Щеглова. Он возмужал, стал крепким, лицо волевое, глаза злые.

Накануне он позвонил мне на стройку и попросил разрешения встретиться срочно, не откладывая.

— Вечером у меня партсобрание,— отвечаю ему,— завтра суббота, выходной, приезжай домой, посидим, поговорим.

И вот он приехал весь взъерошенный и злой. Я очень быстро заразился его гневом. Борис рассказывал:

— Строим мы четырнадцатизэтажный дом по бригадному подряду. Это уже третий дом по подряду. Те два сдали нормально, сроки сдачи сократили по каждому дому на 68 дней, экономия по 24 тысячи рублей, оценка Госкомиссии хорошая, в общем, всё нормально. Строим мы этот, ну конечно, как всегда, с доставкой материалов тянули резину, мы выбивали, но без дела не сидели — не одну, так другую работу делали. И видим мы, что намного опережаем срок сдачи, я к начальству — так, мол, и так, скажите, какой следующий объект будем строить? А мне отвечают, да ещё с такой прохладцей: «Не знаем. Рано пришёл спрашивать». Я по-хорошему объясняю: должны мы знать свой следующий объект, чтобы к нему подготовиться, ведь

мы на подряде, и нужно бы нам заранее знать, хотя бы на год вперёд, что мы будем строить. А тут прошу за несколько месяцев вперёд сообщить, что и как,— ведь успешная работа требует подготовки. Мне один ответ: «Рано пришёл, сами ещё ничего не знаем. Приходи попозже». Я через неделю, через две, три — ответ один и тот же. А мы себе строим и строим, ведём дом к сдаче, и нужно нам начинать монтировать следующий. Тут я устроил им маленькое землетрясение — дали нам объект, пошёл я туда. Мама родная, да за нулевой цикл ещё, можно сказать, никто по-настоящему и не брался. Мне в управлении говорят: берись за «нулёвку», берись! А меня вот как обида берёт! Пять месяцев просил, чтобы назвали объект. Да знай мы раньше, что нам нулевой цикл строить, мы не так свои силы распределили бы, давно взяли бы за «нулёвку», послали бы туда часть рабочих! Так нет, не говорили черти! Ведь обидно: сколько времени потеряли!

Я понимаю Бориса, горячо сочувствую ему, ведь для того чтобы правильно организовать свою работу, должны мы заранее знать свои объекты. Неужто нельзя спланировать очерёдность объектов на год, на два? Да можно!

Задумался я, а Борис меня теребит — то ходит нервно по комнате, то встанет напротив меня и смотрит в упор, будто я могу чем-то помочь.

— Вы, Николай Анатольевич, дальше слушайте. Предположим, возьмёмся мы за «нулёвку», а документации на стройку нет. Вы же сами знаете, что, прежде чем начать строить дом, мы должны заблаговременно получить от производственно-технического отдела проектно-сметную документацию, график работ, расчёт требуемых материалов и порядок их поставок, лимитно-заборные карты. Ведь мы должны иметь эту документацию, чтобы распределить свои силы, иметь полное представление о всём объёме работы, об этапах её и сроках. Чёрт же возьми, дают объект, когда не имеют никакой документации. Ведь эта документация должна быть при любой стройке, а уж при подряде

так сам бог велел! Нет, чинушам на всё это наплевать! Им дела нет, что уходят сроки. Я отказался от этого дома, а они говорят: «Другого объекта сейчас нет, беритесь за этот, вы справитесь, вы на подряде, пока «нулёвку» будете делать, документация поспеет». Я ни в какую. А тут бригада приуныла. Говорят — бери, коли другого объекта нет. А у меня вся душа протестует. Ну что, что делать?

— Обидно,— соглашаюсь я,— и не только обидно, возмутительно. А договор с тобой на этот дом не заключили?

— Как же, всё подготовлено, только подпиши.

— Но ведь к договору должна прилагаться техническая документация, разработанная строительным управлением, и в ней должен быть определён объём, содержание и последовательность выполняемой работы, должен быть график работы. Как же они без этой документации будут заключать с тобой договор?

— А вот так, что хотят, то и делают. И ещё грозят — нет, мол, другого объекта, нет, сиди тогда без дела. Напирают, понимаешь, напирают!

— Да, Борис, дело серьёзное, не дадут они тебе другой объект. Это ясно. Бери дом, но с одним условием — через месяц вся документация должна быть готова. Пусть в договоре с вами этот пункт обусловят.

Но не так-то легко было успокоить Бориса. Наконец сел на диван. Замолчал. Потом упавшим голосом сказал:

— Придётся дом брать. Как не верти, а дело верши.

После ухода Бориса я долго не мог успокоиться. Такая неразбериха в нашем строительном деле меня просто выводит из себя. Ведь сколько народных денег летит на ветер! Бригада, работающая по подряду, обязательно должна знать, что она будет строить через месяц, полгода, год, а лучше всего — через два-три года.

Надо же понимать, что планирование — основа любого подряда. И там, где об этом забывают, говорить всерьёз о хозяйственном расчёте нельзя. А многие хозяйственники

кричат о подряде, не заботясь о планировании. Вот и получается такое безобразие, как с Борисом Щегловым.

Петя Матвеев теперь учился в строительном ПТУ и очень этим гордился. С ним вместе, как я уже писал, в это ПТУ поступили из их класса ещё десять мальчиков. Петька у них коновод. Как-то получил он у меня разрешение и привёл своих товарищей к нам на стройку.

Я видел, как Петька по-командирски обращался с товарищами и те беспрекословно слушались его. А Петька вёл себя очень свободно, даже чуть развязно, принимая как должное отношение своих товарищей.

Я, поди, часа два водил их по всем этажам, показывал нашу работу, многое пояснял, рассказывал о наших лучших строителях:

Петька горделиво сказал:

— Вот кончу ПТУ и приду сюда работать.

Ребята явно ему завидовали.

Петька любил теперь говорить: «Мы — строители».

Я хотел показать ему, что такое нулевой цикл, и как-то, сговорившись с ним, поехали к Борису. Всю дорогу к Щеглову парень расспрашивал меня о нём, о его бригаде, почему они на «нулёвке»,— ему было всё интересно, и он просто измучил меня своими вопросами.

А мне хотелось не только показать Петьке работу на «нулёвке». Я думал, что, может быть, у Бориса есть какие-нибудь трудности и я на месте посоветую или помогу ему чем-нибудь.

Борис первый увидел нас. Он бросился ко мне, крепко пожал руку и, улыбаясь, быстро заговорил:

— Мы здесь будь здоров развернулись. Видите, как нас подвели: монтаж фундамента, можно сказать, и не начали, площадки для складирования материала и подъездные пути не сделали, а это, вон видите, траншеи для

подъездных коммуникаций — их не зарыли. Как тут развернёшь работы полным ходом?

Тут к Борису подошёл Митя Коновод. Петька с восхищением поглядел на него — Митя высокий, здоровенный, плечистый, а простое лицо его, с широко расставленными глазами, добродушное и ласковое, сейчас сияло.

— Это Злобин к нам в гости пришёл? Эх, здорово! Соберём бригаду?

— Это к чему же? — удивился я.

— Для поднятия духа, — широко улыбаясь, говорит Митя.— Вы нам нужное слово скажете.

— Да нет, Митя, погоди,— остановил я его.— Мы вот сначала посмотрим, как дела идут, какие трудности. Может, вместе подумаем что, как.

Борис с досадой махнул рукой, добавил:

— Кто разберётся в этой каше? — Потом, обернувшись ко мне, уже другим голосом сказал: — Обойдём площадку, посмотрим.

Митя ходил с нами, Борис уже шутил, Митя ругал тех, кто не сдаёт вовремя «нулёвку». Потом мы сидели в бытовке и обсуждали всё, что видели. Я дал Борису несколько советов, но дело было не в них — мне хотелось придать ему крепкий заряд бодрости. Борис слушал меня охотно, рассказывал о своих планах — как скорее закончить нулевой цикл. Митя согласно кивал головой.

Потом собрали бригаду, поговорили о темпе работы. Бригада мне понравилась — в основном здесь были молодые ребята, большинство из деревень. Ребята работающие, активные. Разговор шёл живо.

Борис с явной радостью и гордостью знакомил меня с рабочими.

— Это наш Саша Иванов,— говорил он, показывая на молодого и ладного парня,— у нас ведь совмещение профессий, Саша плотник-бетонщик. А вот Валентин Смирнов штукатур-плиточник, а Лёня Егоров сварщик-монтажник.

Лёня Егоров, похлопывая по плечу здорового детину, который стоял рядом с ним, пояснил:

— Наш Валерик Кузнецов тоже сварщик-монтажник, знатный специалист.

— А Ванюшка Корчагин знатный плотник-бетонщик,— забасил здоровяк Валерик.

И по тому, как они представляли мне друг друга, как рассказывали о своей стройке и своих успехах и бедах, чувствовалось, какая спаянная и дружная эта бригада.

Всю дорогу от Бориса я вспоминал его пословицу: «Не в том дело, что овца волка съела, а в том дело, как она его ела». Как получилось, что нулевой цикл не был сделан, ведь срок-то прошёл. Кто виноват, куда идут корни?

Бригада Бориса может горы свернуть, дай ей нормальные условия работы. Они дадут невиданный процент производительности труда, поди, процентов двести! Ан, нет у него этих нормальных условий труда, и никто не несёт за это никакой ответственности. Вот она — эта бесхозяйственность, которая так меня возмущает.

В этот раз Борису пришлось туго. Документация пришла с опозданием на три месяца. Материалы поступали плохо: то некомплектные, то с браком, то с большим опозданием. Борис, Митя и прораб изрядно потрепали себе нервы с этакой доставкой. И всё же, невзирая на все эти трудности, бригада выстроила дом на 20 дней раньше срока, сэкономив 10 тысяч рублей. Дом сдала с оценкой «хорошо».

И вот тут Борису был нанесён тяжёлый удар. На каком-то совещании начальник управления, говоря о внедрении бригадного подряда, сказал, что бригады, работающие на бригадном подряде, должны добиваться не таких результатов, «как так называемая подрядная бригада» Бориса Щеглова, Мол, шума много, а результатов — «кот наплакал».

Ну тут Борис не выдержал, выступил резко, смело.

Рассказал о работе на первых двух домах, построенных его бригадой по подряду, и об итогах строительства последнего дома. Здесь он не скупился на слова, рассказывая, как не готова была «нулёвка», как запоздала документация, как из рук вон плохо их снабжали материалами. В самых твёрдых тонах критиковал управление, а заодно и трест. Бориса дружно поддержали присутствующие на заседании рабочие и инженеры.

Дело кончилось тем, что Щеглову пришлось уйти из этого управления. Доняли его мелочными, грубыми придирками. Перешёл он в другой трест. Вместе с ним на новое место перешли и Митя Коновод и ещё шесть лучших строителей. Теперь Борис бригадирствовал где-то на Юго-Западе Москвы и работал по бригадному подряду. Дело у них шло хорошо.

Я был у него несколько раз, последний — с Петей. Мальчик бывал часто на разных стройках, всё его интересовало, только ни разу не был он на стройке у отца. При упоминании о нём хмурился, сердился. Когда и почему наступил у него этот перелом, я не знаю.

Однажды мы были у Матвеевых на именинах Петьки.

Тамара обратила моё внимание на Ксению:

— Посмотри, что с ней делается? Какая-то вся встревоженная, то весёлая, то грустная.

Я посмотрел на Ксюшу. Действительно, она была в каком-то приподнятом настроении и, видимо, кого-то ждала, выбегала в переднюю на все звонки.

И вскоре тот, кого ждала Ксения, пришёл. Это был мужчина лет сорока, среднего роста, широкоплечий, сильный, с крупными, немного резковатыми чертами лица. Большие и глубокие глаза внимательно смотрели на мир.

Ксюша просияла. Милая девушка, она ещё не умела скрывать свои чувства, и они сквозили во всех чертах её лица. Она была счастлива. Представляя нам гостя, она с восхищением смотрела на него:

— Григорий Александрович Орлов,

Орлов поклонился и дружески пожал нам всем руки, а узнав, что я Злобин, приветливо улыбнулся.

— Ксения Фёдоровна мне много о вас рассказывала,— сказал он,— она считает вас своим духовным отцом. Очень интересуется вашей работой, говорит, что если бы не решила стать врачом, то обязательно была бы строителем.

— А вы кто по профессии? — спросил я его.

— Я физик, работаю в научно-исследовательском институте.

— Он доктор наук,— с восхищением пояснил Петька, который сразу прилип к физика, как только тот вошёл,— учёный, у него ордена есть, сам видел.

Григорий Александрович рассмеялся, смех у него был добрый, располагающий.

— Как-то вызвали меня к начальству,— пояснил он,— пришлось быть во всём параде, вот Петя меня и увидел такого «официального»...

Поговорив немного с нами, Орлов подошёл к Ксении, которая в это время расставляла на столе угощение. Я видел, как преобразилось его лицо — стало мягким, добрым, и как бы в ответ просияла Ксения.

«Всё ясно,— подумал я.— Но что он за человек? Уже немолод. Холост ли он? Наверно, женат, как же тогда Ксения?»

Тут мои мысли прервала Клава. Она изменилась за эти годы, стала как-то мягче, добрее и очень похорошела. У них с Евграфом Ивановичем родился второй ребёнок — девочка, которую они назвали Олечкой. Девочка была резвой, хорошенькой и приносила родителям много радости. Материнство пошло на пользу Клаве. Пропала резкость в её движениях, они стали плавными, спокойными, и голос стал мягким, приятным. Во всех её чертах сквозило спокойное, твёрдое счастье. Евграф Иванович души не чаял в Клаве, баловал и нежил её — в общем, у них было полное семейное счастье.

Клава, будучи сама счастливой, хотела, чтобы все окружающие

её люди тоже были счастливыми. Она привязалась к Ксюше и, мне казалось, питала к ней почти материнские чувства. И сейчас Клава волновалась, не обидит ли этот самый Григорий Александрович Ксюшу,

— Если только он, подлец, женат, да я разорву его на части, Николай, ты только посмотри на Ксюшеньку — ведь влюбилась в него, сразу видно! Ну подожди, подсяду-ка я к этому самому физику да всё у него и выпытаю. Уж ему от меня не отвертеться.

Своё намерение она, конечно, выполнила и после ужина, когда начались танцы, затащила меня в дальний угол и зашептала:

— Ну, всё узнала, всё выпытала. Три года тому назад развёлся он с женой. Официально. Жена его бывшая — инженер. Живёт этот физик один в кооперативной однокомнатной квартире. Комната 21 квадратный метр, кухня 10 метров, большая лоджия.

— А дети-то есть у него? — спросил я Клаву.

— Дети? — спросила та, — Не знаю, да если бы были, он сказал бы. А он ничего не сказал...

— А где же он с Ксенией познакомился?

— Да это она мне сама рассказала. Когда она проходила практику в клинике, Орлов ходил туда к своему школьному товарищу, Вот там-то, в клинике, этот самый Орлов и заприметил Ксеню. Конечно, губа не дура. Такую красавицу да не приметить. А спросить, какие у него намерения насчёт Ксении, вроде ещё неудобно...

О намерениях Орлова скоро стало известно. Он сделал Ксении предложение. И тут совершенно неожиданно для всех каменной стеной встала Валентина. Я не ожидал от неё такой твёрдости. Она воспротивилась этому браку.

Ксения растерялась, бросилась к нам за помощью. Поехал я к Валентине. Только заговорил я об Орлове, как её лицо окаменело.

— Только через мой труп, — строго сказала она, поджав тонкие губы.

— Да в чём дело, Валя? Почему вы против? Чем вам не нравится Григорий Александрович?

И вдруг Валентина заплакала:

— Ксения всю душу мне надорвала, теперь вы. Не против я Орлова, Да боюсь, не верю я ему,— женится да бросит. Дети появятся, а он бросит. Бросил же первую жену. А Ксения ещё не самостоятельная, что делать будет? Родит, учёбу бросит, останется недоучкой и будет с дитём мучиться, как я. Нет, пускай сначала институт кончит, врачом станет, а тогда уж и замуж идёт. Всего полтора года осталось учиться, коли любят друг друга — подождут. А сейчас не дам согласия. Не послушается — в Москву-реку брошусь. Сказала слово — брошусь. Тогда пусть с таким грехом живёт.

И хотя я пришёл с другой целью — уговорить Валентину, но в её словах вдруг почувствовал правду и невольно встал на её сторону.

— А через полтора года вы не будете препятствовать этому браку? — спросил я её.

— Нет, пусть за кого хочет выходит — слова не скажу. Её воля. А Орлов что ж, человек как человек, немного староват для Ксении, да это её дело. Лишь бы счастлива была.

Валя стёрла со щёк слёзы, и лицо её приняло обычное, какое-то робкое, нерешительное выражение. Долго ещё мы беседовали, в конце концов пообещал я Валентине поговорить и с Ксюшей и с Орловым. Если любят понастоящему, полтора года их не разлучат.

Разговор с Ксенией был для меня и Тамары очень тяжёлый.

— Мать права. Сначала надо окончить институт, получить диплом врача,— сказал я девушке.

— Ты же знаешь, как мы тебя крепко любим,— поддержала меня Тамара,— мы хотим тебе только добра, Если он тебя так сильно любит, как ты говоришь, то полтора года это не срок, он подождёт тебя. Ну, а коли любовь

пройдёт за это время, то это уже не любовь. Поверь мне.

— Ксения, мы же не враги тебе,— продолжал я.— Ты не раз называла меня отцом, поверь нам и не горюй. Ну чего ты молчишь?

И долго молчавшая Ксения заговорила — тихо и медленно, будто сама с собой, и этот полужёпот больно отзывался у меня в сердце.

— Я люблю его, я не могу сказать, как сильно я люблю его, он один для меня всё. Я знала, что найду своего Артура Грэя,— и я нашла его. Всё, кроме него, потеряло для меня всякую цену. Когда я остаюсь без него, мучаюсь, не нахожу себе места, а когда он приходит, жизнь вспыхивает во мне...

— Ты всё мечтаешь,— так же тихо, как Ксения, ответил я ей,— а ведь ты мечтала уехать далеко на Север и лечить там сильных и мужественных людей. А ведь он не сможет поехать туда, как я понял,— здесь его работа, на Севере ему нечего делать.

Ксюша посмотрела мне прямо в глаза, ответила с силой:

— Правильно. И я никогда не оторву его от любимого дела. Ради него я отказываюсь от Севера.

Слушая Ксению, я представил себе Григория Александровича, он как живой встал в моём воображении — широкоплечий, сильный, с решительными, немного резковатыми чертами лица, густые чёрные брови, высокий гладкий лоб, резко очерченные упрямые губы и большие умные глаза. Да, можно понять Ксению, он мог покорить её воображение, завоевать её сердце.

Наконец Ксения сказала:

— Я знаю мать. Коли выйду замуж — бросится она в Москву-реку. Она только кажется такой слабой и нерешительной, а на самом деле сильная. Настойт на своём.— Потом Ксения тяжело вздохнула, как старый, измученный человек:— Не выйду я замуж. Будем ждать полтора года, только я знаю, что всё потеряю! Всё!

Она сказала это горестно и убеждённо, мне стало даже страшно за неё, я спросил:

- Ты думаешь, он не выдержит этого срока?
- Он любит меня, только я чего-то страшно боюсь,— ответила Ксения.

Предчувствия не обманули её, но об этом я расскажу дальше.

После этого разговора я редко её видел, была напряжённая работа на стройке, и в это время у меня было несколько серьёзных командировок. В Таллин я выехал вместе с группой московских специалистов. Программа у нас была очень напряжённая. Мы побывали на многих стройках города, встречались с коллективами комплексных строительных бригад, с руководителями строительных организаций. Пришлось много выступать, рассказывать о работе нашей бригады. Были мы и на приёме у первого заместителя Председателя Совета Министров Эстонской ССР, и здесь шёл разговор о бригадном подряде.

Не менее интересной и полезной была моя поездка на КамАЗ в апреле 1974 года. Этому предшествовал приезд камазовцев к нам в Москву.

А потом пришло приглашение встретиться с его строителями. Во Дворце культуры «Энергетик» собрались бригадиры строек, прорабы, мастера, начальники участков, партийные, комсомольские и профсоюзные работники. Обсуждался вопрос о выполнении встречного плана определяющего года пятилетки, о повышении эффективности производства.

Вопрос обсуждался всесторонне, и в частности говорилось о необходимости шире внедрять бригадный подряд. Мне было предоставлено слово, и я довольно подробно изложил свои мысли о подряде, рассказал о том, как работает наша бригада и каких успехов она добилась, о соревновании с бригадами Шевцова и Серикова.

Строители показали мне город. Дома здесь прекрасные.

Красивые прямые улицы, широкие проспекты, много зелени, воздуха.

Я, как строитель, понимал, сколько вложено во всё это труда, сколько материала ушло, чтобы воздвигнуть этот город. Меня поразили гигантский размах строительства КамАЗа, я гордился строителями — их руками создаются города, гигантские предприятия, гидростанции! Хорошо быть созидателем!

Это чувство гордости за строителей особенно остро вспыхнуло во мне на БАМе. Туда выехала целая группа: начальник СУ-111 Г. И. Молодчинин, работник ЦК ВЛКСМ Д. Н. Филиппов, знаменитый бригадир монтажников Главмосстроя, Герой Социалистического Труда В. Е. Копелев.

Стоял июль 1975 года, в Благовещенске, где мы сделали пересадку, была жара. Душно и тяжело. Из Благовещенска на самолёте АН-24 вылетели в Шимановск. Летели два часа. Трасса была тяжёлой, много воздушных ям, но мы с Копелевым переносили перелёт в общем-то неплохо. Приземлились в Шимановске.

Здесь встретились с целой группой строителей. Не скажу, чтобы все они были богатырского роста, но все производили впечатление здоровых, крепких и выносливых людей, закалённых на сильных морозах и ураганных ветрах.

Нас пригласили на стройку, которую вела комсомольско-молодёжная бригада Александра Никитенко. Дом сооружался по методу бригадного подряда. Бригадир — молодой, крепкий парень, с загорелым энергичным лицом — немного заробел, увидя нас. Но мы по-простому стали расспрашивать его о Шимановске, о его строительстве, о доме, который они возводили, и вскоре Александр так увлёкся, что вся стеснительность с него сошла. Он говорил увлечённо, и видно было, что всё, о чём он рассказывал, очень дорого и близко ему, особенно ребята из его бригады. По его словам выходило, что трудились здесь одни лишь прекрасные люди.

Он повёл нас по строительной площадке, по этажам,

и прежде всего в глаза бросался строгий порядок и чёткая работа — никаких перекуров и простоев. Шли панелевозы за панелевозами, как только освобождалась стрела крана, уже готова была очередная плита для подъёма. Нигде мы не видели спешки и суеты. Работа шла ритмично и спокойно.

В обеденный перерыв мы разговаривали со строителями, молодыми комсомольцами. Они нам очень понравились. Было сразу видно — весёлые ребята, полные жизни, трудового энтузиазма.

На стройке железная дисциплина, но она никого не угнетает.

— Что такое филонить, у нас никто не знает, никаких опозданий на работу, за день всего два перекура,— пояснял нам Никитенко. — Какие трудности? — пожал плечами Александр на наш вопрос.— Да у нас никто не жалуется. Конечно, здесь сильные морозы, сильные ветры, их особенно ощущаешь, когда работаешь наверху. Но мы уже привыкли.

Говоря о бамовцах, об их искреннем, высоком энтузиазме, нельзя не вспомнить о том, что они сами строят себе дома — после работы, без дополнительной оплаты за сверхурочные. Их обеспечивали технической документацией, материалами, и они строили. Так и перебирались из палаток в благоустроенные дома.

И в Шимановске, и в Тынде мы встречались со многими строителями БАМа. Это всё молодёжь, и биография у них у всех очень схожа — короткая и выразительная. И есть у них у всех одно сильное чувство, всепобеждающая мечта — построить БАМ.

И ещё, мы заметили, у них развито чувство хозяина: «Я — хозяин стройки», «Я — строитель БАМа» — это их гордость, это заставляет их переносить все трудности жизни и работы, а трудностей там хватает.

Ребята жили одной мечтой — скорее построить железную дорогу и дать стране те богатства, которые кроются в

недрах этого сурового края. Молодёжь с особым увлечением рассказывает о сокровищах, запряганных в недрах этого края.

Мы заметили, что бамовцы не любят говорить о своих трудностях, это им не интересно. Увлечённо они говорят о своём труде и будущем БАМа. Особенно охотно они подчёркивают грандиозность стройки, например, огромную протяжённость тоннелей, которые будут построены на трассе БАМа. И в Шимановске, и в Тынде нам с восхищением рассказывали о пятнадцатикилометровом тоннеле, который будет пробит в Северо-Муйском горном хребте. И о многом, многом другом, свидетельствующем о необыкновенных масштабах стройки века.

Да, на БАМе все охвачены радостным пафосом труда. Интересно было смотреть на ребят, когда мы решили от слов перейти к делу. На строительстве сорокавосемиквартирного дома я повёл кирпичную кладку. Ребята обступили меня и с огромным интересом следили за моей работой. Я, конечно, напрягал все силы, чтобы работа шла классно,— ряд получился хороший, шов ровный, кладка шла быстро. Ребята не спускали с меня глаз, обсуждали каждое моё движение. Но по уже сложенным этажам я видел, что строители неплохо освоили свою профессию.

26, 27 и 28 июня в посёлке Тындинском проходил семинар бригадиров и группкомсоргов Центрального участка БАМа. Обсуждался вопрос совершенствования организации труда и внедрения бригадного подряда. Мы с огромным интересом прослушали доклады о задачах, которые стояли перед строителями БАМа, об организационных и технических мероприятиях по подготовке и переходу на бригадный подряд.

Здесь было предоставлено слово мне, Копелеву и другим членам нашей группы.

Я постарался как можно подробнее рассказать о бригадном подряде, о тех организационных условиях, без которых он немислим. По массе заданных нам вопросов мы

видели, с какой заинтересованностью бамовцы относятся к нашему опыту.

На второй день семинара начали работу секции: монтажников пути, промышленного и гражданского строительства, механизаторов и строительства искусственных сооружений. В секциях выступали руководящие работники — главные инженеры трестов, руководители служб, специалисты и бригадиры. Здесь всесторонне обсуждались вопросы, связанные с внедрением бригадного подряда.

Я вновь выступал, на этот раз перед каменщиками, и снова подробно рассказал о подряде, но не только о нём — ведь передо мной сидела молодёжь, и мы беседовали о воспитании в коллективе, о коммунистическом отношении к труду, о бригадире как наставнике молодёжи. Бамовцы по-деловому подходили к бригадному подряду. На семинаре были выработаны рекомендации по его внедрению.

Поездка на БАМ произвела на нас огромное впечатление, и больше всего нас восхитила молодёжь. Да и сама стройка, грандиозные её задачи вызвали у нас особое отношение. Нам хотелось помочь бамовцам всем, чем только мы можем.

И мы опубликовали «Обращение о создании школ обучения молодых бригадиров подрядному методу».

Заканчивалось наше обращение так:

«Мы призываем заслуженных бригадиров, передовиков строительного производства, наставников молодёжи, Героев Социалистического Труда принять самое активное участие в подготовке умелых, технически грамотных руководителей молодёжных коллективов строителей для выполнения ответственных заданий на сооружении магистрали века! Создадим на базе своих бригад школы подготовки бригадиров, строителей для БАМа! Будем поддерживать с ними постоянную связь, делиться своим опытом и мастерством!

Сделаем всё для того, чтобы на БАМе работала молодёжь с высшей квалификацией!»

Наше предложение создать школы обучения молодых бригадиров подрядному методу поддержал ЦК ВЛКСМ. Было решено создать на базе «Зеленоградстроя» школу по подготовке молодых бригадиров для всесоюзных ударных комсомольскихстроек.

В апреле 1976 года ЦК ВЛКСМ, Госстрой СССР и ЦК профсоюза строителей приняли постановление «О мерах по дальнейшему распространению бригадного подряда в строительстве».

Школа была организована, программа теоретических и практических занятий рассчитывалась на 160 часов в месяц. Ряд строительных министерств разослал приглашение строительным организациям прислать молодых бригадиров в эту школу. И вот осенью 1976 года школа начала работать.

После теоретических занятий началась практика. Учащиеся школы были распределены по ведущим бригадам, работающим по бригадному подряду. У нас проходила практику целая группа строителей — они с огромной заинтересованностью присматривались ко всему: и как распределены обязанности между рабочими, и как организованы рабочие места, расставлены механизмы и т. п.

В марте прибыли новые учащиеся. Бригадный подряд шёл дальше и дальше, в глубь страны и, наконец, шагнул за пределы нашей Родины — он стал распространяться и в других социалистических странах. Вместе с товарищами выезжал я в ГДР, Чехословакию, Болгарию, причём по несколько раз.

Помню, как тепло нас встретили рабочие потсдамского домостроительного комбината. В Германской Демократической Республике бригадный подряд получил широкое распространение. На него перешли все домостроительные комбинаты. Товарищи из ГДР интересовались до мельчайших подробностей тем, как мы работаем у себя в бригаде,

как этот метод распространяется у нас в стране. Много говорилось о прогрессивности этого метода, о его внедрении.

Рабочий потсдамского домостроительного комбината Клаус-Петер Файт под гром аплодисментов подарил мне свою картину. На ней изображены два рабочих у башенного крана. Я был искренне тронут, сердечно поблагодарил Файта за подарок, а всех остальных за тёплый приём. Теперь эта картина висит у меня в квартире и напоминает о друзьях из ГДР. Мне присвоили почётное звание «Заслуженный строитель ГДР». Об этом было объявлено 22 июня на торжественном заседании в Ростове, посвящённом Дню строителя ГДР.

Из Берлина к нам в Зеленоград приезжал бригадир поточной линии Вольфганг Антош. Его коллектив первым в ГДР стал работать по бригадному подряду. Антош рассказывал о том, что новый метод намного повысил личную ответственность каждого строителя за судьбу стройки. От имени своих товарищей он преподнёс нашей бригаде подарок — шахматы с фигурами из полированного мрамора.

Приезжал к нам в Зеленоград гость и из Чехословакии — монтажник Франтишек Фишер. Он рассказывал:

— Бригадный метод у нас полностью оправдал себя.

Мы стали работать быстрее, а главное — меняется отношение людей к труду, меньше стало недоделок, повысилось качество строительства.

Многие зарубежные друзья присылают нам письма. Так, Сундуйна Хэрлэн, руководитель комплексной бригады Улан-Баторского стройтреста, депутат Великого народного Хурала Монгольской Народной Республики, писал нам:

«Ваш опыт — наше богатство. И хотя мы с вами, товарищ Злобин, не встречались, вы наш давний, близкий знакомый, вы наш учитель. Используя ваш опыт, мы создали бригаду и подрядным методом уже построили четыре школы. Сдали их почти на год раньше срока, с отличным качеством. Производительность труда в бригаде за это время

выросла в полтора раза. Мы идём вашим путём и освоили по две-три строительные профессии.

Почин нашей бригады поддержан Политбюро ЦК МНРП. Теперь у нас в Монголии создано уже больше пятидесяти злобинских бригад».

Я посетил не только социалистические страны. С большой группой товарищей был я и в США.

В Нью-Йорке меня поразили контраст центральных улиц города с окраинами. Огромные высотные дома, кричащая красочная реклама, фешенебельная публика, потоки богатых автомашин в центре — и жалкие лачуги окраин. Наши люди даже представить себе не могут, до чего же тесно и грязно в этих районах, какая жуткая нищета кричит здесь из всех щелей, закоулков и переулков.

Невольно я вспоминал новые районы Москвы, если можно так сказать, окраины Москвы — Тёплый Стан, Бирюлёво, Строгино да любая окраина — какие же там строят замечательные дома, с комфортабельными квартирами, со всеми удобствами, и каждая семья получает там бесплатно отдельную квартиру. Мы привыкли к этому, это никого не удивляет, и мы уже забыли, какие страшные лачуги в царское время лепились на окраинах Москвы. Мы забыли а в Нью-Йорке это действительность, это сегодняшний день.

В Нью-Йорке мы видели уволенных рабочих, которые живут на случайные заработки, беседовали с выпускниками университета, которые не уверены в том, что сумеют устроиться на работу, встречались с молодыми людьми, мечтающими о высшем образовании, но не имеющими средств на его получение. Все они, как и многие другие американцы, с восхищением и завистью слушали о том, что в нашей стране право на труд, на образование гарантировано Конституцией. На одной из наших встреч мне и моим коллегам по труду задали вопрос: неужели вам, советским рабочим ни разу не приходилось бороться за свои права? Не всем по душе пришёлся наш ответ: за свои права советские люди

боролись и завоевали их в 1917 году, а теперь они строго охраняются нашими законами,— ответили мы.

...В моей жизни произошло большое волнующее событие: Московской городской партийной конференцией я был избран делегатом на XXV съезд КПСС.

Трудно передать, какие счастливые чувства переживал я, а самое главное из них — большое чувство благодарности нашей бригаде. Ведь только наш общий труд, труд всей бригады помог мне удостоиться этой чести. Я был глубоко благодарен также нашей городской партийной организации, избравшей меня на съезд.

К открытию съезда мы выполнили все взятые на себя обязательства: досрочно сдали под отделку шестнадцатизэтажный корпус № 937, закончив работу за четыре месяца вместо семи. Бригада перешла на строительство нового корпуса, который мы обязались сдать в третьем квартале. Кроме того, коллектив взял обязательство до конца года смонтировать ещё один дом — сверхплановый.

...Настал день открытия съезда. Я проснулся в четыре часа утра. Не мог спать. Стал собираться в Москву. Вместе со мной встала и Тамара. Она, пожалуй, волновалась не меньше меня. Я тщательно побрился, надел свой новый, чёрный костюм. От возбуждения не мог ничего есть. Еле дождался семи часов и зашагал к станции. Ведь мы живём в Зеленограде и ездим в Москву со станции Крюково.

В поезде мне казалось, что все смотрят на меня и видят, какой я праздничный и радостный. Видимо, такие чувства переживал не я один. За полтора часа до открытия съезда я уже шагал по Красной площади, направляясь ко Дворцу съездов. Площадь была полна народа — это делегаты спешили ко Дворцу. И у всех в душе и на лицах — праздник.

Во Дворце я вместе с другими делегатами поднялся по эскалатору в фойе. Оно быстро наполнилось делегатами. Все настолько были переполнены радостными чувствами, что необходимо было ими с кем-то поделиться. Сразу

завязывались знакомства, шли оживлённые разговоры. Суетились фотографы, они быстро и умело составляли живописные группы и фотографировали их для газет и журналов. Работники радио протягивали микрофоны и просили поделиться впечатлениями и мыслями.

За пятнадцать минут до открытия мы все уже сидели в зале. Когда на сцену вышли руководители партии, весь огромный зал встал, раздался гром аплодисментов и радостные возгласы: «Да здравствует Коммунистическая партия, ура!»

Я был избран в президиум и сидел теперь не со своей делегацией, а на сцене Дворца.

Съезд длился десять дней, распорядок дня был очень насыщен. С огромным интересом и вниманием выслушали делегаты Отчётный доклад ЦК КПСС. Начались прения. Было много интересных выступлений и наших товарищей, и гостей из других стран.

Выступил и я. Прямо надо сказать — волновался здорово. Но по мере того как говорил, волнение постепенно улеглось. Я начал с того, что у Коммунистической партии нет иных интересов, чем интересы народа, что партия создала рабочему человеку все условия для вдохновенного и созидательного труда. Доложил съезду о работе нашей бригады, о её вкладе в пятилетку — 14 шестнадцатизэтажных домов, школа на тысячу учащихся, детский сад на 250 мест. Все объекты сданы с оценкой «отлично» и «хорошо». Всего за пятилетие нами выполнена работа в объёме свыше семи миллионов рублей. Это в полтора раза больше пятилетнего задания. Сверх плана построено 76 тысяч квадратных метров жилой площади, или четыре двухсотквартирных дома, школа, детский сад. Я, конечно, сообщал, что наши успехи во многом обусловлены методом бригадного подряда, что этот метод организации труда получил всесоюзное признание и одобрен ЦК КПСС, что, насколько мне известно, по этому методу работает ныне более тридцати тысяч бригад.

Я говорил с трибуны о том, что строим мы всё больше и лучше. Но мы не должны забывать, что одновременно растут требования к нашей работе, особенно к её качеству. В строительстве, в том числе и в нашей бригаде, имеются значительные неиспользованные резервы... Поскольку мы работаем на подряде давно, то с нами смежники и поставщики считаются в большей степени. Знаю, многие другие бригады находятся в более сложных условиях. Они охотно перешли бы на подряд, но повсеместному внедрению хозрасчёта мешают серьёзные недостатки в организации строительного производства. Главные из них: не налажено чёткое взаимодействие между всеми участниками строительного конвейера. Нередки перебои в снабжении материалами. Все знают азбучную истину, что любая стройка начинается с проекта, с инженерной подготовки территории, что сначала надо проложить подземные коммуникации, дороги, а потом уже приступать к монтажу здания. А на деле получается нередко по-иному. Приходит бригада на площадку, где должны уже быть закончены работы по нулевому циклу, а сооружение дорог, инженерных коммуникаций не закончено. Зачастую завершают их лишь тогда, когда заканчивается монтаж, а то и отделка здания. Нарушается технология, неизбежно снижается качество. Из-за незавершённости инженерных сооружений готовые объекты подолгу не вводятся в эксплуатацию. Пробовали мы разобраться: в чём же причина подобных просчётов? Заказчик кивает на задержку чертежей, без которых не открывается финансирование. Проектировщики же ссылаются на то, что слишком поздно утверждаются планы нового строительства. На строительной площадке это оборачивается простоями, штурмовщиной, ослаблением дисциплины. Видимо, поворот к улучшению строительного дела в первую очередь связан с качественным совершенствованием планирования.

Здесь мою речь прервали аплодисментами, видимо, вопросы планирования затрагивали многих.

При сегодняшних масштабах работы, продолжал я, нельзя жить одним годом. Правильно подсказывает нам Центральный Комитет: нужен план на перспективу. Зная на два-три года вперёд, что и где будет строиться, тресты, управления и бригады смогут лучше и грамотнее подготовиться к началу работ.

Далее я остановился на моральном и материальном поощрении как рабочего, так и специалиста-руководителя. Надо, чтобы эти поощрения были связаны с результатами работы коллектива треста, объединения, главка в целом. Создать в строительстве на всех его этапах такие экономические условия, которые бы целенаправленно стимулировали высокопроизводительный, слаженный, высококачественный труд и повышали личную ответственность всех работников.

И опять меня прервали аплодисменты.

Я помолчал немного и продолжил речь о том, что развитие строительного дела требует доведения до конца и его индустриализации. Монтаж здания мы ведём высокими темпами, работаем, как на заводском конвейере. А вот отделочники, которые идут вслед за нами, почти всё делают вручную. Освоенные Министерством строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР эффективные средства малой механизации можно перечислить по пальцам. Наверное, настало время, чтобы машиностроители всерьёз взялись за решение этой проблемы.

Я закончил своё выступление словами о том, что наше рабочее отношение к внутренней и внешней политике родной ленинской партии — её полная и безраздельная поддержка.

Съезд партии был для меня большой политической школой. Я шире и глубже стал вникать во многие вопросы, многое увидел в новом свете.

Дома у нас в гостях была Валентина. Как только увидела меня, встрепенулась. Я уже догадывался, что разговор

пойдёт о Петьке. Дело в том, что по окончании ПТУ он не попал к нам на стройку. Их всех распределили в другое управление. Я, конечно, мог договориться и Петьку бы направили ко мне, но тут не захотел сам мальчишка.

— Дядя Коля, неудобно перед товарищами,— сказал он мне,— все бы хотели к вам. Да и отбиваться от друзей неохота.

Мне понравилось, что он не хочет воспользоваться «связями». Всё же съездил к ним на его работу, встретился с бригадиром Пети, сказал, что шефствую над этим мальчиком, вернее, теперь уже юношей, что если у него будут какие срывы, чтоб мне позвонили. Оставил бригадиру свой рабочий и домашний телефон.

По правде говоря, бригадир мне не понравился. Всеми своими повадками напомнил он мне Фёдора. Но что поделаешь — направили к нему Петю с товарищами, и должны они у него работать.

Через полмесяца прибежала к нам Ксения, расстроенная, перепуганная.

— Дядя Коля, Петечка пьяный домой пришёл. Только половину получки принёс. Остальное пропил.

— Пропил? — удивился я.— Да он же не пьёт.

— Утром, когда проспался, мы с мамой за него взялись, а он тут же обозлился, начал кричать, что все так делают — с первой получки надо всю бригаду угостить, иначе нельзя, такой порядок, и он срамиться не намерен. Накричал на маму, сказал, что, коли мы будем ему мешать жить, он совсем из дома уйдёт.

Вечером я был у Матвеевых. Петя внимательно меня слушал, смотрел в пол, потом с сердцем сказал:

— Да пропади пропадом эта водка! Противная, аж стошнило меня. Но сами посудите, дядя Коля, пошли мы за получкой, а бригадир говорит: вы порядок-то не нарушайте, правило есть — с первой получки угощение ставить. Ну мы-то не знали, что, как, так один монтажник пошёл с нами в магазин, взял несколько бутылок водки, потом сала свиного,

рыбных консервов, хлеба, ну и после смены все сели «обмывать» нашу первую получку. Я не хотел пить, так надо мной смеяться начали, я и выпил полстакана, а потом бригадир ещё преподнёс, ну я выпил. А потом уж плохо помню, мутило меня, тошно было, кто-то меня домой отвёл. Я, дядя Коля, больше пить не буду, пусть только мать и Ксения меня не учат. Сам всё знаю. Не маленький.

Посидел я у них, поговорили, и вроде всё уладилось. А со второй получкой повторилось всё снова. Тут я поехал к бригадиру Пети и говорю — так и так, я шеф Матвеева, хочу знать, как он работает, почему второй раз приходит пьяным домой.

— Пьяным? — удивился бригадир, сделав большие глаза.

Только всё это было как-то фальшиво. Вызвал он Петю и вроде строго говорит ему:

— Ты, Матвеев, где-то напиваешься, а мне выговор преподносят? А вы, товарищ Злобин, нам не доверяете? Мы ведь тоже рабочий класс. Вы уж своё шефство оставьте, я сам возьму шефство над Матвеевым. А то, ей-богу, обидно.

Вот так обернулось это дело. На стройку я больше к Пете не ездил. Но в день его получки вечером приезжал к Матвеевым. Парень полностью отдавал матери деньги и являлся домой трезвым. Я было успокоился, но как-то была у нас Ксения и с горечью рассказывала, что брат частенько приходит навеселе. Видать, в бригаде рабочие пьют и его втягивают. Что мне оставалось делать? Я пригрозил ему, что, если он пить не перестанет, я попрошу, чтобы его перевели в другую строительную бригаду.

Пётр поднял на меня колючий, злой взгляд, еле слышно процедил:

— Я тогда из дому уйду. Вы и знать не будете, где я.

Домой он больше пьяным не приходил, но частенько по два-три дня вообще не являлся, говорил, что дом ему осточертел и он ночует у друзей.

И вот Валентина у нас. Лицо её, похудевшее, осунувшееся, от слёз в красных пятнах. Глаза умоляюще смотрят на меня:

— Не сумела я, Николай Анатольевич, без отца, без мужского влияния воспитать Петечку. Вина моя. Беда, страшная беда приключилась с сыночком,— и Валентина заплакала.

Тамара скорее накапала ей валерьянки, дала выпить, сидит рядом, гладит по плечу и мне говорит:

— В тюрьме сидит Петька. Следствие идёт. Драка была. Он кого-то ножом пырнул.

— Да нож ему в руки вложили,— прорыдала Валентина.— Пьяные были. У Петечки никогда ножа с собой не было. Финка это. Драка началась, ему кто-то нож в руки и вложил. Так Петечка рассказывает, только он не помнит, кто же это нож-то ему подsunул. Петечка правду говорит. Николай Анатольевич, спасите, не дайте ему погибнуть, только на вас надежда, на вас одного, помогите мне, несчастной!

Я, конечно, обещал сделать, что могу.

В это время крепкой опорой Матвеевых стал жених Ксени — Григорий Александрович Орлов. Он бегал по адвокатам, был у прокурора, добился свидания Валентины и Ксени с Петром, сам был у него. Несколько раз приезжал ко мне в Зеленоград, советовался, как действовать, как поступать.

Добился и я свидания с Петром. Он увидел меня, обрадовался, бросился ко мне, обнял и заплакал. Плакал как маленький, обиженный мальчонка. Он сильно изменился, похудел, под глазами чёрные синяки, на скуле тоже синяк, на лбу лиловая шишка.

— Дядя Коля, честное слово я не хотел никого убивать. Никогда я не носил с собой ножей, и не было у меня никогда финки. Откуда она взялась — не знаю, никак не могу вспомнить.

— Да из-за чего вы подрались?

— Дело-то ерундовское, чепуха какая-то! Выпили мы, правда, здорово, Накачались дай боже! Решили пойти к Витьке, дружку нашему. Купили ещё поллитра, пошли. Зашли зачем-то в парк. И нам навстречу другая компания. Тоже выпившие. Мы их знали. Вражда у нас давняя. Так вот, они нам дорогу не уступают, и мы им не уступаем. Стали друг против друга, слегка подталкиваем. А Костька рыжий, такой здоровенный парень, как ударит кулаком нашего Лёшку. Ну и началась тут драка. Я помню, что Митька ударил кого-то бутылкой нашей, и тут у меня в руках появилась финка, откуда она, кто мне её сунул — не знаю, не помню. И я со злости кого-то пырнул. Тут меня сбили с ног и давай колошматить. Поди, убили бы, если бы не милиционеры. Разняли нас. Я весь побитый был.

— Вижу,— отвечаю я, разглядывая его синяки.

— Дядя Коля, засудят меня теперь?

— А ты думал, безнаказанно можно пьянствовать, драться и ножом пырять?

— Дядя Коля, а как тот, пораненный?

— Живой, еле отходили, ты в живот его пырнул.

— А коли я нечаянно?

— Какое там нечаянно... Ты лучше постарайся вспомнить, кто тебе сунул финку.

— Не помню,— упавшим голосом ответил он.— Дядя Коля, как же быть-то?

— Всё вспомнить, Петя, и рассказать на суде всю правду, только правду. И надо понять, твёрдо понять — за каждое преступление человек несёт наказание. И ты будь к этому готов. Теперь дело за тем, чтобы верно определили степень твоей виновности. Для этого мы взяли отличного адвоката, опытного, он поможет судье верно определить твою вину. Ты понял меня? И ты должен не ожесточаться, не сердиться на людей, а понять свою вину, безжалостно, без скидок дать оценку своему поведению. И подумать, как ты будешь жить в дальнейшем, после отбытия наказания. Пойми, Петя, если ты сам не захочешь жить

по-настоящему, как честный человек, никто тебе не поможет. Перед тобой лежит ещё вся жизнь, и ты можешь стать человеком, нужным людям, а можешь и погубить всё своё будущее...

Мы долго говорили с Петром, и мне показалось, что он как-то встряхнулся, даже подбодрился, хотя я ему не обещал ничего.

Я был на заседании суда. Валентина не переставая плакала, Ксения сидела с помертвевшим лицом, широко раскрытыми, испуганными глазами, около неё сидел Орлов и крепко держал её за руку. Фёдор на суд не пришёл. Пётр был бледен, видно было, что он очень волновался, всё время смотрел на нас, и на глазах его были слёзы.

Суд приговорил его к восьми годам заключения в трудовой колонии со строгим режимом.

Валентина потеряла сознание. Пётр крикнул ей:

— Мама, не плачь, я буду хорошим!

...А вскоре гроза разразилась и над Ксеньей.

Она окончила институт и получила диплом с отличием. Валентину было не узнать. Впервые за последнее время на лице у неё появилась улыбка, и она с гордостью говорила:

— Ксюшенька у нас доктор. Свой доктор. Людей лечить будет.

После суда над сыном она сразу постарела, похудела, около губ появилась страдальческая складка, глаза стали какими-то мутными, потухшими. Плечи опустились, будто на них взвалили непомерную тяжесть. А тут впервые после несчастья с Петром Валентина повеселела, позвала гостей, чтобы отпраздновать окончание Ксюшей института. И во время празднества всё время улыбалась и называла Ксюшу «наш доктор».

Подсела она ко мне на минутку, лицо её вновь приняло скорбное выражение:

— Петечки нет среди нас. А уж он так был бы рад. Всё перед товарищами хвастался, что Ксюша доктором будет. Все ночи напролёт о Петечке думаю. Где моя вина? Где

пропустила что? Как горе не предупредила? Я мать, я виновата...

Я ласково погладил её по плечу, сказал мягко:

— Не терзайтесь, не вините себя, вы всё сделали, что могли. Не терзайтесь.

Григорий Александрович Орлов несколько раз бросал в нашу сторону озабоченный взгляд, а видя, как потухло лицо Валентины, подошёл к нам.

— Валентина Семёновна, без хозяйки и за столом скучно, просим вас,— он подал руку Вале и повёл её к столу.

Орлов постоянно был у них, старался помочь всем, чем только мог. Купил Валентине путёвку в санаторий, но она отказалась.

— Петечка в колонии со строгим режимом,— сказала она,— а я буду по санаториям разъезжать? Нет, не надо. Большое спасибо, но не надо.

Ксения тоже очень тяжело переживала Петину беду, но любовь к Орлову, его бережное, нежное отношение к ней, полное любви и почитания, наполняли её таким счастьем, такой силой, что горе отступало от неё, не сжимало сердца железной рукой. Ксения ещё больше похорошела, расцвела, глаза стали ещё выразительнее, и в них светилось счастье.

И вдруг однажды поздно вечером к нам приехал Орлов. Я только взглянул на него и понял: что-то случилось,

— Простите, что я так поздно. Но мне необходимо с кем-то поговорить. Дело в том, что Ксения мне отказала.

— Что? — удивился я.— Не может быть. Почему же?

Орлов с силой потёр свой большой лоб, зажмурил, потом открыл глаза и заговорил:

— Через три дня мы должны были зарегистрироваться. Венчальное платье, фата, кольца — всё было готово... Вечером я сидел у них, как обычно. Сказал, что отныне Ксения полная хозяйка в моём доме. Всё, включая и меня, принадлежит ей. «Только,— говорю я ей,— ты должна знать, что много денег я даю своим детям, кроме алиментов, по 100

рублей в месяц». Тут она как-то странно взглянула на меня, с испугом, и спрашивает: «Чьи дети?» — «Мои,— отвечаю ей,— мои, Света и Витюша». И опять Ксюша еле слышно спрашивает: «Девочка и мальчик?»— «Да»,— подтверждаю я. «Ты,— твёрдым голосом говорит Ксюша,— должен вернуться к ним! Детям нужен отец».— «Так я не отказываюсь от них, я бываю там часто, и они приходят ко мне». И тут Ксения сильным голосом, с упором на каждое слово, повторяет: «Де-тям ну-жён о-тец! Ты должен к ним вернуться».

Потом Орлов пытался объяснить нам, почему не хочет вернуться к жене:

— Я не люблю её. Она плохой человек. Детей мне жалко. Я просил их у неё, но она не отдаёт. Я всё рассказал Ксении, но она не хочет меня понять и твердит только одно: ты должен вернуться к детям. Я знаю, Ксения и Валентина Семёновна глубоко уважают вас, любят и слушаются. Помогите мне, Николай Анатольевич. Для меня Ксения — это жизнь. После того как я порвал с женой, я не верил ни одной женщине, презирал их. Я чувствовал себя глубоко несчастным и одиноким. И вдруг Ксения! Она для меня олицетворение чистоты, подлинной любви, целомудрия. Я возродился. Я поверил в любовь, в себя, в жизнь... То, чего она требует,— сверх моих сил.

Тяжело мне было слушать Орлова, чем горячее он говорил, тем сильнее поднимался во мне протест — я видел пыльную дорогу и удаляющегося по ней отца... Я молчал.

— Прошу вас, поговорите с Ксенией и Валентиной Семёновной, я чувствую, что, несмотря ни на что, она ещё любит меня.

Это Орлов говорил правду. Я знаю Ксению. Для неё Григорий Александрович был её героем. Я убеждён, что никого она так сильно не полюбит, как его. И поэтому согласился на следующий день после работы поехать к Матвеевым вместе с Орловым.

...Ксения не плакала. Она сидела собранная, строгая,

только глаза её неестественно блестели и на скулах горели яркие пятна.

Мне было трудно говорить с ней. Старая боль и обида на своего отца воскресли в моей памяти. В глубине души я был согласен с решением Ксении. Но тут же рядом были и другие мысли — я понимал, что девушка разбивает своё счастье, и мне было жаль её, да и Орлова тоже.

Я пытался внушить ей, что она должна всё хорошенько взвесить, обдумать, не торопиться с окончательным решением. Ксения долго молчала, заговорила она тихо, часто прерывая свою речь и тоскующими глазами глядя куда-то в сторону:

— Я девочкой очень любила отца, просто боготворила его. Он был таким красивым, большим, сильным, мне казалось, что он лучше всех других людей. Потом, когда я стала взрослеть, мне стало жалко отца. Я видела, какой он грубый, жестокий, видела, что он любит выпить и боится своей вульгарной жены Дарьи Ивановны. А потом... потом, когда судили Петра, я поняла всю глубину вины отца перед ним. Я стала его ненавидеть. Разве можно допустить, чтобы когда-нибудь дети Григория Александровича стали его ненавидеть? Детям нужен отец, особенно мальчикам, я же видела, видела, как не хватало Петру отца, как он о нём тосковал... А если твой сын, Григорий Александрович, свернёт с правильного пути и ты, не живя с ним, не сможешь подать ему в нужную минуту руку — ты это простишь себе? Нет, нет, не перебивай меня. Я знаю, что в подобных обстоятельствах в душе твоей обязательно шевельнётся нехорошее чувство ко мне. Невольно ты посмотришь на меня, как на ту, которая в какой-то степени виновата в твоём отчуждении от детей. Это так, это обязательно было бы так. А как будут относиться ко мне твои дети? Если бы вы все знали, как ненавидела я Дарью Ивановну! Мне казалось, что она и только она виновата в том, что отец совсем отвернулся от нас, своих детей. Как в своей душе, в душе ребёнка, я проклинала её. Даже хотела, чтобы она умерла!

А теперь я не хочу, не могу, чтобы из-за меня страдали твои дети, чтобы они проклинали меня. Я никогда, Григорий Александрович, не буду твоей женой. Никогда! И я прошу тебя, умоляю — вернись к детям.

Тут вдруг подала голос и Валентина:

— Григорий Александрович, послушайте меня... Я много страдала в жизни и многое поняла. Григорий Александрович, вернитесь к детям, вернитесь! А Ксюша никогда не будет вашей женой. Она не разрешит себе разлучать вас с детьми.

— А почему вы никогда не говорили, что у вас есть дети? — спросил я Орлова.

— Я сразу сказал Ксюше, что был женат и нахожусь с женой в разводе. Мне казалось, что само собой понятно, что у меня есть дети. Как-то язык не повернулся. Поверьте, я люблю своих детей, но не люблю говорить о них с другими, особенно с любимой девушкой. Это мне казалось бестактным. И всё же я был убеждён, что Ксения понимает, что у меня дети, и только по своей душевной деликатности не спрашивает меня о них. Я был в этом уверен.

Тягостное молчание шёпотом прервала Ксения:

— Если бы я стала твоей женой и узнала, что у тебя дети, я ушла бы от тебя. Вернись к ним, вернись! А я уезжаю далеко — на Крайний Север. Была в Министерстве здравоохранения, подала заявление, мне обещали удовлетворить мою просьбу.

— Ксения! — это был не крик, а сама боль.

...Через короткое время Ксения действительно уехала работать врачом на Крайний Север. А года два спустя на одном из городских совещаний я встретил Григория Александровича Орлова. Он мало изменился, только на висках прибавилось седины, но держался прямо. Широкоплечий, сильный, он напоминал мне крепкий, могучий дуб. Крупные черты его лица стали суше, суровее.

Я подошёл к нему. Когда он меня увидел, что-то дрогнуло в его лице, но через секунду он овладел собой. Спросил

меня, как я живу, как работаю. Потом — не знаю ли, как живёт Ксения.

— А вы не переписываетесь?

— Я написал ей письмо, но она не ответила, а потом звонила мне Валентина Семёновна и передала просьбу Ксении больше ей не писать. Я не пишу.

— Вы живёте с детьми?

— Нет,— очень сухо ответил он,— я живу один.

На городской партийной конференции меня выбрали делегатом на XXVI съезд партии.

...Огромное фойе Дворца съездов. До открытия XXVI съезда КПСС ещё много времени, а фойе полно делегатами. Всюду светлые, сияющие лица, оживлённые разговоры. Фотографы, телевизионные камеры, ослепительный свет юпитеров...

Съезд начал свою работу. Гроном аплодисментов, долго не смолкающим, встречают делегаты партийных руководителей.

Утверждается президиум. Среди других товарищей в президиум был выбран и я.

В Отчётном докладе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза перед нами раскрылась грандиозная картина работы нашей партии, нашего народа в десятой пятилетке.

И о чём бы ни шла речь в отчёте — о прошедшей ли (десятой) пятилетке, о будущей (одиннадцатой), во главе угла была забота о советском человеке. «Всё для блага человека, всё во имя человека!»

На съезде царил интернациональная атмосфера, было много гостей из различных стран. Мы, советские люди,— интернационалисты. Мы за равноправие и свободу всех людей мира, независимо от цвета их кожи и национальной принадлежности. Мы за мир, демократию и дружбу всех людей, населяющих нашу прекрасную планету.

Съезд работал десять дней. Каждый день, возвращаясь вечером домой, я вновь и вновь переживал всё, что слышал на съезде. Я думал о том, как последовательна и крепка наша позиция в вопросе борьбы за мир. Я убеждён — не будь нашей страны, её принципиальной позиции, её мощи, давно бы в мире разыгралась страшная трагедия — атомная, а может быть, и бактериологическая война. Сколько погибло бы людей, возможно, и вообще прекратилась бы жизнь на Земле.

...Съезд закончил свою работу. Я в бригаде, на строительной площадке. В обеденный перерыв ещё и ещё раз рассказываю о съезде. И здесь завязался очень интересный разговор о повышении роли рабочего класса в жизни нашей страны.

Саша Дроздов первый заговорил на эту тему:

— Вот смотрите, товарищи, какие замечательные почины рождаются в нашей рабочей среде. Взять хотя бы, к примеру, почин кузнеца Метёлкина с завода имени Владимира Ильича «Пятилетке качества — рабочую гарантию». Разве не замечательный почин? А наш бригадный подряд? Как строители его подхватили, а? На съезде замечательно было сказано о нас, о рабочем классе, о том, что повышается его роль в жизни общества, растёт и численность. Рабочий класс стал у нас не просто самым многочисленным классом, но и большинством трудового народа. Растёт и его идейно-политическая зрелость, образованность и профессиональная квалификация.

Юра Лебедев резюмировал наш разговор так:

— Теперь рабочий класс и весь советский народ является подлинным хозяином своей страны, а отсюда и хозяйственное отношение ко всему...

В 1982 году прошло у нас партийное собрание, а потом профсоюзное, посвящённое майскому Пленуму ЦК КПСС, обсуждению Продовольственной программы СССР на период до 1990 года.

Эта программа вызвала огромный интерес, ведь вопросы,

поднятые в ней, касаются всех нас. Работникам сельского хозяйства реализовывать её на полях, фермах, в теплицах, рабочим — на заводах и фабриках, создавая машины и другие промышленные изделия, учёным — в лабораториях, а нам, строителям,— на стройках.

Немалую роль должна сыграть и шефская работа: думается мне, что горожане должны шире и мощнее развивать помощь сельскому хозяйству через действенное шефство.

Мы с большим удовлетворением одобрили меры по социальному переустройству села. В Программе намечено строительство благоустроенного жилья, в основном усадебного типа, с надворными постройками для личного подсобного хозяйства. Расширится строительство школ, детских дошкольных учреждений, клубов...

Вот какое огромное значение придаёт партия жилищному и культурно-бытовому строительству на селе. Мы, строители, можем гордиться этим.

Мы, строители,— самые мирные люди. Мы строим для людей прекрасные дворцы, театры, больницы, школы, курорты, мы возводим великолепные жилые дома, чтобы людям жилось в них радостно и счастливо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Полдень. Ярко светит солнце, на небе ни единого облачка, тепло, воздух удивительно чистый, прозрачный. Настроение в бригаде отличное. Мы закончили строительство 22-этажного дома, с его сдачей мы выполнили задание одиннадцатой пятилетки за 4 года и 4 месяца.

Вместе с Николаем Афониним, Сашей Дроздовым и Василием Непийводой обходим этаж за этажом, осматриваем квартиры. Всюду много света, воздуха. Вспоминаем свой первый дом, выстроенный по бригадному подряду, корпус № 915, там квартиры были иные — маленькие кухни и прихожие, небольшие комнаты, а теперь мы строим дома улучшенной планировки. Входишь в трёхкомнатную квартиру — и радуется сердце: большая прихожая, кухня 10—11 квадратных метров, большие подсобки, встроенные шкафы, две лоджии, все три комнаты изолированные, в них 45—46 квадратных метров.

Мы на 22-м этаже, подходим к окну — перед глазами расстилается наш красавец город Зеленоград: высокие, красивые, новенькие дома, окружённые елями, соснами и берёзами, стройные проспекты, бульвары.

— Николай Анатольевич,— говорит Саша Дроздов,— а ведь приятно сознавать, что этот красивый город строим и мы. Сколько здесь всего наша бригада понастроила, и не сосчитаешь...

— А почему не сосчитаешь,— отвечает Николай Афонин,— поди, каждый дом, что строили по бригадному подряду, на всю жизнь запомнили. Дома эти на сердце легли...

Сколько тревог было, радости, какой труд,— трудились-то с азартом, с выдумкой. Как забыть первый корпус, что строили по бригадному подряду,— 915-й, да никогда его не забудешь, а 908-й...

— А помните,— перебивает его Саша Дроздов,— лишние перегородки на доме серии И-209а?

Тут мы все смеёмся,— ведь нам никто не верил, что в проекте была запланирована лишняя перегородка на каждом этаже.

Потом мы вспомнили, сколько мучились с корпусом 162 «б», по вине отделочников сдали его только на «удовлетворительно» и сильно расстраивались тогда, много горя хлебнули. Но тут Саша напомнил, что зато школу и детский сад мы хорошо построили.

— Но, пожалуй, лучше всего мы поработали в 11-й пятилетке,— с гордостью говорит Афонин,— за 4 года и 4 месяца мы отгрохали 8 жилых 22-этажных дома, это тебе не шутка! За 9—10 месяцев — дом в 22 этажа!

— Не шутка,— вторит Саша,— 96,5 тысячи квадратных метров жилой площади...

— В наши дома,— говорю я,— вселилось 1663 семьи.

Мы все довольны, нам радостно — ведь когда работа спорится, поёт душа.

Дружба и дисциплина в бригаде — залог успешной работы. А у нас очень спаянная и дружная бригада. За всё это время состав её не изменился, мы отлично знаем и глубоко уважаем друг друга, и каждый старается работать как можно лучше, не подводить товарищей. План работы для нас — неукоснительный закон.

Народ у нас очень активный, с большим интересом все следят за разными трудовыми починами, которые рождаются в стране, особенно, конечно, в строительстве. Если находят что-то применимое к нашей работе, тут же подхватывают.

Товарищи у нас инициативные, творческие, с ними очень интересно работать. За время работы по бригадному подряду

рабочие духовно выросли. Есть такие, которые окончили строительный техникум. Это Саша Дроздов и Саша Сальников. Садовый Николай работал у нас плотником, а теперь, по окончании техникума, работает мастером. Хромачёв Володя работает монтажником и заочно учится в строительном институте.

Все интересуются политикой, очень любят лекции как на международные темы, так и о внутренней жизни страны.

Помню, как активно, с большой заинтересованностью изучали мы в бригаде материалы апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. И не просто изучали, а делали выводы для себя, обдумывали свою работу в свете решений этого Пленума.

Первым высказался на обсуждении Саша Дроздов, и не то чтобы высказался, а просто сказал одну фразу, но она шла от сердца и как-то очень тронула всех за душу. Саша как бы задал тон обсуждению — серьёзному и задумчивому. А сказал он вот что:

— Мне на сердце легли слова, сказанные на апрельском Пленуме о том, что «мы должны добиться существенного ускорения социально-экономического прогресса. Другого пути просто нет». Нет, товарищи, понимаете,— просто нет.

И тут как-то мы все вновь глубоко поняли ответственность каждого из нас за осуществление тех задач, которые ставил Пленум перед всем нашим народом.

В бригаде при обсуждении материалов Пленума присутствовал и начальник нашего управления Пётр Павлович Семенко. У нас в управлении, и особенно в бригаде, нет, по-моему, ни одного человека, который бы глубоко не уважал его. Да и как не уважать человека, прошедшего в нашем управлении путь от мастера, прораба, старшего прораба и главного инженера до руководителя коллектива численностью около 400 человек, который выполняет в год строительно-монтажные работы на сумму около 11 миллионов рублей на объектах промышленного, жилищного и культурно-бытового назначения.

В течение пяти лет Пётр Павлович работал старшим прорабом на участке, где строила наша бригада. Он хорошо знает трудности в организации строительного производства, комплектации объектов материалами и изделиями, увязку в работе субподрядных организаций.

Он дневал и ночевал с нашей бригадой, работавшей в две и три смены, когда были трудные моменты. Рабочие, которые даже старше Семенко по возрасту, уважительно зовут его Палыч!

Все с глубокой заинтересованностью слушали его слова о том, что в повышении темпов социально-экономического развития страны большая роль принадлежит капитальному строительству. Именно от нас — строителей — во многом зависят сроки реконструкции и обновления производства, а значит, и темпы перевода экономики на рельсы интенсивного развития, решения социальных задач.

Как всегда горячо и убедительно говорил наш прораб Дмитрий Николаевич Цветков. Имея большой жизненный опыт, он — участник Великой Отечественной войны, ветеран труда — в свои 70 лет по задору не уступает многим молодым, показывает пример трудолюбия, любви к людям, стремится любое дело сделать хорошо и в срок. В нём с детства заложены черты бережливости, рачительности, чувство хозяина, который не может пройти мимо нерационального использования материалов, техники.

Особенно запомнились его слова:

— У меня душа пела, когда я читал в материалах Пленума, что речь идёт не о совершенствовании действующих технологий, а о переходе к принципиально новым технологическим системам, к технике новых поколений, дающей наивысшую эффективность. Вот где корень,— так я понимаю.

— Оно так-то так,— вступает в разговор Афонин,— но вот когда я читал газету о Пленуме, то особо подчеркнул слова о том, что в первую очередь надо активизировать человеческий фактор. Вы сами подумайте: если каждый на

своём рабочем месте будет честно работать, если поднять организованность и дисциплину, то насколько повысится производительность труда, какие огромные задачи сможем мы решить.

— Ещё чтобы планирование было правильное,— говорит Непийвода,— а то иной раз так запланируют, что хоть караул кричи, концы с концами не сходятся, да и насчёт экономии следует лучше подумать, с расточительством покончить,— читал я это в материалах Пленума и очень даже согласен с этим. Я — за!

— А я вот что скажу,— Кириллов разворачивает газету с материалами Пленума и обводит пальцем целый абзац в ней,— очень мне нравится, как здесь говорится о необходимости своевременно и качественно выполнять договорные обязательства, в плановые сроки вводить мощности и осваивать новые производственные фонды. Вот если бы все наши заводы-поставщики своевременно и качественно снабжали нас материалами, и результаты были бы выше, и качество во много раз лучше. А то всё же, хоть и договора есть с поставщиками, сколько они раз подводили нас? И не считаешь, сколько!

— Правильно,— поддерживает его Зоя Щербакова,— а я, когда на апрельском Пленуме говорилось об успехах нашей страны, с какой-то вот гордостью думала о том, как в рекордно короткие сроки был проложен сверхдальний газопровод Уренгой — Помары — Ужгород, построен БАМ, ведь только представьте себе — открыть движение поездов на всём протяжении такой огромной железнодорожной магистрали. А «Томскнефть»! Читали в газетах? Они досрочно завершают выполнение плана 11-й пятилетки. А у нас в Москве — АЗЛК, это же крупнейшее предприятие, и здесь полным ходом идёт обновление производства. До чего же мне было приятно читать о том, что по многим направлениям развития производства, науки и техники мы прочно заняли ведущие позиции в мире. В докладе на Пленуме ЦК КПСС глубоко вскрыты и наши недостатки.

Вот читала об этом и думала: скорее надо их преодолеть, скорее! И чем лучше мы будем работать, тем быстрее мы преодолеем все наши недостатки.

Что ж, обсудили мы материалы Пленума и в свете его решений стали обсуждать жизнь и работу нашего коллектива. Кое-кого покритиковали, причём без скидки на товарищеские чувства, высказали некоторые пожелания начальнику строительного управления Семенко, почти все они касались обеспечения стройки материалами. Мы знали хорошо, что далеко не всё зависит от него, тянут поставщики, но теперь с ними можно говорить иначе, чем раньше. Не уговаривать, а требовать и требовать.

Домой возвращался я поздно, но настроение было бодрое, боевое.

В воскресенье к нам в гости приехали Клава и Евграф Иванович. Клава как всегда была весёлой и шумной, разговор шёл на семейные темы, но вскоре жена вместе с Клавой ушли в кухню готовить быстропекущийся пирог по новому рецепту Клавы.

У нас с Евграфом Ивановичем начался разговор о работе. Все мы, строители, сталкиваемся примерно с одними и теми же трудностями, а ведь перед нами ставится задача в ближайшие 10 лет сократить сроки строительства объектов в 1,5—2 раза, значительно повысить производительность труда и качество работ. Этого можно добиться за счёт концентрации объектов. В Москве в текущем году из 2240 строек только 770 намечены на сдачу в эксплуатацию и в то же время в план включено 920 вновь начинаемых строек. Вот и идёт распыление материальных ресурсов и рабочей силы.

Много ещё просчётов в планировании. Строительным организациям устанавливают завышенные, заведомо невыполнимые задания.

Совершенно очевидно, что такое планирование не мобилизует трудовые коллективы на выполнение установленных заданий, неизбежно порождает безответственность,

стремление строить не то, что нужно в первую очередь, а строить, где выгодно, где меньшими усилиями можно достигнуть более высоких показателей, либо ведёт к штрафовщине, нарушению технологии работ. Ясно, что и качество в этом случае будет невысоким,

Долго мы обсуждали с Евграфом Ивановичем и вопросы отставания выполнения инженерных коммуникаций и дорог, недостаточность средств малой механизации.

В этом мы видим значительные неиспользованные резервы у строителей и большие надежды возлагаем на недавно принятое ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановление «О дальнейшем развитии индустриализации и повышении производительности труда в капитальном строительстве», в котором предусматривается дальнейшая индустриализация строительного производства, развитие и укрепление его материально-технической базы, повышение его технического уровня, эффективности и качества, рост производительности труда и сокращение сроков строительства объектов.

На следующий день, как всегда, я встал в шесть часов утра, сорока минут мне вполне достаточно, чтобы собраться на работу.

Проезжая в автобусе в ранние часы, люблюсь городом — как он прекрасен во всякую погоду! Клумбы с цветами зеленеют до самого снега.

Автобусная остановка рядом с нашим новым микрорайоном, который мы начали застраивать. Обжили мы и новый бытовой городок. В бытовках чисто и уютно. Быстро переодеваюсь в рабочую спецовку. Обмениваюсь новостями с товарищами.

В 7 часов 40 минут собираемся в центре бытового городка, как у нас в шутку говорят, «на кругу», и проводим ежедневное короткое собрание, где подводим итоги прошедших суток — называем отличившихся, журим отстающих. Здесь же даётся задание на сегодняшний день. Так как все в бригаде работают давно и хорошо знают, что им

предстоит делать,— это не занимает много времени. Тут же рабочие задают интересующие их вопросы руководству участка, председателю построенного комитета, часто присутствующему утром на объекте. Обменявшись мнениями, расходимся по своим рабочим местам.

Подходя к строящемуся корпусу, стараюсь осмотреться: вот уже в кабине башенного крана занял своё место машинист, наш наземный дирижёр Виктор Блажиевский уже принял раствор и указывает водителю, привёзшему блоки, как лучше встать под разгрузку. Заметив бригадиров субподрядных бригад — это сантехники, электрики, отделочники,— узнаю, в чём требуется наша помощь.

Ведь это раньше, до бригадного подряда, когда звено или бригада выполняла определённый вид работ, получала только за выполнение этой работы и не отвечала за конечный результат,— было стремление «выгнать» коробку здания без соблюдения технологии. При работе по бригадному подряду, когда бригада получает заработную плату за весь комплекс работ, включающий сдачу объекта в эксплуатацию, необходимо соблюдать технологию работ, оказывать помощь субподрядным организациям. Без них мы объект не сдадим.

Организовав всю работу внизу, убедившись, что на сегодня есть полный запас материалов, поднимаюсь на этажи и работаю.

Вечером, усталый, но довольный сделанным за день, возвратился домой.

Поужинали, и я сел отвечать на многочисленные письма. Иришка, моя дочь, включила радио, и мы слышим:

«Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Героя Социалистического Труда бригадира комплексной бригады строительного управления № 111 производственного строительно-монтажного объединения «Зелёно-градстрой» товарища Злобина Н. А. орденом Ленина и второй Золотой медалью «Серп и Молот».

Я растерялся и говорю: «Что? Что?», а Иришка:

— Тише, папка, слушай!

Диктор продолжал: «За выдающиеся успехи в разработке и совершенствовании передовых методов жилищного строительства, большой личный вклад в развитие бригадного подряда, досрочное выполнение заданий одиннадцатой пятилетки и проявленный трудовой героизм наградить Героя Социалистического Труда, бригадира комплексной бригады строительного управления № 111 производственного строительного-монтажного объединения «Зеленоградстрой» Главмоспромстроя при Мосгорисполкоме товарища Злобина Николая Анатольевича орденом Ленина и второй Золотой медалью «Серп и Молот». В ознаменование трудовых подвигов Героя Социалистического Труда товарища Злобина Николая Анатольевича соорудить бронзовый бюст на родине героя»...

Кончил диктор говорить, Иришка бросилась мне на шею и давай целовать.

Из кухни пришла Тамара и в недоумении спрашивает:

— Да что случилось?

— Папа дважды Герой! — кричит Иришка.— По радио передали!

— Правда? — смеётся Тамара и обнимает меня, поздравляет и радуется.

А на следующий день уже в газетах был опубликован Указ, на первой странице «Правды» большой заголовок «Слава Героям Труда!». Второй Золотой медалью «Серп и Молот» были награждены также газовщик доменной печи Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина В. Д. Наумкин, токарь-карусельщик Электростальского завода тяжёлого машиностроения производственного объединения «Электростальтяжмаш» В. М. Ярыгин и ряд других товарищей.

Такие дни, как тот, когда в Кремле нам вручали награды, запоминаются на всю жизнь. Награды нам вручал товарищ А. А. Громыко.

Очень тепло, дружески чествовали и поздравляли меня

в бригаде, я получил массу поздравлений со всех концов страны, шли письма, телеграммы. Трогательными были письма от моих односельчан, меня радовали письма молодёжи, которые, как правило, поздравляя меня с наградой, писали и о своих делах. Молодой строитель Григорий Каширин из далёкой Якутии сообщал: «Мы работаем по бригадному подряду, так сказать, ваши последователи. Недавно сдали 12-этажный дом, сдали на 68 дней раньше срока, сэкономили 80 тысяч рублей. Вашу награду второй Золотой звездой воспринимаем как награждение бригадного подряда. Ведь вы его отец. У нас комсомольско-молодёжная бригада, люди у нас от 22 до 26 лет, старше нет. Я — бригадир, мне 25 лет. Работники у нас все крепкие, так сказать, мастера своего дела, каждый владеет несколькими профессиями, может работать и столяром, и монтажником, и маляром, паркетчиком, кем хочешь. К XXVII съезду партии мы взяли большое обязательство досрочно закончить строительство 12-этажного дома. Обязательство серьёзное, но мы все крепко знаем — обязательство выполним.

Николай Анатольевич, напишите нам письмо, как там у вас дела, какая бригада, что строите сейчас. У нас все ребята от чистого сердца поздравляют вас, среди строителей дважды Героя мы что-то не знаем, видать, вы первый удостоились такой награды. Ну, конечно, все строители этим очень гордятся».

20 сентября, в день, когда нам вручали награды, состоялась встреча в Центральном Комитете КПСС с ветеранами стахановского движения, передовиками Всесоюзного социалистического соревнования. Здесь собрались замечательные люди. Дважды Герой Социалистического Труда токарь Электростальского завода тяжёлого машиностроения Московской области В. М. Ярыгин; Герои Социалистического Труда: старший инспектор треста «Стахановшахтстрой» Ворошиловградской области, бывший парторг ЦК ВКП(б) шахты «Центральная-Ирмино», в которой совершил свой подвиг Стаханов, К. Г. Петров; старший инженер Вышневолоцкого

хлопчатобумажного комбината Калининской области В. И. Гаганова, ветеран труда, бывший забойщик шахты № 2 «Капитальная» Пермской области П. К. Поджаров; бывшая в годы Великой Отечественной войны бригадиром тракторной бригады в Рязанской области, а ныне управляющая Рыбновской «Сельхозтехникой» Д. М. Гармаш, а также ветеран труда, бывшая звеньевая колхоза имени Коминтерна Черкасской области М. С. Демченко и многие другие.

С нами встретились товарищи М. С. Горбачёв, Н. И. Рыжков, В. И. Долгих, Б. Н. Пономарёв, Л. Н. Зайков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, В. П. Никонов, К. В. Русаков.

Встречу открыл Михаил Сергеевич Горбачёв, он тепло и сердечно поздравил первых стахановцев и преемников их трудовой славы в связи с 50-летием стахановского движения.

Речь мы выслушали с огромным интересом и вниманием. Была дана высокая оценка стахановскому движению, говорилось, что «стахановец», «поставхановски» — это символ инициативы, символ борьбы за всё передовое, против устаревшего, отжившего. За прошедшие полвека иными стали и техника и люди. Но традиции стахановского движения не ушли в прошлое. Нашему времени особенно сродни неукротимый дух новаторства стахановцев-первопроходцев.

На встрече также говорилось о тех важнейших задачах, которые стоят сейчас перед страной, о том, что партия взяла курс на ускорение социально-экономического развития страны, научно-технического прогресса, на неотступное укрепление дисциплины и порядка во всём. За три пятилетки предстоит обеспечить прирост промышленного потенциала, равный тому, что создан за все предшествующие годы Советской власти.

Я слушал речь и думал о том, какие же грандиозные задачи по плечу нашему народу, нашей социалистической Родине. Говорилось и о том, что успех дела в конечном счёте решается в трудовых коллективах — в объединениях

и на предприятиях, в цехах и бригадах, на рабочих местах.

Особо меня тронули слова о тех, кто идёт впереди. Им бывает порой нелегко. Ветер, как говорится, не всегда дует в их паруса: приходится ломать устоявшиеся традиции, преодолевать косность и непонимание. Но каждый новатор — это слава и гордость страны, великое достояние социалистического общества.

«Темпы, качество, бережливость, организованность — вот главные лозунги дня».

Мне очень понравились слова о том, что нельзя, чтобы реальные дела подменялись выдвиганием звонких лозунгов, а живая работа — проведением многочисленных и надуманных мероприятий.

Своё выступление товарищ Горбачёв закончил словами: «...во имя наших великих идеалов стоит жить, стоит трудиться, стоит бороться!»

Да, стоит, стоит, стоит...

Мы долго и жарко аплодировали, а потом начались наши выступления.

С особым интересом слушал я выступление К. Г. Петрова — ведь он стоял у истоков стахановского движения, когда был парторгом ЦК ВКП(б) шахты «Центральная-Ирмино», где работал Стаханов. Не под его ли влиянием, влиянием партийного руководителя, зрело у Стаханова решение идти на рекорд, добиваться наивысшей производительности труда.

Потом выступила Валентина Ивановна Гаганова. Я помню, как по всей стране гремело её имя, когда она, молодая ткачиха, решила из передовой бригады перейти в отстающую, чтобы вывести её в передовые. Было это давно, 27 лет назад, но моё поколение прекрасно помнит её подвиг. Наладив работу в этой бригаде, она вновь перешла в другую отстающую, и так было трижды. Поистине геройский поступок.

После Гагановой слово предоставили мне. Я волновался, но твёрдо знал, что хочу сказать, поэтому волнение мне не мешало говорить.

«Московские строители,— говорил я,— оказывают единодушную поддержку линии ЦК КПСС на ускорение научно-технического прогресса, укрепление трудовой и производственной дисциплины, на улучшение работы на всех участках. Мы хорошо понимаем, что практическое осуществление этой линии прямо зависит от того, как будет работать каждый рабочий, каждая бригада...

Наш коллектив, как известно, первым в стране стал работать по методу бригадного подряда. Опыт этот был одобрен ЦК КПСС и рекомендован к широкому распространению. Сегодня бригадный подряд шагнул далеко за пределы строительства. Тысячи коллективов применяют этот метод в промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства, обогащая его новыми формами и приёмами.

С начала пятилетки мы ввели в эксплуатацию 9 жилых домов площадью 108 тысяч квадратных метров, нормативные сроки строительства сократили на 270 дней. Выработка на одного рабочего у нас в прошлом году достигла 43,4 тысячи рублей, что вчетверо превышает средний показатель по главному управлению промышленного строительства.

Резервы у нас в строительстве огромны,— продолжал я.— Наша бригада в среднем на месяц против нормы сократила строительство каждого дома. Но если наладить чёткую комплектацию объектов, улучшить взаимодействие с субподрядными организациями, обеспечить нас средствами малой механизации, то сроки ещё можно сократить раза в полтора.

Да, нужны более совершенная техника и технология. Но никакой конструктор или учёный не подскажет нам, где искать резервы каждого рабочего места, их можно увидеть только «изнутри». И если каждый подойдёт к своему делу творчески, с выдумкой, то рост производительности труда подскочит неизмеримо. Вот почему мы всецело поддерживаем принятое недавно решение о широком проведении

аттестации рабочих мест и их рационализации в промышленности и других отраслях народного хозяйства.

Мы справедливо гордимся профессией строителя. Но людей нередко отпугивает то, что на стройках ещё много тяжёлой, неквалифицированной работы. Для нас, живущих и работающих в век космоса и мирного атома, серьёзной проблемой остаётся обеспечение средствами малой механизации, монтажной оснасткой, инструментами. Даже неудобно становится, когда приезжают в бригаду за опытом. И мы как-то попросили товарищей из треста «Оргтехстрой» помочь хоть чем-то. Так они трижды были у нас, каждый раз подробно выспрашивали, что нам нужно, тщательно записывали. А у нас до сих пор всё как было, так и осталось.

Складывается мнение, что и многочисленные институты, занимающиеся разработкой этих проблем, работают вхолостую. Мы, строители, науку опережаем. У нас никак не получается, чтобы мы шагали вместе или она шла впереди. Пока она где-то сзади...

Особого внимания заслуживает качество строительства. Нередко ещё радость новосёлов омрачается досадными недоделками. Думаю, нам надо вплотную заняться этой проблемой. Это — дело чести каждого московского строителя».

В заключение своего выступления я сердечно поблагодарил партию и правительство за высокую награду и заверил, что отвечу на неё самоотверженным трудом.

После меня выступил бывший забойщик шахты № 2 «Капитальная» Пермской области Павел Кузьмич Поджаров. Я сразу его вспомнил. Как-то был с сыном в Центральном музее Революции СССР, это был день шахтёра, и в одном из залов музея шла встреча москвичей с ведущими шахтёрами страны. Нас эта встреча заинтересовала, и мы остались на ней. Вскоре на трибуну вышел высокий, здоровый, с широкими плечами и сильными большими руками человек, на вид очень симпатичный, лицо доброе,

располагающее к себе. Это был Павел Кузьмич Поджарое, говорил он увлечённо, интересно, все слушали его с большим вниманием. А рассказывал он о том, как в годы Великой Отечественной войны, когда враг подошёл к Донбассу и настала угроза его оккупации, целую группу ведущих шахтёров страна послала в Кузбасс, Караганду, на Дальний Восток. Он с товарищами был направлен в Кизилковский угольный бассейн. Перед восточными угольными бассейнами стояли огромные задачи — добывать уголь за себя и за Донбасс, временно оккупированный врагом. Не все шахты Кизилковского бассейна справлялись с напряжёнными планами, не хватало квалифицированных шахтёров, оборудования. В Кизилковском угольном бассейне пласты считались самой высокой крепости, и отбойные молотки, по существу, там почти не применялись. Поджаров, изучив структуру пласта, решил применить отбойный молоток, руководство шахтой ему разрешило. В первый же день работы с отбойным молотком он дал две нормы, потом 3, 4, 5, настал день, когда он дал 10 норм — в отдельные дни он стал давать до 25 погонных метров за смену. Его метод стал называться глубоким врубом. Вскоре на шахте у него появились последователи. Встал вопрос о распространении этого опыта по всему Кизилковскому угольному бассейну. Но тут пошла молва о том, что якобы Поджарову создают особые условия, поэтому он добивается таких больших результатов. Дошли эти слухи и до Поджарова. Тогда шахтёр решил доказать, что это не так, что работать, как он, могут все. Павел Кузьмич получил разрешение у начальника участка, взял отгул на два дня, якобы по семейным обстоятельствам, а сам с отбойным молотком в два часа ночи отправился в другой район, за 18 километров, на шахту имени Владимира Ильича, крупнейшую в Кизилковском бассейне. Шахта не выполняла государственного плана. Жена его не отпускала — мол, иди лесом, тайгой, может и медведь повстречаться, но у Павла Кузьмича была только одна мысль — успеть к первой смене и начать с ней работать.

Ничего он не боялся — ни дремучей тайги, ни медведей. Шёл быстро, успел к первой смене, повидал руководство шахты и добился разрешения спуститься в шахту и работать. Разрешение получил не сразу, боялись за него, говорили: «Павел Кузьмич, мы боимся, что у тебя не получится и ты скомпрометируешь себя, наши угли очень крепкие, это не то, что у вас на шахте». И всё же Поджаров настоял. Пока он договаривался, прошла первая смена, спустился в шахту во вторую, в шахту, которую видел в первый раз, вместе с ним спустились и руководство шахтой, и инженерно-технические работники, и шахтёры. Засекли время, и Поджаров начал работать,— он глубоко верил в свой метод глубокого вруба, верил в отбойный молоток,— работал уверенно, спокойно и за 5 часов выполнил 60 рабочих норм. Весть об этом успехе молниеносно разнеслась по всему Кизилловскому бассейну, его метод получил здесь название «поджаровского», а его в шутку стали звать профессором отбойного молотка, Опыт его быстро стал распространяться по всему бассейну. У него появилось много последователей, выполняющих норму на 600—700, а некоторые и на 1000 процентов.

Я запомнил и самого Поджарова и его яркий рассказ. И вот теперь он был участником этой знаменательной встречи и выступил перед всеми нами. Выступление его было поучительным, мне понравилось, как он сказал о наставничестве: «...я считаю неверным представление, будто наставник непременно должен быть человеком пожилым, как говорится, с бородой. Бывает, что и молодой может поучить человека куда более старшего».

Интересно выступил на встрече дважды Герой Социалистического Труда токарь Электростальского завода тяжёлого машиностроения В. М. Ярыгин, и очень мне понравилось выступление бывшей звеньевой колхоза имени Коминтерна Черкасской области М. С. Демченко. Говорила она энергично, весело, зажигательно:

«Вот я слушаю. Все рассказывают про шахты, про заводы,

про штукатурку... А сами, между прочим, с удовольствием кушают сахар и пирожные. А это же всё из сахарной свёклы, из буряка...

...Был у нас в 1934 году колхозный сход. Выступали женщины постарше да поопытней меня и брали обязательство получить по 150 центнеров сахарной свёклы — самое большее. Сидим мы с подругой, волнуемся. Тоже хотим вызов принять на социалистическое соревнование. Только сколько же взять на себя? Тут моя очередь. Встала и, уж сама не помню как, выпалила: 300 центнеров. Меня, конечно, на смех подняли — вот это замахнулась! А я девчатам говорю: трудно будет, но ещё тяжелей, если слово не сдержим. Опозоримся перед колхозниками и комсомолом. Пришлось, действительно, тяжёленько. На заводе работаешь — всё от тебя зависит. Как поведёшь себя, так и работа пойдёт. У нас же можно в свёклу всю душу вложить, а тут засуха, а тут гусеница...— смотришь, весь труд насмарку. И всё же в том памятном тридцать четвёртом вырастили мы 469 центнеров. А по бригаде 406 было, по колхозу— 370.

Весь Советский Союз узнал тогда про наш урожай — оказывается, он был самым высоким в стране. Письма мне писали сотнями. В одних спрашивали, как добились такого урожая. А были и с угрозами: побойся, Мария, бога. Бог тебя накажет.

Решили послать меня на Всесоюзный съезд колхозников-ударников в Москву.

Принарядилась я, как могла: наваксила юфтевые чёботы, ситцевую кофту надела, ситцевый платочек, а пальтишко чу меня было — сегодня доярка, когда в коровник идёт, не наденет. Мне же казалось: такая я нарядная — лучше не бывает... В зале на слёте колхозницы собрались такие же, как я. И у всех была одна думка: как укрепить наши колхозы, как укрепить нашу державу. Только об этом и думали.

Приехала из Москвы, о пятистах центнерах думать стала —

такой наказ мне на съезде дали. Трудная работа около свёклы — как возле ребёнка малого. Но вот пришла осень, выкопала буряк, получилось с гектара по 529 центнеров 70 килограммов. Такая это для меня радость была!»

Меня особо взволновало заключительное слово на встрече с ветеранами стахановского движения: «Ударное стахановское движение продолжается. Это движение, которое находит поддержку в народе — в рабочем классе, крестьянстве, интеллигенции,— всегда будет жить. Оно всегда будет опорой партии в решении новых масштабных задач... В общем, мы так понимаем нашу задачу: через новые формы организаторской, политической, хозяйственной работы раскрыть те огромные возможности, которые заложены в советском человеке, в его характере».

У себя в бригаде я подробно рассказал о встрече в ЦК КПСС, интерес моих товарищей к этой встрече был огромный. Задавали вопросы, я охотно на них отвечал.

Мы много говорили о тех огромных возможностях, которые заложены в советском человеке, в его характере. Об этом же мы говорили, когда изучали материалы октябрьского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС.

На Пленуме были обсуждены серьёзнейшие вопросы: о проекте новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, об изменениях в Уставе КПСС и о проекте Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

Самым внимательным образом мы прочитали и обсудили доклад на этом Пленуме. Огромные, серьёзнейшие задачи ставятся перед нашим народом, перед Родиной.

На октябрьском Пленуме сутью нашей политики названо ускорение социально-экономического развития страны. С этой концепцией наша партия идёт к очередному XXVII съезду партии. Эта концепция является стержнем всех трёх документов — проектов новой редакции Программы КПСС, Основных направлений экономического и социального

развития СССР на двенадцатую пятилетку и на период до 2000 года и изменений в Уставе КПСС. Пленум принял решение о широком всенародном обсуждении этих документов, партия обращается к нам, советским людям, трудящимся, за советом для того, чтобы, опираясь на коллективный опыт, определить пути ускорения социально-экономического развития страны, нашего дальнейшего продвижения к коммунизму.

Докладчик говорил на Пленуме: «Исторический опыт убедительно свидетельствует: самая высокая мечта о счастье народа, принадлежащая даже гению, остаётся всего лишь благородной мечтой, если она не овладевает умами и сердцами миллионов. Передовые идеи, ставшие достоянием народных масс, превращаются в могучую движущую силу прогресса».

Обсуждая материалы октябрьского Пленума ЦК КПСС, мы решили взять новое социалистическое обязательство: к XXVII съезду КПСС построить двадцать этажей 22-этажного дома, сократить намеченные ранее сроки на 20 дней.

Всею душой мы приветствуем линию развития Родины, взятую нашей партией, и с удвоенной энергией, творчески будем осуществлять намеченные планы.

* * *

На строительстве этого
кирпичного 66-квартирного дома
(корпус 915) впервые был
применён бригадный подряд.

Начальник треста
«Зеленоградстрой»
С.Т. Дементьев беседует
с бригадой. 1970 г.

Государственная комиссия
принимает кровлю корпуса 915.

Бригады Метростроя на
строительстве, которое ведёт
бригада Н.А. Злобина

Коллектив бригады после
награждения орденами и медалями.

В 1971 году Н.А. Злобин
вступил в члены КПСС.

12-этажный жилой
кирпичный дом 8-го
микрорайона.

Слушатели Всесоюзной школы подготовки бригадиров комсомольско-молодёжных коллективов ударных комсомольских строек. Зеленоград, 1979 год.

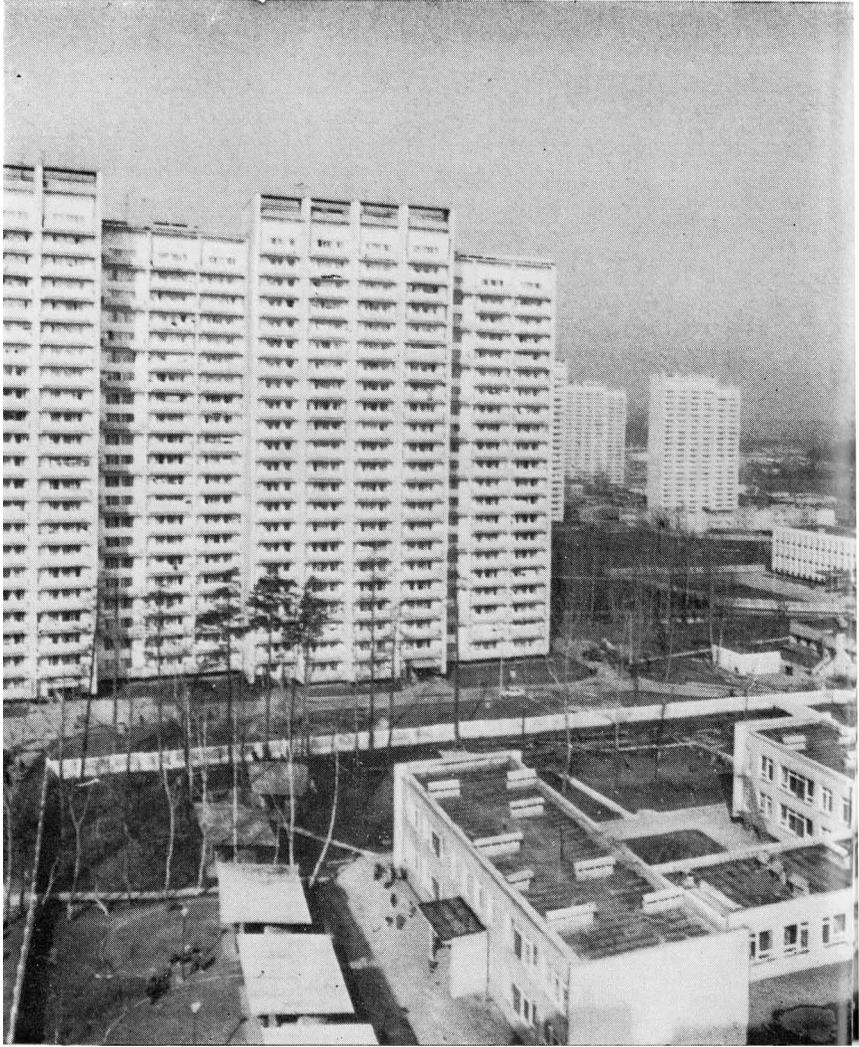
Перед защитой диплома во Всесоюзном заочном строительном техникуме. Слева – директор техникума тов. Федоркин, 1979 год.

Коллектив бригады на строительстве
10-го микрорайона.

10-й микрорайон
построен

Во время демонстрации
на Красной площади.

Выступление на XVII съезде
просоюзов. 1982 год.

Строительство корпуса 1103

в 11 микрорайоне

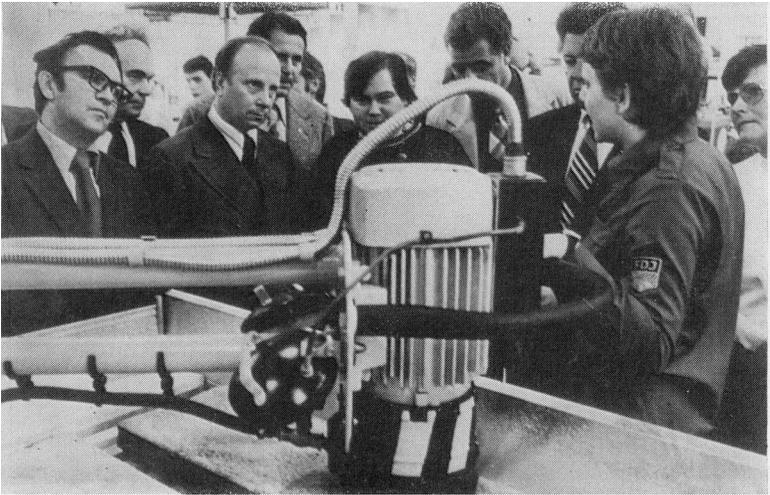
Обмен опытом
с монгольским строителем

Встреча на стройке
в Бургасе (Болгария)

Со строителями Праги. Слева – бригадир
Герой Социалистического Труда
Чехословакии Йозеф Гампл

Во время поездки в ГДР

Встреча бригады с членами литературного объединения «Высота».

Коллектив бригады на строительстве
корпуса 1202 12-го микрорайона

Монтажники бригады. Второй справа
– звеньевой А.Ф. Дроздов.

Плотники. В центре – звеньевой
Н.И. Кириллов

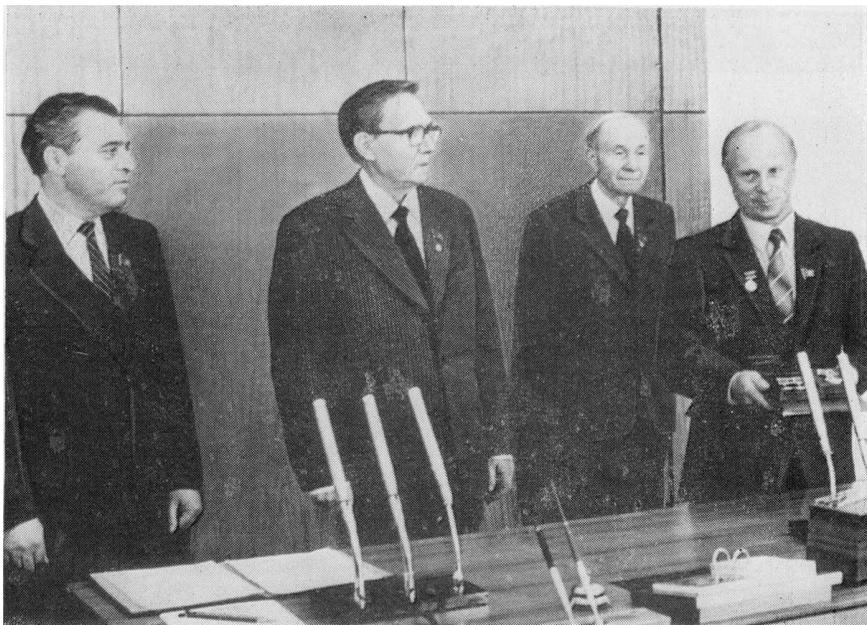
Беседа с молодыми строителями.

Во время обеденного перерыва
в бытовом городке бригады

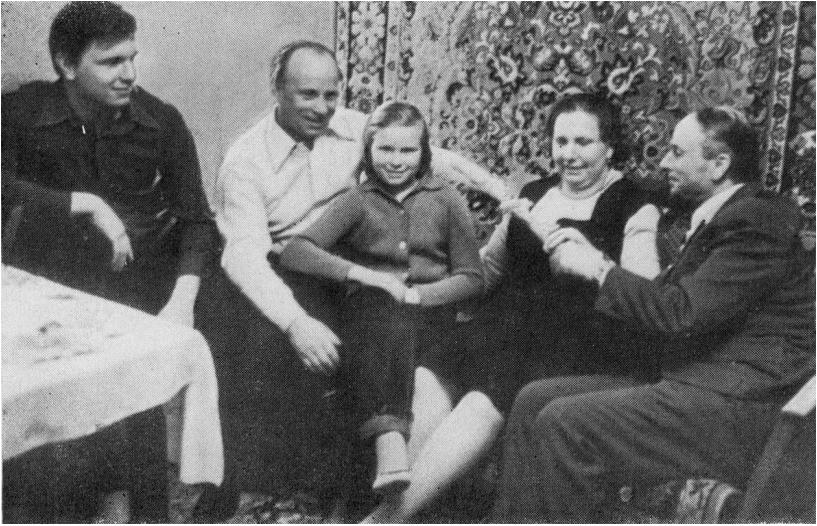
Награждение второй Золотой медалью «Серп и Молот». Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, первый заместитель

Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешавили и Н. А. Злобин.

Дважды Герои Социалистического Труда. Слева направо: бригадир комплексной бригады строительного управления № 111 строительномонтажного объединения «Зеленоградстрой» Н. А. Злобин; газозвук доменной печи Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина В. Д. Наумкин; токарь-карусельщик электростальского завода тяжёлого машиностроения производственного объединения «Электростальтяжмаш» В. М. Ярыгин.

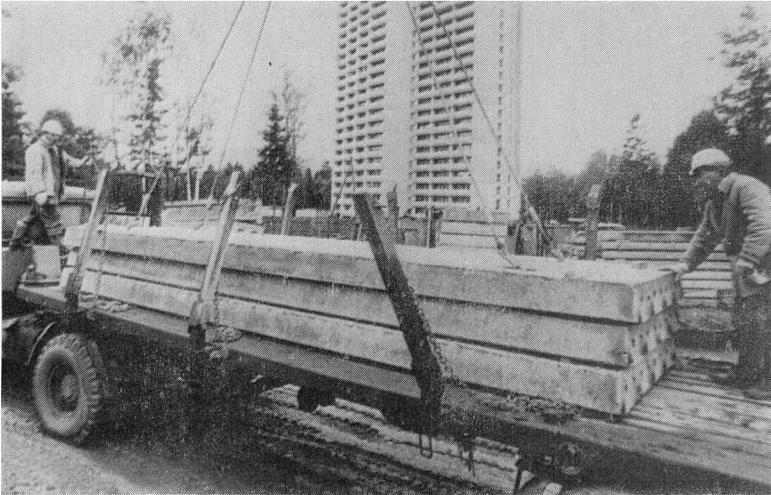
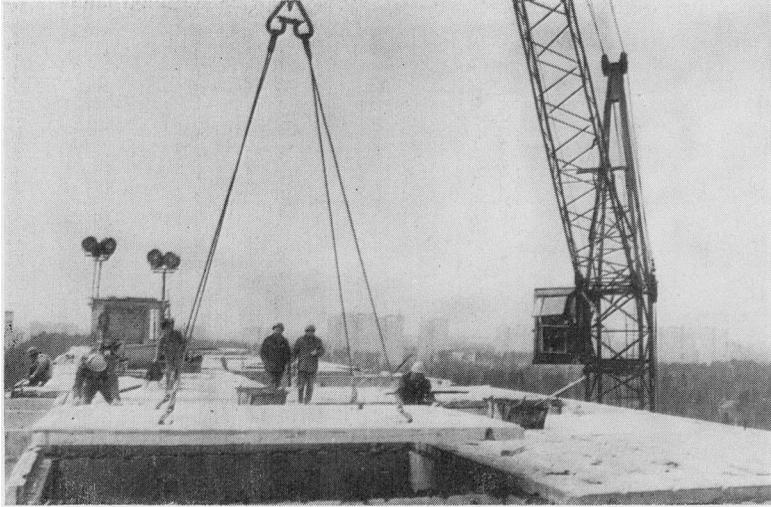

На отдыхе с дочкой

Герой Социалистического Труда
строитель В.А. Затворницкий
в гостях у семьи Н.А. Злобина.

С внучкой на демонстрации
в Зеленограде

Идѣт стройка

12-й микрорайон построен

Дважды Герой Социалистического Труда Н.А. Злобин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.....	5
Глава вторая.....	11
Глава третья.....	26
Глава четвёртая.....	56
Глава пятая.....	78
Глава шестая.....	109
Глава седьмая.....	135
Глава восьмая.....	151
Глава девятая.....	186
Глава десятая.....	221

Николай Анатольевич Злобин

РАЗВЕДЧИКИ

Редактор А. Г. Перепелицкая

Художественный редактор

А. С. Кулёмин

Технические редакторы

Т. С. Маринина,

Р. Д. Рашковская

Корректор

Т. Б. Лысенко

ИБ № 5069

Сд. в наб. 03.12.85. Подп. в печ. 25.12.85.

A12604. Формат 70×108/32.

Бум. № 1 тип., на вкл.— мелов.

Гарнитура журнальная рубленая.

Печать высокая. Усл. печ. л. 11,90 (в т. ч. вкл. 1,40). Усл. кр.-отт. 12,60.

Уч.-изд. л. 12,60 (в т. ч. вкл. 1,36). Тираж 75.000 экз. 1 з-д (1—35.000 экз.)

Зак. 477. Цена 70 к. Изд. инд. ХД-96.

Ордена «Знак Почёта» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1

Росглавполиграфпрома

Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

ЛЮДИ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

В серии «ЛЮДИ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ»

в 1986 году выходят книги:

ГЛАДЫШЕВА Л. В.

Нива жизни Терентия Мальцева

МАМЛЕЕВ Д. Ф.

Остров на парусах

(о дважды Герое Социалистического Труда
ленинградском кораблестроителе В. Смирнове)

ФЕДОРОВА Т. В.,

Герой Социалистического Труда

Наверху — Москва

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

70 к.

ЛЮДИ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

В серии «ЛЮДИ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ»

в 1986 году выходят книги:

ГЛАДЫШЕВА Л. В.

Нива жизни Терентия Мальцева

МАМЛЕЕВ Д. Ф.

Остров на парусах

(о дважды Герое Социалистического Труда
ленинградском кораблестроителе В. Смирнове)

ФЕДОРОВА Т. В.,

Герой Социалистического Труда

Наверху — Москва

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»